

А.Медведенко

**ДРЕВНЕЕ
МИРО –
НЕИССЯКАЕМО
ПОЭМЫ**

**Луганск
2013**

МАРИЯ МАГДАЛИНА

Поэма

**Заповедь новую даю вам,
да любите друг друга.**
(От Иоанна гл. 13 стих 34)

1

Уходит день. Как мне его забыть?
Что отшумело - умерло. Но все же
так хочется побитым псом завить
и возлюбить тебя, о святой Боже!
Почувствовать, как явью жжет мечта,
как полыхает нимба полукружьем.
Гляжу в себя - терзает пустота.
Гляжу на мир - и вижу равнодушие.
Печать сомненья в лицах у людей.
И лозунги лукавы, как буржуи.
Хочу молиться - нет молитв нигде!
Ищу святынь - совсем не нахожу их.
Гордыни лед. Гранит. Гвоздики ветошь.
Густеет мгла упрямей, чем Батый.
И только из ушедшего мне светишь
грядущим огоньком
одна лишь ты.
Не ты - безбрежно б правил сатана.
Не ты - над всеми б властвовал Иуда.
О, Магдалина,
зря ль свершила чудо,
вручая Иисуса временам?
Апостолоподобная, свело
мои уста и рвется грудь на части.
Иль без любви постигнуть можно зло?
Постигнув зло, постигнем ли мы счастье?
Двадцатый век итог уже подвел.
Две тыщи лет, как Светоч к нам явился.
Но, ЧЕЛОВЕК, себя ли ты обрел?
И на дела святые ль пробудился?

И по делам воздастся ли с лихвой
за нищету униженных, за хамство?
Я вызываю дух, Мария, твой,
не погасившей факел христианства.

2

(Пещера, высеченная в скале - место погребения Иисуса Христа)

Глаза и звезды. Звезды и глаза...
Рассвета луч. Голгофа, словно череп,
стряхнувши тьму, нависла над скалой.
- Христе, Иисусе, где ты, мой любимый,
мой незабвенный, -
и вошла в пещеру Мария из Магдала, -
отзовись!
Рукой дрожащей, белой, молодой
по ложу погребальному проводит,
но только запах мирра и алоэ
ее пронзает насквозь с пустоты.
- Куда тебя девали фарисеи, храмовники,
подонки-торгаши ?
На поруганье ль бросили шакалам,
иль по местам отхожим разнесли?
Христе, услышь!
Я к каждой твоей ранке
устаи припаду и выпью смерть.
Спаситель наш, кто смял твои пелены?
Они белей, чем ангелов крыла.
Вот в них возьму, укутаюсь и лягу
и буду ждать. Христос, приди!
Не зря же
Господь всесильный
кожей золотистой
и дивным телом наградил меня.
Явись, родной! Слезами твои ноги
омою я и волосами вытру...
Ты ж говорил, что вечно будешь жить!
Тьма. Тьма кругом.
Горбат, что чернокнижник,
громадный камень ссунулся и жалом
своим ослизлым пьет из меня жар.

Христе, явись! О, свет моих очей!
Молчишь.
Тогда и я навеки тоже смолкну.
Запру пещерным мраком жизни ключ!
Не допущу, чтоб губы лицемеров
касались снова струй его сладчайших,
плескались в нем,
а лжец-первосвященник,
икая, гроздья прелестей срывал.
Сейчас о выступ вот виском ударюсь -
на каменной плите себя распну!..

Явление Христа

- Жена, что ты здесь плачешь? Кого ищешь?
- Мария, ты?
И сразу
пещера озарилась дивным светом.
"Мария!" прошумело, словно шелк.
И столп огня восстал перед очами.
И перламутром утро заиграло.
- Не плачь, - сказал, как будто плат поправил,
иди к народу, там и жди меня!

Мария

Христе, родной, ты говоришь: "к народу?"

Христос

Да. Он провозгласил меня царем.

Мария

Провозгласил царем своим и тут же
предательски безжалостно распял!

Христос

Но камня ты на сердце не держи.
Все от того, что он несовершенен.
Хоть крепок телом - немощен душой.
Иди к нему и там меня увидишь.
Мы вместе будем душу в нем растить.

Мария

Христос! Христос!

Но след его мерцал
уже в рассвете, выставшем тропинку
из погребенья к вечности любви.
- Иисус! Иисус!..
Он мне сказал: "Мария!"
Он рядом был... Весь в ярком
... Он - воскрес!
О, небеса! О, Боже солнценосный!
Христос воскрес! Воистину воскрес!
Он снова жив!
Он смерть поправ!
Любимый!..
Да что я
сизу в пещере...
Встать. Бежать в общину,
апостолам сю радость возвестить!

Дьявол

Блудница, стой! В своем ли ты уме?
Он не воскрес!

*И выход из пещеры
шишкастой грудью дьявол заслонил.*

Лишь возвестишь - и духовенство храмов
тебя распнет лютее, чем его.

Мария

Сгинь, сатана! Он мне сказал: "Мария!"

Дьявол

То был не он - мой голос ты слышала.

Мария

Воскрес! Воскрес! Ведь я его люблю!

Дьявол

Распнут тебя!

Мария

Зато народ узнает,
что он воскрес,
и веру обретет
в святой посев добра и справедливость.

Дьявол

Его возлюбят, а тебя забудут.
Не ты, а он прославится в веках.

Мария

Учитель он и Бог - ему и слава!
Пусть каждому воздастся по делам.

Дьявол

Пришел спасать людей и их покинул?

Мария

Ты людям замутил природный ум.
Но я верну Христа, чтобы открыли
глаза
на злодеяния свои,
покаялись в грехах неисчислимых
и милосердье в душах обрели.

Дьявол

Но возвестишь, что он воскрес.
Я облик
его приобрету и пуше стану
на белом свете мерзости творить.

Мария

Любовь Христа не даст тебе покоя.
Насколько ты свирепствовать начнешь,
настолько и мучений испытаешь.
С мотыгой ты на солнце не мечись.

Дьявол

Я не мотыгой - лестными речами
заставлю грызть брат брата. Не ходи
к Апостолам, не возмущай народ!

Мария

Любить друг друга нас учил Учитель...

Дьявол

Вот и люби - не одного, а многих...

Мария

Я поклонялась множеству богов,
но ни один с Иисусом не сравнился,
никто любовью так не обнял мир.

(Дьявол про себя)

И дернуло шепнуть мне ей на ухо, мол я Христос!

Вот те и пошалил!

Прорвется и апостолов задурит,
язык распушит свой, как помело.

Семь бесов в ней, а я - один!

Прорвется! У ней на то достаточно любви.

Мария

Сгинь, сатана!

И тьму перекрестила троекратно
и пошла святых учений искру разжигать.

Христос воскрес!

Возлюбленный! Учитель!

Воскрес Спаситель!

Слышите, народы!

Растите души в дружбе и любви!

И прекратятся войны и не будет
напрасен труд.

Его лишь волю исполнять спешите.

Он всякую слезу с очей утрет!

Христос - Воскрес! Воистину воскрес!

Дьявол

Глаза, что угли в купе с буйным ветром.

Бежит. Горланит, как с цепи сорвалась.

Рассеется с Иисусом на устах.

"Его лишь волю исполнять спешите!
Отменна мысль! Как мило! Как прекрасно!
Язычества зерно в нее заброшу,
пусть идолопоклонство прорастёт,
пусть разжигает в людях агрессивность,
ведь род людской от Каина пошел,
а Каин, как известно, был убийца.
Пусть искушенья взбалтывают разум.
Пусть он воскрес воистину, а миром
я буду править! Я - Противобог!
И люди будут слушаться меня,
всегда спасать варавв, а не иисусов!»
(Голос Марии издалека)

...Но с верой в свет иисусы будут гибнуть
и словно феникс, возрождаться вновь.

3

Для меня и свято, и былинно
смотрятся апостолы с холста.
Только если бы не Магдалина,
мы б давно не помнили Христа.

Ах, Мария! Что с тобою было?
С ним - живым, жила ты, как в раю.
Своего учителя любила,
одержима бесами семью.
Так любила!
Так над ним рыдала,
когда он за благо принял крест.
Видеть так живым его желала,
что Иисус не выдержал -
Воскрес!

Светом и магическим дыханьем
к ней сошел совсем не для утех,
а чтоб в этом вечном мироздании
в святость дел уверовали все.

Чтобы сердцем каждый был богат,
лишь от счастья свет в очах мутился,
чтобы благородный виноград
в дикий никогда не превратился.

Ни над чем не властвовала стынь,
мудрость попирала
искус змея,
чтобы мир от подлинных святынь
чище становился и добрее.

Гвозди. Крест. Противоречье буден.
Вот и я любимой говорю:
- Коль меня любить
ты вечно будешь,
как Христос, я тоже не умру!

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

*Драматическая
поэма*

ДРЕВНЕЕ МИРО - НЕИСЛЕДИМО

Встреча с хорошей мудрой книгой для меня всегда праздник, всегда радость.

Недавно Господь подал мне поэму Андрея Медведенко "Боярыня Морозова", которая так захватила своей духовной мощью, мастерством и глубоким проникновением в материал, что вызвала меня на следующие размышления.

Поместный собор Русской Православной церкви, состоявшийся в 1971 году своим Деянием от 2 июня подтвердил православное богослужбных книг, бывших в употреблении до патриаршества Никона, засвидетельствовал спасительность старых русских обрядов, отверг порицательные выражения о старых обрядах и отменил клятвенные запреты 1656-1667 гг. на старые русские обряды. В новом Деянии Собор заявил, что любовью объемлет всех, свято хранящих древние русские обряды, как членов нашей Святой Церкви, так и именующих себя старообрядцами.

В меморандуме встречи Московского патриархата Русской Православной Церкви с представителем Древлеправославной Церкви старого обряда от 3 июня 1999 года говорится, что:

1. Впредь избегать по отношению друг к другу и к содержащимся в обеих церквах богослужбным обычаям и обрядам оскорбительных выражений.
2. Относиться с пониманием и одобрением к существованию в лоне Русской Православной церкви и приходов старого обряда, а также к введению в богослужбную практику отдельных приходов древних службных чинов.
3. Признать несправедливым имевшие место в истории преследования людей за неприятие церковных реформ 17 века.

Результаты переговоров между Московским патриархом с делегацией от Древлеправославной Поморской церкви были одобрены Священным Синодом Русской Православной Церкви на заседании 19 июля 1999 года. В синодальном постановлении преследования противников церковных реформ 17 века были не просто признаны несправедливыми, но и осуждены. Следующим шагом должно быть осознанное сожаление о происходящих трагических событиях, раскаяние за пролитую кровь.

Исходя из вышеизложенного, представляются совершенно безответственными ярлыки: секта, раскол и т. п., которые навешиваются на тех, кто ревнует о возрождении древнерусских традиций в лоне нашей церкви.

Под более чем талантливым пером поэта Андрея Медвенко раскрывается эта тема в поэме "Боярыня Морозова". Она интересна своей самостоятельностью и достойно отразила одно из сложнейших явлений истории Церкви, звучит, как призыв к покаянию перед нашими негнибаемыми предками за соблазн Церкви. Они ли раскольники? Они - герои! Ведь, если бы ни "широкое народное старообрядческое движение", вряд ли возможно было бы Православие на Руси вплоть до наших дней. По словам митрополита Филарета, именно старообрядчество спасло в 18-19 веках русскую иерархию от католичества, а русскую аристократию от протестантизма.

Сегодня уже официально считается двуперстие равноспасительным троеперстием. Оно основывается на твердой законной почве канонов.

Концепция "Москва - Третий Рим», основанная на идее хранения чистоты Православия Московской Русью после падения Византии была истолкована предшественниками царя Алексея Михайловича в прямом политическом смысле, а не в духовном, что и явилось исходной точкой трагедии Русской Церкви и России на протяжении будущих веков.

Неслучайно Поэма "Боярыня Морозова" начинается с царя, как главного виновника раскола, пожелавшего руками Никона отцов духовных перековать на свой лад.

Задача Третьего Рима в голове молодого царя Алексея Михайловича воспылала мечтой освободить православных от турок и войти в Цареград василевсом всего православия, а его другу - патриарху Никону - служить литургию в Святой Софии во главе 4-х остальных патриархов. Для этого надо было спешно согласовать все книги и обряды с греческими.

Первым шагом в направлении политической реализации этой идеи, выразившейся в стремлении наследовать престол византийских императоров и явилась Никано-Алексеевская "реформа" по современному греческому образцу, который откинул от себя старые догматы и опошил их.

«Там вера испроказилась повсюдно прельщеньями безбожных агарян, здесь в Русских землях паче просияла, святых отцов ученьями...» - утверждает Аввакум в поэме. И вот эту испроказившуюся веру Русская Церковь должна была брать за

образец. «Не так молитесь! Не так креститесь!» - ударило, словно гром среди ясного неба. И началось:

- Пинками ведут на площадь веру, как осла!
- Святые книги жгут! Христопродавцы!
- И кукишами крестятся.
- Иконам выкалывают, изверги, глаза.

Главное зло «реформы» - раскол, который явился невозвратимой растратой духовной энергии народа, огромным несчастьем в жизни Церкви и России. Он расколол душу народа и помрачил национальное сознание. Кровь полилась рекой. "Пытки, казни следуют беспрерывным рядом,- пишет старообрядческий историк, - повсюду горели костры, сжигали сотнями, тысячами людей, резали языки, рубили головы, ломали ребра, четвертовали - за двуперстие, за сохранение старых обрядов. Тюрьмы и подземелья были переполнены. Не щадили никого, даже детей. Все, что могло изобрести человечество для устрашения, паники и террора - все было пушено в ход."

За всей этой жестокостью прослеживается сценарий Ватикана, целью которого было латинизировать Московскую Русь.

О дерзость! О падение! О Русь!
Почто тебе латинских восхотелось
поступков и обычаев? Почто..., -

возмущается в письме к Морозовой Аввакум.

Никоно-Алексеевская "реформа" - это тяжкое церковное преступление. Она отверзла широкий вход в церковную среду всем последующим пагубным нововведениям - в архитектуре, иконописи, пении и т. д. С нее началось резкое оскудение веры, духовности и нравственности в русском обществе, которое отзовется великим полымям 1917 года, потому как вековые запоры были сняты и в церковное искусство шумно ворвалась мирская стихия. Русь оказалась хранительницей не православия, а грубых богослужебных ошибок.

Одних - жажда власти, других - животный страх и человекоугодничество толкали на путь грехопадения:

«Я, государь, не новой и не старой не знаю веры. Но всегда готов все, что велят начальники исполнить,» - угождает архимандрит Чудова монастыря Иоаким царю Алексею Михайловичу, потому и стал после Никона патриархом всяя Руси. Зато гнев Аввакума звучит пророчески:

Свет никогда не сговорится с тьмой! -
Взметайся, чернь!
Народа глас - глас Божий! -

и это святой гнев, ибо не земное, тем более не личное защищает он, а Святую Русь самую древнюю ветвь... нашу исконную ветвь и потому восстал ревниво и бурно.

А вот боярыня Морозова, ее сестра княгиня Урусова и дворянка Данилова - имущие и имевшие авторитет среди многочисленного простого народа, совсем не призывают к бунту, а только к духовному поединку. Таким красочным и могучим слогом раскрывается в поэме этот подвиг самопожертвования, где голос свыше, то есть глас Божий, возводит каждый шаг великомучениц на самую вершину победной силы духа над мракобесием.

Знаю, знаю твои дела, и что ты живешь там,
где престол сатаны,
и что не можешь сносить развратных и лжецов,
кои называют себя святыми.
Не страшись ничего!
Что должно тебе претерпеть, ты претерпишь.
Пускай будут ломать твои кости - терпи!
Жечь огнем и морить голодом - терпи!
Не дай одолеть себя!

И Морозова следует путем Божиим. Мужественно перенося на пыточном дворе нечеловеческие муки, обращает свой страстный глас, как к своим сподвижницам, так и в день сущий:

О люди! О двуногие! Зачем
в звериное вы впали состоянье?
Зачем вам ценны более всего
металл и камни, а не человеки?!
Терпите, магушки! Терпите, дорогие!
Не устремляйтесь к малому, когда
великое стучится в ваши двери!

Именно она вместе с протопопом Аввакумом и его окружением не дала духовно оскудеть истинному Православию. Их подвиг на протяжении трех столетий давал народу силы

преодолевать страшную "никонианскую" болезнь и дает ее ныне нам в новых жизненных испытаниях.

Поэма написана не на основе официальной истории, часто искажающей факты, а на фактах истории церкви драматического периода второй половины 17 века и является потребностью нашего сердца, дабы наступили благие перемены к лучшему в нашей многострадальной Отчизне. Она, безусловно, актуальна, так как сегодня борьба церковных идей не только не затухает, но и приобретает большую остроту, сочетаясь с чисто политическими и экономическими интересами разных стран. Вопросы, которые ставит перед современным миром автор посредством художественного слова не могут не привлекать внимание не только саму церковь, но и сегодняшний мир с его не менее сложными нравственными проблемами, чем в 17 веке.

Надеюсь, "Боярыня Морозова" еще долго будет волновать читателя, как своим воплощением в реальную жизнь приходов старого обряда в лоно Русской Церкви, так и верой в несомненный дух человека, познавшего силу добродетели на земле.

Священник ВИКТОР МУСТАФИН

БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА

Драматическая поэма

Действующие лица:

Алексей Михайлович, *царь*.
Федосья Прокопьевна Морозова, *боярыня*.
Евдокия Прокопьевна Урусова,
княгиня, родная сестра Морозовой.
Мария Герасимовна Данилова, *дворянка*.
Иоанн Воротынский, *князь*.
Аввакум, *протопоп*.
Никон, *патриарх всея Руси*.
Иоаким, *архимандрит Чудова монастыря,*
впоследствии патриарх.
Неронов, *священник*.
Ванюша, *сын Морозовой*.
Голос свыше.
Архиерей.
Странник-старец.
Юродивый.

Доктор.

¹ Стражник.

Мужики.
Бабы.
Скоморохи.
Старицы.

- Долго ли муки сея, протопоп, будет?
- Марковна, до самыя до смерти!
- Добро, Петрович, ино еще побредем.

Из «Жития протопопа Аввакума»

ЧАСТЬ I

Царь *(в Кремле)*

Полнощная пора. Что аспидная грязь
налипла тьма на мой кафтан и тело.
Перстом не шелохнуть, не сжать кулак.
Хотя б звезда сквозь облако проткнулась,
спихнула с плеч пудовую усталость
и озарила путь к монастырю.

Пусть Никон - патриарх всея Руси -
в ней неустанно свой творит молебн.
Он над холопом силу утверждает.
Укоротит, ретивый, вольнодумство
в церковном стаде и отцов духовных,
кто не со мною, - всех перекует!
О-о, как на грудь мятежно давит тьма!
Как тучен стал. Слабею... Задыхаюсь!..
Слуга, скорее лекаря! Скорей!!
Пусть отворит мне кровь ученый немец...

Доктор

...Все, государь! Немного полегчало?

Царь

Ф-фу-х! право легче, лекарь. Просветлело
в моих глазах. И дышится легко...
Персты в кулак сжимаются. Вот чудо!
Повелеваю, дохтор, всем вельможам
проделать завтра то же, что со мной.

Пускай и им наступит облегченье.

Боярский дом. Авакум в гостях у Морозовой.

Федосья Морозова

Петрович, глянь-ка! Глянь-ка! Наконец-то
Бог слепоту кромешную отряс
и месяцем, вишь, небо разродилось.
Веселенький, тонюсенький такой!..
Ножонками сучит и, несмышлениш,
вонзил во тьму серебряный свой крик,
и отступила ночь за Кремль куда-то.

Урусова

Боюсь я, чтоб Ванюшу твоего,
болезного, не разбудил он криком.

Данилова

Нет, не разбудит - паче усыпит!
Есть в лунном свете корни состраданья.

Морозова

Спи, мой соколик! Чадушко мое!
Проснешься - жизни радуйся, родимый,
как можно больше радостью душевной.

Данилова

И мудростью сердечной прозревай.
Да ведай - страшен коршун, преобретший
смирнейшего голубя перо.

Урусова

Не на перо - на клюв усердней зри
и распознаешь хищника по клюву.

Морозова

По хватке. Ныне Никон - бес носатый,
в царевы бармы впился так, что зять мой,
Борис Иваныч, - сам кормилец царский,
ничем его не в силах отодрать.

Урусова

Во гневе лютом посохом ему

он токмо нос хищнее изгорбатил.
Мечь заронил в бесстыжие глаза.

Аввакум

Свет никогда не сговорится с тьмой.
Родился токмо, а уже - светло!
Открой окно, Прокопьевна, пошире
и не препятствуй свету - пусть сияет!
Пусть к благоверью указывает путь.
И нищий, и юродивый - пусть входят
в твои хоромы. Голод утоляют.
И вместе мы помолимся, потерпим
за истину великую, за Русь.

Да будет проклят Никон-плевослов,
предавший грекам-плутням нашу веру,
охаявший святительский престол.
У них давно с католиками шашни.
Что грек, то плут! А в храмах - грязь, помет.
И вместо певчих - кур-несушек крики.
Там вера испроказилась повсюдно
прельщеньями безбожных агарян,
здесь, в русских землях, - ярче просияла
святых отцов ученьями. Неронов -
светлейший ум. Храни его Господь!

Никон *(в молельне монастыря)*

Проклятый месяц! Не успел родиться,
как сразу, нечестивец, выгрыз тьму.
Все выявил в полунощной молельне.
Все трещины - гниения жилища,
разворошил и в душу заглянул.
Что в ней узрел упрямый сей младенец?
Великое служение Христу?
Или борзую брань чертополоха?
И то и это. Иначе никак
простолюдин не выйдет в ранг владыки,
не возжелает выше стать царя
и славою вовек не насладится.

Голос свыше

О, жалкий раб, от славы отрекись

и на земле ты станешь человеком!

Никон

Я был рабом, коль был простолюдин.
Стал патриархом - значит, человеком!
Мне Бог спасенье веры положил!

Голос свыше

А что есть вера?..

Никон

Вера есть добро!..

Голос свыше

Добро творить...

Никон

Но знать чему в угоду.
Послушай, отче, притчу на сей счет:
Жил молодец, бродяга, оборванец.
Хоть и работал много - был бездомным
и вечно тощим. В рубище ходил.
Однажды он змею из-под обвала,
несчастный, спас. И та его за это
уж собралася было укусить.
- Что ж ты, змея? Я спас тебя от смерти,
- сказал, - а ты мне отвечаешь злом.
- А чем же, молодец?
- Добром благодари!
- Ну хорошо. На первый раз сними
с меня колько чешуи золотое.
Продай. А деньги кончатся - придешь.

Зажил бедняк. Отстроил дом. Служанку
себе завел в хоробах. А однажды,
гордец, решил: Чего это так мало
змея дает колец мне золотых?
Убью ее - и все их заберу!..

Голос свыше

Бог создал гадов злых по роду их.

Никон

А человека?

... Ужас, как сияет

сей молодец! И видит все насквозь!

Тускнеют свечи. Божья мать с иконы

пытает взглядом... Скройся! Слеплю!!

Клюкою враз повыколо галаза!

Не будешь зыркать! Завтра - принародно

обрушу гнев державный на обряды

Руси великой. В ярости пожгу

святые книги старцев богомерзких.

И возвеличусь я, как только Русь

моим затеям станет в послушанье.

Да будет так! Чем выше, тем трудней!

Огнем очищу путь к Вселенской церкви!

День, как Христос, в лохмотьях облаков

взойдет неотвратимо на Голгофу!

Утро.

Церквушки крест. Собора купола.

На позолоте - наростень тумана

взбухает.

В глотке у зари слеза застряла.

Ветра храп и стон.

И вывихнутый колокола бас

ворвался в растопыренный проулок.

Телеги скрип. Прыщавая рука

за волосы хватает Богоматерь

и по камням волочит и...

Аввакум

Пинками ведут на площадь веру,

как осла!

Неронов

Святые книги жгут! Христопродавцы!

Мужики

И кукишами крестятся!.

Бабы

Иконам выкальвают, изверги, глаза!..

Аввакум

Господний гнев накличут: мор, чуму!

Неронов

И царь сему потворствует!..

Юродивый

Холопы, царь Алексей - антихрист!

Бабы

Сгинь, блаженный!

Юродивый

Антихрист - зверь он о едином роге!

Спасайтесь!

Аввакум

Нет! Вступайте с ним в борьбу!

Мужики

Бей Никона! Плюй в очеса царю!

Неронов

Спасайте Богородицу! Бегите

в леса дремучие. Голодной смертью мрите!

Вовеки не умрете на земли!

Вовеки живы будете! Вовеки!

Аввакум

Взметайся, чернь.

Народа глас - глас Божий!

Морозова

Урусовой и Даниловой в стенах своего дома

Рассвирепела буря. Матерь Божью

срамят, что лиходельницу, как будто

не Бога родила она, а тварь.

Дурисвет Никон - хитроум мордвин,

попрал преданья русские. В угоду

себе творит бесчестия, злодей!
Царь Алексей Михайлович, почто
втоптал в навоз отца родного веру?
Коль Никону потворствуешь, тогда
извергни тело батюшки из гроба
и псам отдай!..
Извергнет и отдаст!
Того лишь ради, чтобы власть возвысить,
на все бесчинства с рвением пойдет.
Уже в тюрьму Неронов заточен.
В церквах не стало видно Аввакума.
По храмам токмо вертятся льстецы.
К державной длани липнут. И свирепей
резвится стужа лютая кругом.
Дерзнем же, матушки! Свирепость умягчим.
Положим благочестию начало!

ЧАСТЬ II

*Никон и архимандрит Чудова монастыря Иоаким
стоят у собора Василию Блаженному.*

Мимо проходят скоморохи и поют:

Ходит чернец по монастырю
просит чернец милостыню.

Дайте, чернице,
дайте, сестрице,
чернецови милостыню...

Вынесли ему белой муки.
А он просит у них белой руки.

Дайте, чернице,
дайте, сестрице,
чернецови милостыню...

Никон

«Прославлю - прославляющих меня!»
(*Стучит посохом о стену собора*).

И очи дерзким зодчим вынул в муках.

Иоаким

Да, тем и мудр был Грозный Иоанн,

что дивной казнью смердов и прославил.
Где все песок - колодец неча рыть!

Никон

Но ты тупее пня, архимандрит,
собор велик не росписью единой,
а нерушимым внутренним креплением.
Он ослепил тех зодчих потому,
что не свою узрел в сем храме славу,
а пакостных мужланов сих, чьи хари
облачены в иконы и на них
повелено издревле нам молиться.

Иоаким

Нам и царю?!

Никон

А царь, он что - Всевышний?
Он церкви раб и нам с тобой слуга.
И, яко месяц емлет свет от солнца,
тако и он на царство, на престол
помазанье от архиерея емлет.
Я на него сморкаюсь и плюю!

*Из Кремля выходит разодетая в парчу, вся пшиущая
женской зрелостью и красотой боярыня Морозова.*

Ба! Господь сподобил свидеться нам, свет...
Скажи, грешно в такие-то лета
томить младое тело власяницей?
Грешно, скажи? И тучу отведу
рукою от очей твоих дремучих.
Клянусь, лобзал их ирод Аввакум!

Морозова (гордо)

С дороги прочь, козлище блекотливый!
А патриарх, дак милости вдове
творить обязан, а не блудопенье.

Никон

Коли пути стеклися наши, то
иль не заспишь желания мои
принять с раденьем божиим, иль я

рукой царя во прах тебя низвергну
вослед за ненавистным мне Борисом.
Не я, а ты с пути соскочешь - вот!

Морозова

Суд праведный учил творить нас Бог.
А ты творишь насилье и наветы.
Безбожник ты! А значит, и стремленья
твои безбожны - пагуба и тля!

Уходит.

Никон

Идя ко Храму, встретишь на пути
и пыль, и грязь.
Но все пройти потребно.

Иоаким

Пора ее, владыко, приструнить.
Совсем уж окрысилась на власти.

Про себя

«Сморкаюсь на царя...» - запомнить надо
и отложить для дела. На потом...

Скоморохи (удаляясь)

Ходит чернец по монастырю.
Просит чернец милостыню.
Дайте, чернице,
дайте, сестрице,
чернецови милостыню.
Вывели ему старую бабу:
- Вот тебе, чернец, спелого бобу!
- Не то, чернице,
не то, сестрице,
чернецова милостыня.
Не то, чернице,
не то, сестрице,
чернецова милостыня.

Иконный покой. Федосья Морозова

стоит на коленях и молится.

Благодать тебе, Иисус Христос, -
первенец из мертвых и владыка царей земных!
К тебе, возлюбившему нас,
обращаю свои мольбы:
услышь мя и укрепи дух мой
на поединок с дьяволом.
Ибо что иное сохранит истинную любовь
к земле русской,
кроме святости и заветов отчих?
Не лишай хлеба нищего,
не отдай поганому чести нашей!
Дай силы сразить его, аспида!
И обрати мою печаль
в радость!

Голос свыше

Знаю, знаю твои дела, и что ты живешь там,
где престол сатаны,
и что не можешь сносить развратных и лжецов,
кои нарицают себя святыми,
и что содержишь имя мое
в такие тяжкие для тебя дни.
Знаю, знаю: покуда будут человецы самолюбцы,
сребролюбцы, хульники, а не боголюбцы -
до тех пор мир будет растлеваться.
Не страшись ничего!
Что должно тебе притерпеть, ты притерпишь.
Пускай будут ломать твои кости - терпи!
Жечь огнем и морить голодом - терпи!
Не дай одолеть себя!

*Из горенки больного Ванюши
сквозь полутьму коридора доносится слабое:*

Маманька!.. Пить! Кваску подай. Нутро
сглодал огонь. Немеют плечи. Будто
на спину мне кто жернов положил.

Мать

Пророк являлся...

Божечки! Сынок,
родименький, сейчас подам, сейчас.
Кваску с медком... А может, травки лучше...
Ох, горе-то великое! Напасти!
Все от него... от Никона, разор!

Ванюша

С тобой опять столкнулся патриарх?

Мать

Столкнулся, Ванюшко. Столкнулся, окаянный.
На, пей квасок. И паче ляг, поспи.

Ванюша

Сейчас, мамань, попью. Скажи, а правда,
в народе бают, - оборотень он?

Мать

Да, сыне... Зри, во что он обернулся:
вон, как чума лютует - не унять!
По градам всем и весям - запустенье.
В страданий бездну Русь толкнул, злобец!

Смахивает слезу.

Ванюша

Не плачь, мамань. Тебе нужны не слезы.
Не бойсь его - мне подлый страх отдай.
Сомненья есть - отдай мне и сомненья.
Тоска - тоску!
А предков гнев - оставь!
Отдай печаль. Чем больше мне отдашь,
тем легче будет путь твой к поединку.

ЧАСТЬ III

Странник (в пути)

Сошла жара. Татарник лопушистый
привял болезный. Спекся. На пригорок
сел сухойей-бродяга отдохнуть.
И мне пора. У сливы-говорухи

котомку с плеч докучную сниму,
отведаю плодов созревших с ветки.
Она не враг - голодного и взглядом
вовсе не отгонет от себя.
Присяду на разлапый копытняк.
Протру галаза разъеденные пылью,
кровавые засушины и язвы
потрогаю. Потом переkreщусь.
Съем крошку хлеба черного с половой
и, не спеша, дорогою запью.
Не сетуй, брюхо, - царь велел поститься:
От скудости теперь вся Русь в посту!
До смерти пост! Весь род наш христианский
двойною данью, дьявол, отягчил:
сирот, и вдов, и нищих, и слепых -
нет никого, кто б был им пощажен.
Везде и сокрушение, и плач!

...Ну, вот поел, родименький, и дальше
бреди в Москву, покуда сила есть.
пусть ноги измозолены, пусть плечи
натерла лямка толстая. Письмо
из земляной темницы Пустозерска
от Аввакума дочери Федосье
к вечерне я успею передать.

*Грановитая палата. Царь Алексей Михайлович и
архимандрит Иоаким.*

Царь

Геены сын! Злодей! Иуда! Шпынь!
И разоритель дома чудотворца!
Бес непотребный, дьявол Аввакум
мутит в Москве...

Иоаким

Сюда из Пустозерска
он письма шлет подметные. А чернь
их за молитвы всюду почитает.
Поглянь, светлейший, вот одно из них:
Читает
«...Духовный отрок, превратишься в червь,

коль старого отступишь благочестья!
А не отступишь - будешь ты велик.
И не гнушайся бедного. И знай:
на сколько златом жизнь отягощил ты,
на столько и в грехах своих погряз...»

Царь

Ученье сатанинское! Откуда
оно к тебе попало?

Иоаким

Из хоромов боярыни Морозовой.
Она - змеючник Аввакумов.
С простецами сравнялась добровольно.
Нищим шьет рубахи по ночам. И язвы, дура,
им омывает гнойные. И пищу
во рты им безобразные кладет.
Попался старец в руки нам. Пытали
его на дыбе. Но молчит, стервец!
Кому письмо и от кого - не кажет.

Царь

Я посылал к боярыне тебя
с поклоном о смирении. Поведай,
сегодня, яко крестится она?

Иоаким

Все тако же - двуперстьем, государь, -
по древнему обычаю. А с нею
Урусова сестрица и Мария -
стрелецкого полковника жена...

Царь

Урусову, Данилову - под стражу!
А старца и Морозову - ко мне!

Про себя

Федосия Прокопьевна... О, беси!
Верховная боярыня - мой враг!
Борис Морозов - дядя и пестун
и ей по мужу кровная родня,

учил меня кататься на лошадках
и управлять державой, как конем, -
все отдал ей, сойдя в сырую землю.
И вот она - заблудшая овца,
деньгой сорит, снуя по богодельням.
Юродствует владычица богатств.
О, сколько я ее увещевал!
Поклоны бил державною главою.
Ее часть вотчин в гнѣе расточил.
Молил: «О Ване-сыне попекися!..».
Не попеклась. В противность пуще стала!
Убожеством богатство нарекла.

К Иоакиму

Где сын ее? Как хворь его, здоров ли?!
Я лекарям лечить велел юнца.

Иоаким

Ивана архиереи залечили.
Во гробе юный стольник опочил.
На зорьке помер, а к вечерне мати
в монахини уж постриг совершила.
Теперь она - паршивая овца!

Царь

От корня, от греховного и плод
зело бывает зол. Ну, слава Богу, -
я бисер отметал перед свиньей!
Сегодня ж возложить ей чепь на вью.
Добыть злоречья татей Пустозерска!

*В это время входит Морозова.
Следом стражники вводят старца.*

Царь

...Федосьюшка! Родимая, скорблю...
по стольнике Ванюше. Видит Бог...

Морозова

Не плачешь ты, а радуешься горю,
коль изуверов козни возлюбил.
Они всему рыданье и погибель -

не токмо Ване, чаду моему.
Кто были украшением Руси -
сегодня все гонимые, а тати,
убийцы, лицемеры, подлецы
не истинно, а мздою и обманом
вскочили на святительский престол.

Борзой кобель, изменник, баболоб
с себя икону ирод-Никон пишет...

Царь

Он сослан в ссылку, льстивый хитрослав.
Не патриарх он больше - вор! Мерзавец,
сморгаться возжелавший на царя.

Морозова

Не возжелал, владыко, а сморкался.
Латинским хитрословьем новых книг
святую церковь нашу испоганил.
Богатых от убогих отвратил.
Живот роскошный - вот его вся вера!
Она ведет к растленному житью.

Старец

К бесчестию. Во адovou пропасть.

Иоаким

Богатый, о богатстве помышляй! -
так говорит писание святое, -
а бедный - в добродетели богаться,
Небесное богатство обретай!

Морозова

В сладях живете, мудрствуя с похмелья.
Презрели душу, улажая плоть.

Царь

Живот роскошный?.. Это ль не исток
к познаниям высоким человека?

Морозова

Познай народ - и ты познаешь дух!

Обычай забудешь иноверцев.
Поймешь, что Русь святая - Третий Рим -
краса земли и сила благочестья,
убежище и слава христиан.

Старец

Христа писать брюхатым не позволишь
по своему подобию.

Морозова

Вы - греки! -
язык природный стали забывать.
Святая миротворица Мария
у вас блудницей выглядит. Сосцы
оголены...

Царь

Так что же,
велишь ты по подобию нищих бабц,
а не цариц иконы си творить?

Морозова

Стан духовенства предков - скудость плоти,
на внешности - страдание и скорбь...

Старец

А не блаженство сытое. Оно
есть празднество зловерное во блюде.
Ведет к растленью вечного житья.

Иоаким

Чего ты хочешь, старец?

Старец

Вот чего!

В самые очи Иоакиму тычет двуперстие.

Иоаким

Так возьми ж!

Выхватив у стражника нож, отсекает

в ярости старцу кисть правой руки.

Старец

О, божи! Иисус Христос, спаси!

Морозова

Святой свирепство зверя превзошел.

И это ли, владыко, христианство

умучить человека?

Это ли?

Иоаким

Да! Это!!

Хватает боярыню за волосы и, сбив с ног, тащит в дверь. Стражники уводят старца.

Царь (один)

Ревя медведем бросился на жертву,

ревниво повелителю служа.

Верховную такой и мыслью паству.

Иоакиму патриархом - быть!

...Морозова - источник милосердия

и черни мать духовная. За ней

стоит вся Русь убогая. Вдовица

должна ко мне то стадо обратить.

ЧАСТЬ IV

Князь Воротынский и священник Иван Неронов в стенах Чудова монастыря.

Воротынский

Держит в руках только что переписанную монахом новоисправленную книгу.

Послушай, отче, в новом Богослове

чего-то «Иисус», а не «Исус» написано?

«...от матерних сосец изволил млеком,

чадушко, питаться».

Чем «Иисус» - «Исуса» краше, а?

Неронов

Оскалом нового, премудрый княже. Тем,
что с книг хромных - монах наш, пьяный дьявол,
домыслил это пакостное «И!»

Воротынский

Немедля взять и выпороть писца!

Неронов

Не перепорешь всех. Они такого
«насписывали», ироды, что краше
идти по иоакимовой стезе.

Ты помнишь, он намедне рек царю:
«Я, государь, не новой и не старой
не знаю веры. Но всегда готов
все, что велят начальники, исполнить!»

*Уходит в подклеть монастыря
к закованной в железа Морозовой.*

Морозова

Вот и пришла по Никону навету
царева ярость на мою главу.
Ванюшу - сына красного, тростинку
любимейшую вырвав с корешком,
умучила. Богатство отобрала.
Все вотчины списала на лъстецов.
Железное огорлие на вью
мне возложила, заковала в чепь,
и голодом, и стужей истомила.
И палицею брызнув по зубам,
кричала: «К тем служебникам, по коим
царица причащается с царем,
ты причастишься?»

- Нет, не причащусь!

- Не причастишься?!

- Нет!

И потащила
меня на дыбу так, что все ступени
с крыльца и до земли сочла щекой.

- Не причащусь ученью иноверцев, -

кричала, - лести вкрадчивых придворных,
такие обрекли Христа на казнь!

*Входит Неронов с последней просьбой царя
смириться.*

Неронов

Боярынюшка, свет-Федосья, будет!
Ты не осилишь царских дел. Смирись!
Его трепещут небо и земля,
и человеки все, и даже твари.
И токмо супротив одна ты встала
и чинишь неудобства. Мать, смирись!
И царь вернет отобранное злато.

Морозова

Не надо залата. Веру не предам
никонианам лживым толстозадым.
Не тот силен, кто злато может дать,
а тот, кто взять его не возжелает.
Ты возжелал, Неронов, восхотел
служить владыке падшему. Изыди!
Ты предал Русь!

Неронов

Руси не предавал я!

Морозова

Тогда зачем пришел?

Неронов

Пришел сказать, чтоб стойче ты держалась,
преданиям отцов не изменив.
Так Аввакум велел. Прости, Федосья...
Лукавой лести Никона поддался...

Морозова

Мерзавцы лестью подчуются лишь.

Неронов

В темнице позавидовал сиянью
его увитых жемчугами риз.

Мирскою страстью гада соблазнился
и этим токмо предал сам себя.

Морозова

Случайным ты блистанием прельстился.
Чесотка зависти в проказу перешла.
Спасет не риза нас, а нрав и вера
в посев добра. Се ведомо тебе?

Неронов

Друг другу супротивны: ты и Никон,
а значит, и губительны всему.

Морозова

А ты меж нами хочешь стать межой?

Неронов

Огонь леса на свете погубляет,
но не погубит, если оной встать.

Морозова

Не каждая межа огня страшится,
иная и союзная ему.
Злобесный волк ты! Немощность твоя
от жажды уцелеть проистекает,
от ловкого ума,
а ловкий ум
не может вкупе с верой пребывати.

Неронов

Поганец я! Но жить хочу. Прости!..
Не выдержал звероподобных пыток.
Огонь да встряска ждуют меня.
Тебя же - боярство вечное.
Что начала - свершай!
И никогда конца не будет свету,
коль ты, светильник, светишь на земли!

Морозова

Судьбы своей иному не отдам.
Пускай умру, но смертью страсотерпки!

*Пыточный двор. Морозова. Урусова, Данилова
молятся перед казнью. Патриарх Иоаким.
Князь Воротынский. Народ.*

Патриарх Иоаким *(читает)*

...Клеветников, раскольщиков и всех
ругателей властей достопочтенных,
всех, кто дерзнул помазанников божьих
коснуться языком своим бесчестным -
пытать немилосердно! Бить и жечь,
покудова властям не покорятся!

Воротынский

О, самых благороднейших кровей,
Федосия, ты видишь ли огонь?
Тебя он ради уготован, слышишь?
Утешь царя и новшества прими!

Морозова

Что, княже, мне обычный твой огонь!
Он воспылал и, немощный, угаснет.
Сего огня не токмо не боюсь,
но жажду вечного, который вас сожжет
и ваши развращенные догматы!

Иоаким

Урусову, Данилову - к огню!
Растелешить и раскаленной шиной,
палач, смелей тыч бабицам в сосцы!
На дыбе руки выверни в суставах.
И сапогами хари растопчи!

Урусова

Одежды рвете... Мыслите раздеть?
Разденете - узрите то, что тленно.
Наемники, преступники, шиши,
вы - века суета! Усердней рвите
сорочку - тесно духу моему!

Юродивый

Погляньте-ка! Погляньте-ка, слепцы!

На страстотерпках конские железа
и ожерелья пестрые на псах...

Морозова

О люди! О двуногие! Зачем
в звериное вы пали состоянье?
Зачем вам ценны более всего
металл и камни, а не человеки?
Терпите, матушки! Терпите, дорогие!
Не устремляйтесь к малому, когда
великое стучится в ваши двери!

*Шум. Ропот. Сквозь толпу стражники
проталкивают к реброломательному орудью
искалеченного старца.*

Воротынский

Схватив старца за бороду
Ты свитки богохульные метал
в пыли торговой, мерзостный калика?

Старец (гордо)

Метал в народ святейшие молитвы,
и мазал дегтем царские гробы!
Сосуд с червями, ты такое ведал:
«Коль хочешь быть помилован - сам милуй!
А хочешь есть - иного накорми!»

Воротынский

Я-я?! Нак-к-кормлю-ю!!!

*Пьяно качнувшись, жадным лезвием бердыша
сшибает с плеч старца голову. Она, как валенок,
хрустко нырнет в снег и сунется к дыбе. Из шеи, с
пылающим сгустком крови на срезе, высунулась
синяя, как свеча, трубка горла, дергаясь и паря.*

Юродивый

Свечу- у!.. зажег Всевышний судия!
Свеча - наш старец! Немощные, зрите!

Оттаивайте души ото льда!

Воротынский

Круто повернувшись к Морозовой
Последний раз прошая: «Нашу веру
ты примешь, окаянная?!»

Морозова *(спокойно)*

Изыдь!
Где ваша вера? Нет ее нигде!
А веры нет, то, значит, нет и правды!

Воротынский

На древе, на мучительном! Нагу!
Повесити. И мучить! Мучить! Мучить!

Иоаким

И всяко надругательства чинить!

Бабы

...Ломают ребра!

Мужики

В снег швыряют. Колят!
На груди - плахи мерзлые кладут!

Бабы

Не устыдятся слабости, зверюги!
Не усрамятся женской наготы!

Юродивый

Суть веры их - не миловать, а мучить.
Добро творящих - всяко обкрадать!

Морозова *(вися на дыбе)*

Мучители вы ярые, что деете?
Того не зная сами, приближаете
нас к вечному Прибежищу скорей.

Царь

*В одном из домов, примыкающем к пыточному двору,
читает перехваченное письмо узника
Аввакуума к Морозовой.*

«...О, дочь моя! Ты дышишь ли еще?
Иль в срубе сожжена? Иль вервием
удавлена? Не вем! Не вем! Не вем!
Вещай, родимая, един глагол - жива ли?

Пропала правда - где её искать!
Народ бежит безмерной кабалы.
О дерзость! О падение! О Русь!

Почто тебе латинских восхотелось
поступков и обычаев? Почто
подобопесый Никон козновеньем
своим в царе измену укрепил?..»

Про себя

Его лукавством церковь я осилил.
Своей деснице паству подчинил.
Теперь я - царь! И я же - патриарх!
Всея Руси единый самодержец!
Сам милости и кары воздаю!

*Смотрит в окно на толпу,
потом на окровавленных в снегу мучениц,
обращается к архиерею:*

Такая казнь величием красна.
Она предтеча бунту. Много чести
волчицам сим - погибнуть на миру.
Сослать их в Боровеск и бросить в яму.
И в яме лютым голодом уморить!
Не устоят! Не выдюжат! Смирятся!

Архиерей

Морозова, поглянь, нага, что Ева...

Царь

Смутьянка, а не Ева. В толк возьми:
та, рай презрев, в мирскую жизнь сошла.

А эта нас во ад отправить хочет,
мизинным людям* царство сотворить.
В тьме непроглядной, в задухе земной
навекі обесчестить нечестивку!

*Мимо окна медленно бредут скоморохи и, удаляясь,
поют:*

***Мизинные люди - бедные люди**

Ходит чернец по монастырю.
Просит чернец милостыню.
Дайте, чернице,
дайте, сестрице,
чернецови милостыню.

Вывели ему красну девицу,
он принял ее под власяницу.
То-то, чернице,
то-то сестрице,
чернецова милостыня!
То-то, чернице,
то-то, сестрице,
чернецова милостыня!

ЧАСТЬ V

*Раскольничий вертеп. По закопченной от сальной
свечи стене, к вороху лохмотьев - постели стариц,
ползет клоп.*

1-я старица

Убей его, сестрица, чем-нибудь!
Кровь пьющие противны мне до рвоты.

2-я старица

Свыкайся, милая. В антихристово время
кишмя кишит их всюду. Что те клоп?

Он знает честь: насытился и набок.
Клопов двурушных бойся, тех, кто редькой
смердят по храмам, пьянствуют безмерно
и матерно родителей своих
упоминают вместо почитанья.

3-я старица

Кто занят красотой лица и рук,
забыв о добродетели душевной.

2-я старица

И учит: верных - мукам придавать.
Вчера опять на пыточном дворе
Федосью и сестер высокородных
каменносерды огненно пытались
от веры православной отвратить.

И в злобе обессилев, в снег швырнули
нагими страстоносиц. Но Иисус
их не оставил в муках таковых.
Он растопил окрест их снег колючий
и теплоту им летнюю подал.

3-я старица

Поступком честным посрамил бесчестье.

1-я старица

Вот те пиявцы! Вот те и клопы
в собольих шубах... Эти не отстанут,
покудова не выпьют весь сосуд.

.....
*Боровское. Из пятисаженной ямы, изможденная, с
закоржавившим от проказы телом, Морозова
черными провалами глаз смотрит в небо.*

Ущерб луны и неба лоскуток,
и стражник, наклонившийся над бездной,
и черви в ранах скользкие, и гной -
вот все, чем удосужилась владеть я.
Вот все, чему я радуюсь, терпя.
За чистоту Руси и непорочность,
за то, чтоб солнце равно всем сияло,

не утрашусь на части рвущих тело.
Желез на вые все ж не убоюсь!
Я их терплю уже четыре лета
и тем горда, что эту чепь целую,
как верную союзницу мою.
Жалею вас, живые мертвецы,
наильники лукавые, вы - злоба,
которая сама себя пожрет!

Вчера уже отмучилась сестрица,
в мир вечный Евдокиюшка ушла.
Данилова сидит среди злодеев*...
Жива ли, матушка? Коли жива - дерзай!
О, как свел челюсть судорогой глад!
Как тело посиневшее опухло!..

Дай хлебца, стражник!

Стражник

Мать, прости, боюсь!

Морозова

Ну яблочко хотя бы!..

Стражник

Нет. Не смею!

Сам на цепи за это окажусь.

Морозова

Час смертный вижу... Стражник, о, спасибо!

Спасибо тебе! Слава тебе! Ты

не помешал свершить мне подвиг, чадо!..

Невеста я Христова. Я, Иисус, иду к тебе!

Иду к тебе... Иду я !!.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Никон

Из ссылки в Феррапонтовом монастыре

Отбунтовала. Стихла. Отошла.

Путь из бесславья в славу совершила.

На голос иноверца не пошла.
Протухлой рыбы есть не пожелала.

Голос свыше
А ты?

***В XXVII веке злодеями называли уголовников.**

Никон
Я ем!

Голос свыше
И молишься?

Никон
Пустое!
Нет праведных служебников. Все -тля!
И русские, и греческие - ересь!

Голос свыше
Тогда зачем же смуту учинил?

Никон
Окстись! Я тем творил противоборство,
кто не в смиренье истину искал.

Голос свыше
А в чем же - в мудрости?

Никон
Не в мудрости она - в тебе, владыко!

Голос свыше
Кто любит власть - не может без интриг.
Летать тебе взмечталось высоко.
Вселенской церкви папой стать решил и...
Конец ты помнишь притчи о змее?

Никон

Забыл.

Голос свыше

Так слушай же:

... Чего это так мало
дает змея колец мне золотых?
Убью ее и все их заберу! -
- подумал молодец и стал на путь разбойный.
Пришел к змее, хитрюга, а она
его, злодея: р-раз!И уязвила!
Позарился на золото, вот и пал.

Никон

Он прахом был и в прах сошел, негодный.
Я ж при расколе - вечно буду жить!

.....
Царь *(в Кремле)*

К чему стремилась, то и обрела.
Несчастливая, свою искала правду,
моей не восхотев уразуметь.
Потомок, зри во гроб! Кто в нем, скажи?
Святая или тать - в мощах познай-ка!

.....
Аввакум

Слово плачевное о трех мученицах из
Пустозерского заточения.

Звезды утренние, воссиявшие ярко!
Чада мои возлюбленные,
сестры мои сердечные!
Кто подобен вам на сем свете?
Как магнитный камень
влечет к себе железо,
так вы своим подвигом
влечете души к святости и красоте.
Соберитесь, русские сыны,
соберитесь, девы и матери,
прославляйте великих мучениц,
кои от богатств хормных

сошли к нищите и за нас пострадали.
Без смерти и мы не будем.
И надобно нам творить доброе,
чтобы было с чем предстать
пред Судом грядущим.
Слава вам вечная, чада мои!
И вечный покой!

Автор

Из надгробной надписи

Живущий,
поклонись праху святому
сестер-мучениц -
и птица духа встрепещет в твоей груди.
Прибавь каплю их подвига
в питье и хлеб, подавая пищу прохожим -
и благодать не изгладится
из книги жизни
вовек!

**Сказ
о Булавинском
бунте**

Драматическая
поэма

НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА О БУЛАВИНСКОМ ВОССТАНИИ

Познание прошлого иногда скорее под силу вдохновению художника, чем историка-профессионала. Известно, что никто не схватывал дух исторической эпохи более метко, чем Пушкин. Ворошиловградский поэт, в прошлом горняк, ныне член Союза советских писателей, опубликовал третий сборник стихов, в который вошла и поэма «Сказ о Булавинском бунте». Чудесной свежести лирики автора следовало бы посвятить отдельную рецензию. Историк же особо интересна поэма, которая вышла в год 275-летия начала третьей крестьянско-казацкой войны, потрясшей юг России.

Самодержавие XVII века шло от победы к победе - оно потопило в крови восстание Болтникова, управилось с «соляными и медными» бунтами, разбило, хотя и с трудом, крестьянские войска Степана Разина, подавило мятежи стрелецкой вольницы. Уверовав во вседозволенности произвола, оно все жестче скручивало подневольных крепостных в центре. Строптивцы, не желавшие окончательно вырождаться в рабов, выдавливались на окраины. На Донском и Запорожском приволье для всех подъяремных горел факел свободы. Степной, а не городской воздух (как в Западной Европе) делал подневольного человека: как русского, так и украинца свободным. Подняться на единоборство с разбухавшей крепостной машиной царизма могли только богатырские натуры.

Нужно быть благодарным Андрею Медведенко за то, что он с таким эмоциональным подъемом и страстью подал извечную идею - борьбу деспотизма с прирожденным свойством человека - свободолобием. Поэт не обязан раскрывать ход событий в хронологической последовательности. Схватить дух эпохи, осмыслить его заново, как это делает каждое поколение - вот главная задача.

Вдохновенность поэмы навевает мысли о близости с былинным эпосом. Булавин и его сподвижники - Семен Дранный, Иван Лоскут, Никита Голый - как древнекиевские богатыри переполнены силушкой, удалью, ширью души - этими ценнейшими наследственными качествами национального характера трех восточнославянских народов-братьев. Булавины подняли клинки, чтобы вытравить покорные души рабов из сломавшихся. По мысли автора, победить душителей можно единением и братством светлых сердец.

Взлет Булавина был краток, но он доказал, что человеку под силу достижение предельных вершин. Параллельно поэт проводит другую извечную человеческую тему - герой и предательство: «...Человек достигает высот, но высот достигают и гады». Как ни печально признавать, но всех народных вождей - Болотникова, Разина, Булавина и Пугачева выдали лица из их ближайшего окружения. Внимание автора к второму черному фону вполне оправдано. Более того, тему предательства с философской стороны можно выставить и на первый план.

Лирические места тоскливо-щемящи - дочь Булавина Галя и его жена Ульяна женским сердцем предчувствуют тяжелый конец, для них важно сохранить семью, но возможно ли ее сохранить в рабстве?

Охват содержательности и своеобразия поэмы очень широк. В ней намечена и совершенно новая тема, которая даже не ставилась нашими историками, а А.Медведенко ее заметил, это - о будущем государственном устройстве в случае удержания булавинцев на части территории юга России, устройстве республиканско-демократическом. Отдельные сведения об этом и о границах крестьянско-казацкой «Либереи» встречаются в архивных документах.

Финал произведения жесток и трагичен - погибает вождь, кончает с собой его дочь, зверски казнена карателями жена с младенцем сыном. Однако знамя восстания не было втоптанно в грязь после смерти героя-донца, его вынесли преемники Булавина казаки-некрасовцы, двести лет упорно сражавшиеся с царизмом во всех войнах, которые тот вел на юге. Это еще раз подчеркивает, что Булавинское движение несло более социальный характер, чем движения других народных вождей, так как в характере своем ставило более далекие цели, потому и с большим усердием самодержавие пыталось представить Булавина «со товарищами» в глазах потомков изменниками своего Отечества.

Популярнейшие исторические герои Ермак и Разин - воспеты всем народом, поэма С. Есенин о Пугачеве ставится театрами. Хотелось бы надеяться, что и поэма А.Медведенко увидит свет на сценах, так как К.А.Булавин один из тех русских людей, которые

дали пример утверждения гражданственности и достоинства через полет духа к героизму и свободе.

*Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института истории
СССР АН СССР В.Артамонов
г.Москва, 18.08.82г.*

...Мне пришлось по душе «Сказ о Булавинском бунте». Он нескованный, непричесанный, неприглаженный. Дыхание в нем свободное. Здесь рядом и частушка, и причитание, и диалог героев. Да и само войско Булавина написано широко, былинно: «А в небе войском тучи залегли. Последний лист с крушиною прощается. Улетают к югу журавли, да не все обратно возвращается», а рядом - совсем простая народная попевочка: «Жива еще веточка, да ягодки склеваны. Видят очи волюшку, да крылышки скованы». Интересно и поэтично рассказываете Вы о возникновении селений в этих краях: «Коль прицепишь хатенку к обрыву реки - называй Прицепиловкой людям на милость, а где хаты поставят втроем мужики, то уже Трехизбенка на свет появилась». Чувствуется, что Вы любите героя и писали поэму с увлечением, а это ведь очень важно.

*Михаил Матусовский
Лауреат Государственной премии СССР.
г.Москва.*

Я прочитал твоего «Булавина» с интересом, и ты мне еще больше понравился. В тебе есть то, что вообще отличает талантливых ребят из простых семей, а именно - зрелая душа и неподдельный профессионализм.

Ты не навязываешь предмету своих раздумий, а стараешься постичь его во всей объективной сложности. Ведь это так легко: приписать герою свои мысли, а потом гордо доказывать, что это твое «индивидуальное» мышление. Ты на это не идешь.

Ты избрал единственно правильный путь с «Булавиным» - растворить, убить себя в герое и вместе с ним воскреснуть.

*Евгений Лебедев
Известный критик, литературовед
г.Москва*

ЗАЧИН

То не дуб скрипит
на крутом ветру,
не река блестит
блеском сумрачным,
то палач - лютый зверь
топор точит,
топор точит:
по мужицкой волюшке
хряснуть хочет.
Ой ты, чернь-голытьба,
река Волга-мати!
Везут Разина головушку
в стольный град рубати.

Жива еще веточка,
да ягодки склеваны.
Видят очи волюшку,
да крылышки скованы.

А на Донце
зеленый лес шумит.
От бусых вьюг
дымится степь в округе.
И воля сладко полынком горчит,
для новой битвы
подтянув подпруги.
Да так, чтоб в скорой сече
не упасть,
спрямив в осанке
рабскую сутулость,
чтобы царя
карающая власть
о гнев казацкой вольницы
споткнулась.

Налились кровью
рваные тела.
Сквозь зубы слюной
злоба просочилась.

Та ветка,
что мороз пережила,
опять плодами ало
отягчилась.

ЧАСТЬ 1

КОНДРАТ БУЛАВИН

Глава 1

Реки Дон и Донец -
край степей и лесов.
Он богатый и дичью,
и сытными землями.
Птицы бей, сколько хочешь,
на зверя натравливай псов
и селись вдоль по берегу
целыми семьями.

Сможешь - сосны руби,
строить струги - изволь.
Рыбы в реках - вода аж густая.
А желаешь - ломай в копиях
Бахмута соль
и гуляй в кабаках,
бородой обрастая.

Ну, а если охочий к горячей езде,
заарканывай диких коней бечевою.
А потом приучай их к докучной узде
и с назойливой лихо рубись татарвою.

Реки Дон и Донец - русской
вольницы край.
Все, кто князя уьет, кто
помещика сгубит,
убегали сюда.
Здесь невольнику - рай!
Окунулся в реке - вечной волношка будет!
Коль прицепишь хатенку к обрыву реки -
называй Прицепиловкой людям
на милость.

А где хаты поставят втроем мужики, то уже
Трехизбенка* на свет появилась.

Обживали они, кто овраг, кто леса,
Объедались медовой малиной по рощам.
Так в вороньем гнезде - сокол вдруг
родился,
неокрепшие крылья державно
встопорща.

Глаз его соколиный глядел далеко.
Вольнолюбца будил в мужичишке
забитом.

Еще не взлетев, он парил высоко,
сотрясая у царского трона копыта.

Долгорукий* (*Петру I*)

Всемиловитейший государь-царь!

Я, холоп твой и раб твой,
коим ты меня любишь видеть,
кланяюсь тебе в ноги и слезы лью.

И возрадуюсь, если ты в усладу свою
ноги об меня вытрешь.

Целую твои персты
и доношу без радости:

Дон - в небывалой шатости.

Но смилуйся, Государь, за то,
что не умолчать решился.

Донец - также от тебя отложился!

Скопились там, Государь, одни
богоотступники

и всякому злу начальники.

Чинят всему разор.

А Кондратюшка Булавин

У них главный вор!

**Трехизбенка - станица, в которой родился Кондратий Афанасьевич Булавин.*

**Вас.Влад.Долгорукий - руководитель подавления Булавинского восстания.*

1-й вельможа

Светлейший, крепостные к нему бегут!..

2-й вельможа

Работные бегут!

3-й вельможа

Ратные люди - тоже!

Трое вельмож вместе:

Верни, Государь!

(Вбегают 4-й):

Вельможи!

Князя Юрия Долгорукого казаки

изрубили,

а прах смешали с навозом!

(К царю в ноги).

Приказы твои

скормили козам!

Воле царской противятся...

батюшка наш - содом!

Стоят на том,

чтоб людям твоим

на их землях житья не было,

а было бы их - холопые житье!.

Петр I:

Хамье!

Владычество им мерещится.

Каждый козлиный хвост

воровством тешится!

Булавин им - Бог и Царь!

Голову!.. Голову сего идола зреть хочу!

Череп разбить, что склянку.

А людей - рубить!

А заводчиков - на колесы и колья!

Всех!.. Всех без остатку

кнутом, яко скот пороть!

Рубить! Вешать! Колоть! -

доколь хватит мочи.
Ибо сия сарынь не может унята быть
ничем, кроме жесточи!

И затягивал беглый потуже зипун.
И вскипало в груди вероломство.
И верстались отряды солдат и драгун.
И ступило на вольницу
царское войско.

Режут губы и уши, и рубят носы.
Избы жгут, упиваясь чужими слезами.
И везут за собой с кандалами возы,
а пустые - горой наполняют ушами.
В горло сыпят огонь непокорным
и бешено:
- Вот вам воля, холопы! - орут, -
- Вот вам!.. Пей!!
На нагайках младенцев вдоль берега
вешают.

Ну, а девок и женок
тащат в постель.

И пролился станицами мщения стон.
Каждый в злобе стал дик
и для подвига справен.
- Нашей воле полон! Слышишь,
Дранный Семен?! -
горлом выкатил ярость Булавин.
И рука атамана
на сабли эфес
опустилась,
что в скобы железный засов, -
тяжела и плотна.
Эту руку Азов
покорившийся помнит.
И острожник разнес о ней
добрую весть.

- Ногу в стремя, казаки!
А силушка - есть!

Посадят на кол.

Булавин

Будет! Будет, Ульяна, кровить ятаганами
душу!

Многочисленностью навалим.

Растопчем!

Не станут звереть.

За обычаи наши и вольность порушенную,
нет, не нам, а боярам на кольях сидеть!

Я же разинца сын - это ведай, жена!

Дети... Галя, Никиша, поймите:

как не могут быть тучными земли без рек,
так без воли не может и жить человек!

Мать родную, прошу, берегите!

Чем буйней май,
тем жарче вечерами
порывы чувств
и слаже мед любви.

Сирени куст прильнул к оконной раме.

Ах, куст сирени, Галю позови!

(Голос Грицы).

Мой цветик милый, родная Галя,

где гнутый месяц

у тополей,

от ожидания изнемогая,

брожу, как пьяный.

Приди скорей!

Как сердце мучится!..

Как сердце корчится!..

Как ненаглядна ты для меня!!

Еще минута - и время кончится.

И мне на сечу седлать коня.

Тюльпаном красным

поляна убрана,

и белым ландышем

озарена.

Моя головушка

тобой погублена...
Ой!.. Радость ясная!
Бежит!! Она!!

- Ой, милый Грицю,
во всю бежала...

*(И закружил их
туман чумной).*
В дорогу тятю я снаряжала...
Любимый. Сладкий...
Желанный мой!
- Родная Галя,
моя услада,
горит пожаром и ноет грудь.
Коней седлают - спешить мне надо.

- Еще хоть трошки... Еще побудь!
- Дай красотою твоей упыюся...
- Моя надежда...
Моя ты жаль...
С победой, слышишь ты, возвратуся.
(Целует в слезы)

- Прости...
- Проща-а-й!
И -
заломилась, как папаха,
рябь реки.

Булавин:
Тесно стало жить в станицах, казаки!
Бой зачем с врагом заклятым.
(Конь гарцует под Кондратом)
Пеший, конный - все в дорогу, мужики!
По какой такой напасти
нас неволить и терзать?
Гадость - жизнь, коль правду власти
в очи некому сказать!

Дранный
Ах вы, жирные уроды!

Ах вы, сорная трава!
На плечах у воеводы
засиделась голова!

Некрасов

Сын за батьку,
друг за друга -
со всех городков,
встанем быстро и согласно
супротив творящих казни
княжеских полков!

Гольий

Мы найдем на них управу!
Сивый, в зубы удила!
Никогда казачья слава
людям в посмех не была!

Булавин

Атаманы-молодцы,
дорожные охотники,
храбрые гультяи,
бравые разбойники -
все в дорогу!

Все в дорогу!
Кого пан раздел,
кого поп разул.
Все в дорогу!
Все в дорогу!
Трогай шпорой вороного,
булавинский есаул!

Песня-вольница

Ой, да зеленеет верба
в поле за осокою.
Ой, да расковали крылья
соколу высокому.
Соколу высокому - вольной волюшке.
Гой ты, верба стройная,
зеленей, зеленей!

А ты, воля вольная,
веселей, веселей,
удалью и шашкою
на Руси, на Руси
супостата-ворона
разнеси, разнеси!

Беспальный

Встали мы не воровать
и не грабить яром.
Встали реку усмирять,
продану боярам!

И двинулись,
И кровь лизнул булат,
В боярью грудь топор холопа хряснул.
А вслед пошли гулять дубинки красно -
и нет уже для вольницы преград.

Коль вилы в бок вопьются горячо,
то крови пьют - пока не захмелеют.
Коль рядом с Драным - Голого плечо,
то силу их цари не одолеют!

Как высоко взлетают в небо птицы,
так высока и громка слава их.
Не от того ли сдался сам ЦАРИЦЫН
на волю ДРАНЫХ,

ГОЛЫХ

И БОСЫХ?

Да, то была петровская пора -
подъем Руси! Пусть ярок он и славен,
но не сейчас мне петь царя Петра,
мне бунтом в стих
врывается Булавин:

коротконог, но плотен и скуласт,
в чертах суровых волевая сила.
Для всех душой открытый, как Россия,
как Украина, щедр и кареглаз.
Он в битве там

и с нами здесь сейчас.
Не от того ли ярость душу рвет,
когда подлец за ржавый грош не хлам,
а честь свою сегодня продает.

И пусть нам жить
в то время не пришлось,
но кто из нас сегодня с ним не связан?
Ведь столько светлой крови пролилось,
что каждый быть булавинцем обязан!

Дранный

Веселей руби их, дру́ги,
растуды халяву мать!
Ни панам, ни панским слугам
нам не сеять, не пахать!

Огонь, как змеи сабель золотых,
у воевод свирепствует в амбарах.

(Поймали князя).

- Ну-к его, братья,
на дыбу!

Зерщиков*

Не-е-т!
И черным перегаром
плеснул в страдальца выдох,
словно грязь:
- На грудь ему я крысу брошу щ-щас,
И мискою серебряной накрою.
Пусть выест сердце подлому живьем!..

Булавин

*(От князя крысу отстранил копьем
и хладнокровно поднял над толпою.)*

Я обнажил клинок не для разбою!
...А чтобы Русь от порчи нам отмыть,
нужна не крысья злоба - человечья!
Петлей его... Иль пулей порешить!

***Зерщиков - куренной атаман при Булавине.**

Некрасов (*князю*)

Сейчас ногами дрыгнешь - и не лысый!
Петля спасет
от Зерщикова-крысы.

Тишина

Булавин

Я жить хотел,
привольем наслаждаясь,
как наслаждается росой
цветок в лесу.

Но властелин, на троне утверждаясь,
страхнул с него пречистую росу
и ободрал по стебель.

Эх ты, доля!
Поруганная!
Благо бы один - Отчизна вся!..
И нету мне покоя,
покуда жив на свете властелин!

Горюшко босое,
горюшко нагое,
лыком подпоясанное,
ты сживешь царя со света!
Ширься,
множься,
вольных рать!
Будем с общего совета
государством управлять!
И, народ честной, друг друга
мы не будем разорять.

И дальше путь.
И злей свистит булат.
Он пуще всех до кровушки охотник.

Вперед! Вперед!
И нет пути назад.
И в синем небе солнце им помощник.

Зерщиков

Однако золотой перстень кривого пальца не выправит.

Булавин

Нет! Но не пальцы у нас кривые,
а души рабскими стали.
Вон из души раба!
Клинками вытравим!..
все мы в истоке - братья!

Зерщиков (*про себя*)

От господской крови - слякоть...
Ну, холопья кость, держись!
С сапогом кондовый лапоть
лучше в дружбу не вяжись!
За одним столом с Кондрашкой
ем и пью безденежно,
и петлю ему на шею
примеряю бережно.
А примерю - затянуть
ловкости-то хватит!
Царь за это мне с лихвой
золотом заплатит!
Обротаю вора я
петельною пастью.
Душу с милости царя
услужу и властью.

Глава 3

И пыль, как яд.
И сухостой
пекучий
дожди собою к небу привязал.
Но с ярым блеском
все же узел тучи
рассек внезапной

молнии кинжал.
Обвал дождя
обрушил люто гром.
И потянулись к жизни поневоле
и мак - цветок
в урочище глухом,
и мак - сорняк
на жухлом хлебном поле.
И с новой силой грохнуло:
- Ура-а-а!!
Рождайте, сабель молнии кривые,
утробный гром.
В прислужников царя
вонзайтесь, копий
ливни огневые.
Без головы
уже в бою неравном
упал Семен в густой сплошняк травы.
Но сокол сел на место головы,
и снова взвил клинок
рубака Драный.
И в ярости ослепшая совсем,
стеснила голь сорняк людской породы.
Коль победит, то воля будет - всем!
Падет - ее несметны будут всходы!

Так темно,
что стал слепым и зрячий.
Ночь. И только искры от подков.
Увели враги коней добрячих,
голосить оставив стригунков.
Эх ты, воля! Тихий, славный Дон!
Над тобою тучи, словно крики.
Скоро дочерей твоих и жен
изомнут в траве сухой калмыки.
Под уздечек булькающий звон
разберут
и приторочат к седлам.
Ты клинками вызмеил огонь -
бес над ним погреется сегодня.
Эх, старшины, - выводок крысья,

за плевков царю служить готовый!..
Нет, не только предаете Дон вы -
подневольный люд Руси всея!
Эх, казаки! Эх ты, круг проклятый!..
Гольтьба... Скажи-ка, почему
войсковым ты выбрала - Кондрата,
куренным - иудушку к нему?

Зерщикова

Голь непокрытая! Сволочь! Набрóд!
Развеселились, успехом кичась!
С чеканом в затылке пал коновод,
в былки бурьяна башкою тычась.

Скоро удачи и я хлебну.
От радости, кажется, чуть не лопну.
Сейчас вот ниточку потяну -
и звероловный капкан
захлопну!

(Стучится в курень к Булавину).

Открой, атаман! Скорей! Скорей!
И сдвинул настырно сосульки-брови.
- Табун в одиннадцать тысяч коней
уже, атаман, в Азове! -
Сказал, как вылил порывом лестным
Булавину в очи отравы жбан.
Вольная жизнь мешает быть честным
каждому сытому, атаман!

Булавин

Шаткие люди!.. Гибче змеи, хитрей
лисицы!

Братьев своих каратели.
Из каждой реки, из каждой станицы
под арест семь предателей!

Зерщикова

И всех казнить!

Булавин

Писать губернатору:
«Корни изменников
надежды жить лишены.
Но я не убийца, коль враг не зверь.
Пленников
прощу, если лошади будут возвращены».
Азов нам, как в око бревно. Азов
достать безлошадными будет сложно.
Хохлач, будары в поход готов!
Верстайся денно и ночью!

Кобзарь

Блики солнца, как рубли.
Хомуты, как радуги.
Голь готовит корабли.
Царь готовит каторги.

Плач Гали Булавиной

*(Под сенью трехвекового дуба стоит Галя Булавина,
всматриваясь в холодную,
свинцовую, немую даль).*

Свет мой ласковый, сокол мой
ясный, Грицю!
Донеси мне из далей дальних
хотя бы одно словечко!
Я вижу тебя, родной мой, изрубленного,
с пощербленной саблей, мертвого.
Зачем ты сохранил чистоту мою?
Лучше б ты, тятя,
не рассказывал мне о битве той...
рыдайте со мною, плачьте со мною, люди!

*(Справившись со слезами, Галя медленно входит в
избу. Вслед за ней, запыхавшийся, вбегают казак-
булавинец Иван Лоскут).*

Лоскут

Беда, батько! Нас предали!

Булавин

Как предали?

Лоскут

Зерщиков с сотней идет сюда...

На лошадях
показались передние
из-за пригорка.
Реки слюда
от морози стыла,
и стыл Кондрат.
А вдавненный тучей в стерню
закат,
уродуя в ужасе красный лик,
пролил по побережью
звериный крик.

И вслед долетело:
- Кондрашка, вор!
Сдавайся! - заступник рванья поганый!
Сдавайся!!
Но щелкнул двери запор,
и в гурт заговорщиков
выстрел грянул.

- Ах, бабьи подолы! - взревел Кондрат. -
Предали волю! Ах, звери вы-ы-х-х...
На каждого воина
сотня зерщиковых.
Не звери... - Вши паскуднее во сто крат!
И выстрелил снова.
Потом - еще!
А голос в груди клокотал, как медный.
И смерть бы десятый подлец нашел,
кабы не в пистоле
заряд последний.

Последний заряд, атаман!..
Не глядя,
Булавин придвинул к пристенку плечи.
- Все, Галонька... Биться нам больше
нечем.
Не царь, а холопство сгубило! И...

- Тя-а-тя-а-а!!!

Был он смертный,
как все, а не бог.
Не герой из былин
трехаршинный.
Но добратся же все-таки смог
до заоблачной трудной
вершины.
Уставал. Надрывался не зря.
И откуда бралась только сила?!
А добрался -
смертельно змея,
изловчившись, его укусила.
Он упал возле каменных сот,
не осилив последней преграды.

... Человек достигает высот,
но высот достигают и
гады!

Склонилась дочь
у отцовых ног.
- Ах, тятя родимый... Прости, что плачу.
Ты, тятя, запрятал свинец в висок,
я - нож себе в грудь запрячу!..

- Жило-цвело полюшко -
цвет коса сгубила.
Светило бы солнышко,
да не заходило...

Глава 4

Петр I

Хитер вражина! Погребал секирой
царской!

И токмо крепче раздул пожар.
Каждый козлиный хвост
воровством тешится!
Орет: «Я - Булавин! Я - царь!»

Голову!.. Голову сего идола зреть хочу!
Двор потешить боярский!

Угрюмой, чем острожная дорога,
в чужом краю,
среди пленных бунтарей,
перед палачом
рябым и колченогим
стоит Ульяна.
На руках у ней
грудной сынок.
Но кат холодным жестом
руки мясистой
плюхнул, как свинцом:
- На кол ее... Сю бабу...
срамным местом,
чтоб не рожала!.. Вместе с стервецом!

Вельможи

- На кол!
- На кол!
- На кол!

И женщина
с высоким, гордым взглядом
пошла на казнь,
к груди прижав дитя.
- Я все стерплю... Кровиночка,
ты рядом...

Тебе не будет больно.
Слышишь, я-а-а-а!!!

Земля, как шар,
в мутнеющих глазах
качнулась.
Тело
тяжким сгустком боли
с немым проклятьем миру на устах,
напружилось, взревев,
и, как рычаг,
крутнуло Землю в сторону

зари
и в зареве нахлынувшем
погасло.

Никиша

Погибла вольница!
Где Галя?
Тятя где?
Где мать
и крошка моя - братик?
Кровь...
Кровь одна всюду:
светлая - братьев моих,
черная...
...Ах, тятя, тятя!
Ты пушал ее у врага,
а она возникала в друге.

Никогда не евший белого хлеба
и не носивший дорогих сафьяновых сапог,
он, глотнув настоящей воли,
обжег сердце и разум
вином этой воли
и озверел.
Кто ты, казак,
ведущий меня на страту?
Прокинься! Разуи глаза!
Каждый твой удар плети по моей спине -
веревка в руках мрази
для твоих пут.
Стреляй! Стреляй же!!
И отрезвись кровью моей.

А в небе войском тучи залегли.
Последний лист с крушиною прощается.
Улетают к югу журавли,
да не все обратно возвращаются.
Конь соловый взмылено храпит.
Сердца ток... Чего ты? Успокойся.
Быстрый конь погибель упредит -
тихого на свете больше бойся.
Только быстрый тоже, как на зло,

оплошал -
ясна тому причина:

стылый ветер выгудел тепло.
За ночь обескровела крушина.
В небе войском тучи залегли.
В ветки ветры буйные вползают.
Прилетят весною журавли,
да на всех в Отчизне
досчитаются.

И ударило жестоким напуском
войско царское,
и сломило полки повстанцев.
И загнали тех «воров» великое множество
в болото и живьем утопили.
А часть - огненной смертью казнили.
А иных - четвертовали.
На виселицах по рекам Дона пустили.
Весь молодняк леса свели на колья!
А голову сего своевольца, Булавин койи,
за волосы,
под карлиц визг и скач,
в палаты царские
безлобый внес палач.

И глазела челядь царская
бледною толпою.
И стекала кровь бунтарская
на пол бахромою.
И пенилась, и бурела,
яхонтом играла.
Страшным светом -
красным светом
в окнах отливала.

Петр I

Что, вор, поборол царя?!
Напился боярской крови, выродок сучий!
Глаза отверзи! Зри на меня!
Не можешь?!
(И скрючил хребет в дугу).
Супротив Отечества встал!

И скрежетнула тогда голова:
- Мог-г-гу!! -
куснула зрачками Петра.

Петр I

Бо-о-о-же!!!
*(Дрожь пробежала по царской коже.
Змеей засычала свеча).*

Голова

Так кто же
выродок сучий! А?

Кто бездежных травил, топтал,
на вольность петлю набросил,
кровь дорогую младенцев пил,
огню придавал жилье?

Ты - черни руки рубил.
Я - окрылял ее.
Ты - воронье гнездо творил.
Я - соколиное.

Петр I

Я творил храм Отечества!

Голова

Не храм, а жертвенник храма!
Ты - отнимал.
Я - давал!

И да будет в руках народа
меч обоюдоострый,
а на устах - правда,
дабы вершить над царями мщенье
и вельмож заключать в оковы!

Петр I

Изрубить!..
Сжечь! Сжечь эту голову!
Скорей!.. Скорей!

А пепел - опять в огонь!
Яд такой головы опасен.
Сжечь! Сжечь! Во-о-н!!!

Ой и много у сыра дуба
больших ветвей и паветвей.
Ой и много у ясна сокола
и верных друзей
и недругов.
Только нету у сыра дуба
зеленой вершины.
Только нету у ясна сокола
рядышком дружины.
Много храбрых.
Много славных
воев по отрядам.
Много близких,
много верных,
да никого рядом.
Благословить на битву было кому,
а от смерти отворотить - некому!

Петр I (*один*)

Нет Булавина.
А надписи воровские
на Кремлевских вратах - есть!
Кто писал? Кто такие?
Почему не соскоблены?
Почему днесь
последняя пьянь и та
не мое имя, а Булавина
сладко во рту катает?
Христом Спасителем нарекли скота.
А божий помазанник - я!
Я - твой спаситель, Русь!
«Кто последует за мной,
тот не будет ходить во тьме» - рек Иисус.

...Но пошли за ним, за Булавиным.

Я властью, а он - волей рос.
Неуж и вправду - Христос?..

ЧАСТЬ II

АЙДАРЩИНА

Донецкий край!..
о, родина моя,
как мне в тебе
все дорого и свято!
И этот куст зеленый
у ручья,
и поле ржи,
и та в лощине хата...
И жаворонок.
Он пушинкой легкой
взметнулся ввысь.
Зовет: «Тью-ф-фить! Сюда-а!»
То недругов умело
песней звонкой
уводит он от своего
гнезда.
Туда манит,
где конь у водополя
с пригорком слился
в целое одно,
где на большак
булавинской тропею
мне восходить сегодня
суждено.
Его огнем горит моя душа,
к нему взывает
каждый кустик малый.
По жизни,
как по лезвию ножа,
прошли здесь
Дранный, Гольный и Беспальный -
полков айдарских верные вожди,
взвалившие на плечи
адский груз.
Раскольники,

что раскололи Русь
на царскую и вольную.

В груди
у них жила не вера в крест,
а в - слово,
которое изрек Булавин здесь.
Он за него и был распят,
но снова
в устах народа
оним и воскрес.

Шумят над речкой древние дубравы.
О чем шумят,
скажи, река?
- О тех,
кто, не утратив храбрости и славы,
вершили свой
крушительный набег.

Глава 1

1

Никита Гольй

Он бежал из Москвы
после казни смутьяна распопы -
Пустосвята Никиты,
поднявшего праведный бунт,
где от веры царя
отложились стрельцы и холопы,
почитая ту веру,
что против обмана и пуг;
против рабства и мзды,
грабежа, и разбоя, и скверны,
и двурушия душ,
и мирских кровопийцев-гуляк,
что сажали в тюрьму
мужика и собак его верных.

После - драли деньги:
- Выкупай и себя, и собак!

Он бежал на Айдар
всем угодникам царским на горе:
спицей огненной пытанный, ломанный,
жженный не раз
и посаженный в склеп
за мятеж, учиненный в соборе,
за просфору, которой подьячему
высадил глаз:
- Сатанинская ересь!
То хлеб, а не тело Христово!
Василиской печеный
из плесневой горклой муки!
Плесень - от сатаны.
А Спаситель - от Духа святого!
Не просфора - блевота!
В дреколье попов, мужики!

Да всколеблется Русь,
по престолом мечами ударяя,
напрочь выи свернет
всем, кто лестью престолы купил.
Богомольство отставить
за великой Москвы государя -
непорочную веру
глумленью он предал!.. Сблудил!

Продал Русь иноземцам,
барышникам жадным, позорным.
Из земли святорусской - вон! -
заморских попов и купцов.
Засорили они наши храмы
неправдой и сором.
Посрамленью не быть
благочестия наших отцов!
Он бежал на Айдар.
И сегодня с ним войско
в семь тысяч.
Завтра будет - двенадцать!
Расправили плечи рабы.

Дон смирился.
На колья горячие головы тычет,
но повстанцы растут
по притокам Донца, как грибы.

Один чернец сказал:

- От мятежного житья -
кровь сосет копые.

Другой сказал:

- Переселит нас Господь
в вечное житье.

Третий сказал:

- Даль тарпаном* необъезженным пылит.
Голый двинул рати на Тамбов.

Чернецы сказали:

- Не вели нам, Государь,
присылать попов.
А секиры вострые
присылать вели!

2

Как ни втисни вечер
солнце в грязь,
как ни утопи в трясине зыбкой -
на заре взойдет оно, лучась,
чистое,
как детская улыбка.
С каждой мошки
Сгонит морось прочь.
Тихое, боднется в сердце лаской.
Словно не топтала его ночь
каблуками холода.
С опаской
тень скользнула в яму от лучей,
раскroивших шелк росы лампасом.
Присушило рану на плече
у Никиты Голого.

**Дикий конь, (кирг.)*

Некрасов -
атаман, седая голова,
рек под ним:
- Смыкать отряды время!
Загриватил Павлов Волги стремя!
Красно жжет имения мордва.

(Кашлянул и сгрудил толпы криком)

Сборные отряды из башкиров
поднял свой Кондратий - знай, Москва!
Знай и ты, апостол долгоязыый,
вепрь - ты токмо вольницу скосил,
но не волю!
Искрами одразу
воля расплескалась по Руси!

Кобзарь

Ой, тополя, как воронье,
скачут по округам.
Ой, атаманы войсковые
не упали духом.

Андрей Рубец

Бой идет по кромке кручи.
Сталь со сталью - говори!
Заголенный полог тучи
кажет краешек зари!

Некрасов

Захлестнуло вихрем станы.
В круговерти бешеной,
окровавили курганы
конные и пешие.

Чернец

Атаман Сергей Беспалый,
ох, он лют и яр!
Ускромняет под Изюмом
кровушкой бояр.

Беспалый

Мы за веру сшиблись крупно.
Многие потрав-ле-ны!
Пусть умрем,
но встанут купно
новые була-ви-ны!

Голый

Кто кого:
орел иль решка?
Ястреб над горою.
Пистолетная усмешка
лепится к герою.

Долгорукий (Петру)

Всемиловейший государь царь!
Я, холоп твой
и до смерти нижайший раб твой,
кланяюсь тебе в ноги и доношу
с радостью,
что на Дону можно уже не чаять шатости.
Но на Донце, государь, бродячье семя
бунтуется по се время.
И я прямо пойду на них,
и буду чинить промысел, и всех карать!
Колесовать - одних.
Других - огнем выжигать,
детей меж колод давить:
скопом - по трое сразу!
И все! Все! Все, Государь, чинить
по твоему указу!

Голый

Не умолкнул голос трубный.
Люто щерится огонь.
Кто нам - войску годный, любый -
будет всем ружье и конь.

Беспалый

Путь наш долгий,
путь наш длинный -
на Московию лежит.

Чем идти к царю с повинной,
лучше голову сложить!

Кобзарь

К царской ластится короне
много рук нечистых.

Беспальный

То не царь сидит на троне,
а сидит антихрист.

Некрасов

Людомор, мироед, кровосос невинных.
Мы загладим следы
ног его звериных!

Чернец

Пресечем его дыханье
огненною шиною.
Бог все ОБЩИМ сотворил -
будем жить об-щи-но-ю!
Будем равными в работе.
В каждом церковь - совесть есть.
Да будь проклят тунеядец!
Праздний, да не ест!

Голый

Посылал в Москву рассыльных -
стали слухи приходять:
на Кремлевских стенах пыльных
братья пишут:
«Бунту - быть!»

Беспальный

Не пустые слова.
Царь, что хан калмыцкий.
А Москва есть Москва -
город наш - мужицкий!

Глава II

1

Сердце терпнет от полынной браги.
Мята подружилась с чабрецом.
Белые казацкие рубахи,
как ромашки в поле за Донцом.
Родничок в прогалине струится.
Слабый вздох и губы жарче слив.
Нет уже ни Гали и ни Гриця,
а ручей все так же говорлив.
Лошадей все так же полем скачки
и по грудь высокую - трава.
Ой, да в сладкой муке у казачки
закружилась пьяно голова.
А над нею, рученьки ломая,
голосит рябина:
- Я-го-да!
Зацвела ты в чистом, теплом мае,
а плоды созреют -
в холода.
А тебе бы пить милого очи,
пить, как мед,
и век бы не напиться.
Но уже расклеывают птицы
скорлупу короткой летней ночи.
Но уже проснулся в царском ложе
исполнитель воли сатаны.
Ой, не будет больше дней погожих -
будут только черные одни.

Петр I *(Долгорукому)*

... Чини немедленно промысел на Донце.
Когда на Айдар пойдешь?
А донцев - обнадежь!
Милостью и деньгами задабривай.
На Голого натравляй!

Волк волка зело в упоеньи рвет.
Верю - моя возьмет!
Из Литвы и Белгорода полки выслал.
Аюка* - свежие рати шлет.
От Мазепы - сегодня вышло.
Московские следом - тоже.
Но на них мало надежи.
Казаками, казаками пресекай злодеев!
Даруй им кару!
И выжги все городки
по Донцу, Деркулу и Айдару
(Про себя)
Нет Булавина,
а воровство не уменьшилось.
Сила-то какая!..
Такою силою да
государство крепить!
А она вся в леса бежит,
да за кистень берется.
Каждый мужик бороду,
яко знамя воровское холит.
Вопит: «Истина охромела!
Дани тяжелые!
Скорби великие!
Тьма-тьмущая!»
В Питер!.. В Питер пора!
Он - столица!
Там свет.
Там моя колыбель и мое солнце над
Русью!
Там сожму народ в едину крупу
и буду в руке держать,
бороды с мясом резать!
В Питер... пора!
Ну и холодно! Гроб -
царская светлица.
Ну, и бес - не холоп!
Дыбы не боится!

****Калмыцкий хан (1642-1724), помогавший русскому царю в подавлении Астраханского и Булавинского восстаний.***

Кобзарь

Ну и царь! Ну и тать! -
зад смердячий борова.

Посулился деньги дать
за голову Голого.

Рубец

Ах, он - божья напасть!
Чертова выдра!
Лучше срубленным упасть,
а Голого не выдать!

В донецком городке

Палатка хана. Дым и облака.
Вокруг нее забор суконный толстый.
И на борзом коне сам Аюка. А рядом
толпы войска.
Из мешков,
привязанных надежно к седлам потным,
по пять головок детских смотрят вниз.
(К Аюке подводят пленного Рубца.)

Аюка

Слаб... Голоден? Хлеба урису!

Рубец

Зря, хан. Есть не буду!
Подневольный хлеб, что полынь во рту.
*(Вместо хлеба, слуга хладнокровно
подает Рубцу рябую голову чернеца)*

Аюка

Ешь, собака!

Рубец

Не я, ты - собака! Трус!

Купаешься в крови подневольных -
и в этом все твое мужество.
Мертвый чернец внушает тебе страх.
Живой - он убил бы тебя!

Аюка

Поднять его клинками под пазухи!

Хотя, нет! Привязать к хвосту лошади
и пустить в поле. Пусть она влачит его,
покуда он не умрет!

Н-но-о!! И грудь
о камень распанахана!
Пленный люд
от страха цепенеет.
... Не сохою степь холмиста
вспахана,
не цветком лазоревым алеет.

2

Жолклый лист -
плодов аниса спелых
о землю стук
разносится, хрустя.
И на скаку коней гнедых на белых
меняет осень, плеткою свистя.

Ветра. Ветра.
Над Доном и Донцом
копит зима в распадинах метели.
И речкой Красною,
и Черным Жеребцом
уже снега насильно завладели.

И Голому всклокоченную прядь
лавиной беды
всю посеребрили.
Уже враги жену его и мать
манером зверским в воду посадили.

Повыломали руки,
и в реку
со струга - шлеп! - на гладь воды:
- Плывите!!!
И только дрожь прошла по лозняку
и заячала в вытопанном жите.

Уже и государевы войска
по городкам безбоязно шныряют.
Уже Айдар и Деркул
к их рукам
пристегнуты
и в пламени пылают.

В костре великом, гибельном, одном -
Все, все, от бревен до сироток малых.
И, кажется, над Русью солнце встало.
Ночь. Ночь кругом,
а так светло, как днем.

Никита Голый

Стой! Замрите, полки!
Здесь кончается песья погоня.
Ветер тронул слегой
хрусткий струп посиневшей реки.
Слева - рати Петра,
справа - твари продажные Дона,
прямо - сотни калмыков
под властной рукой Аюки.

Сзади - утварь в возах
и глазастые малые дети,
и невесты, и жены, и бледные лица
старух.

Уводи их, Некрасов,
в ногайские дикие степи.
Не глумиться над ними
ораве антихриста слуг.
Мы останемся здесь.
Эту землю собою засеем.
Наши души взойдут...

Будут звать вас
и славою петь.
Уводи их, Некрасов,
в турецкие дали скорее.
Дай спокойно отцам
в этой рубке святой умереть!
Мы останемся здесь.
Предадимся клинку, как молитве.
И загоним изменникам
острые пики под пах.
Наслажденье нашедшие
в толстой жратве, а не в битве,
проклянут вас потомки
и с навозом смешают ваш прах!

Вы нам в дружбе клялись
и, пластая, лезли к нам в блюдо.
Услаждали гортани
то медом, то крепким вином.
Вы у нашей печи
руки белые грели, паскуды,
а сегодня готовы распять
и засечь нас кнутом.

Мы останемся здесь!
Мы не дали над совестью нашей
насмеяться церквам и царям.
В этих битвах мирских
по колени в крови
неугодя отвагою вспашем.
Нам нельзя уходить.
Мы - стожильные корни живых.

Некрасов

Как далеко земля!..
Как рыдают уключины весел!..
Как не хочет ломаться
под стругами тонкий ледок...

Кто-то за борт
в платке
бранный хлам в иступлении бросил,
и кроваво разбух
овдовевшей казачки платок.
Пухом Дон вам, братья!
Крепкой сабли и стойкого духа!
Плачут струги,
друг к другу притиснув горячие лбы.
Пухом Дон вам, братья!
И земля вам донецкая пухом!..
Мы вернемся. Вы ждите!
Мы скоро... Мы к вам на пути!..

Петр I

Вероломство моих подданных пришло в
смирение.
Выискивать воров и наказывать всех
с усердием!
Непреклоняющихся - мечом приклонить!
А Голого - раскольника пушего,
христопродавца, богоотступника
и от государя отметчика - проткнуть
огненной пикой и на костре сжечь!

Кобзарь

Зол огонь и трескуч.
Искры в небе,
как звезды, нетленны.
И, подобно рассвету,
костер величаво пунцов.
В нем нельзя не гореть.
Смерть за правду в огне
вождедена.
Здесь из каждой золинки
встанут тысячи новых борцов.

ЧАСТЬ III

ИГНАТ НЕКРАСОВ

Наклонись, пшеничный колос, до земли.
Наклонись и снова распрямляйся.
Всадник, спешно скрывшийся вдали,
поскорей обратно возвращайся:
к родникам родимым, к спорышу,
к белым-белым лилиям по рекам...
Что ты, воробей, сболтнул стрижу
о скитаньях бранных человека?
Что ты, кроха, ведаешь о нем,
о тяжелых снах его и доле?
...Лопуха колючий оком
скоротил ковылистое поле.
Уровнял казацкие могилы
Мать-береза плачем залилась:
- Доньку в край чужой пересадили,
и сиротка там не прижилась.

Мир лежит в насилии и зле.
Источают яд гремучий гады.
Где ты, где ты, солнце вечной правды?
В чем ты сердце зреешь на земле?!

1

Некрасов

(В Турецкой земле)

Десять весен прошло...
Десять раз зацвела рябина
и кровавила душу,
срывая одежды в яру.
Десять лет хрящеватым
насыпанным валом чужбина
от Руси отторгает,
топорща сухую траву.

Вот и снова весна!
Снова с Родины пасмурной слышу
колокольчиков ландыша
в поймах серебряный зов.

Вот и снова весна...
Ветер знамя ПРОРОКА колыхнет
и равняет полки
возмужавших в чужбине сынов.
Кто их были отцы,
им поведает скоро Придонье,
можжевельник, орех
и любитель лужаек - тюльпан.
Просят рыси, храпя,
молодые поджарые кони,
и бедро холодит
затаенным оскалом чекан.
Что Булавин хотел,
то мы сделали в нашей общине:
благочинную жизнь -
чистой совестью всё утвердив.
Бог столпов не творил
и бесчестия тоже. И ныне
мы в пределах Отчизны -
Отчизну свою создадим!
Да подыметя Русь,
по престолам мечами ударяя!
Напрочь выи свернет
всем, кто лестью престолы купил!
В Храме пусто не будет
и без кованных стоп государя.
Непорочную веру
глумленью он предал. Сблудил!
С нами в спайке одной
и Кубань, и ногайские орды.
Трепещите, вельможи
Казани, Воронежа, Сум!

Мое имя - Игнат!
А «Игнат» по-турецки - упорный!
В поединке с царем
я упорством успех принесу!*

**За упорство и мужество турки называли некрасовцев «Игнат-казаками», посылали их на самые трудные участки боя. В 1864 году за отказ воевать против России они были лишены всех привилегий.*

2

Саратовские мужики

- Эй, побирушка!

Откуда бредешь и что видывала?

- С Дону, родименькие,

с Дону!

Там опять домовитых грабют и жгут.

Опять объявился заступник черни:

брови - соболиные,

очи - соколиные,

золота серьга в ушке,

сабля вострая в руке.

- Булавин, что ли?

- Да к нему ж голову отсекли!

- Куда там! Отсекли!

Ваши глаза видят одне преграды.

Сверзли Булавина - Некраса выплыл!

Сказывают, чародей и только.

Разговор усех птиц, дерев

и цветов знает.

Прислушается к ним,

а они и скажут,

куды государь войско свое прет.

Напустит туману и всех побьет!

А подневольных к себе зовет

в город ДОВЕРИЯ и БРАТСТВА.

Там у них еда сахарная,

а питье медвяное.

Там рука для подаянья сиротам не сжата.

Там казак на казака не работает,

а в земле валяйся золото -

никто не возьмет!

И вам бы в тот город за ним пойтить!..

Готовьте подводы! Именья рушьте!

Скоро он здесь обещался быть.

3

Не срастется дерево,
сломленное молнией.
Не изъять из радуги оттенка.
Не убить в народе
тягу к жизни вольной.
Между слухами и ухом
не воздвигнуть стенку.
Не смириться мужикам
пензенской губернии,
в ноги князюшкам не пасть
братии Кижей.
Ой, ведут по рекам струги
атаманы верные
от самых вершинушек,
до самых устюжей!

За повиновение царскому велению
всех, кто возлюбили золото и лесть,
настигай христова кара
расколоучения!
Доставай, курносою сабли, струйчатая
месть!

Зерщиков

От господской крови - слякоть.
Ну, холопья кость, держись!
С сапогом кондовый лапоть
лучше в дружбу не вяжись.
В одеянии чернецком
стану им попутчиком,
и Некрасова - турецким
обозву лазутчиком.
- Изувер его взрастил!..
Нехристь! - так и выхарчу.
Только б месяц мне светил,
а звезды повиытопчу!

Круг в Саратовской губернии

(Хаты. Колодец. Выгон).

Вышли с ведрами
две молодки.

Сердцу радостно - отчего?
Вышли с ведрами
две молодки
за водицею ключевой.
*(У колодца появляются два
молодых казака)*

1-й казак *(молодке)*
И тонкая, и звонкая,
зачем ты так печальна?
Зачем рука волнуется
и складку теребит?
На самом донце вечера
колечком обручальным
извечно юный месяц
на нас с тобой глядит.
(Пытается обнять)

1-я молодка:
Ну ты, парубок, и ловкий!
Резкий, скажем, будто квас.
Так поглажу по головке -
попысеешь в один раз!

2-й казак *(оценивающе)*
Девка воду льет, плескает.
Приголубит, приласкает.
(Целует в плечо вторую молодку)

2-я молодка
Эй, залетный, ты че?
Мало не загадывай!
Коль целуешь в плечо
и губки прихватывай!
(Целуются)
Вышли по воду
две молодки.
Облака высоко-о! плывут.
Вышли по воду
две молодки -
ключевую водицу пьют.
- Ох-х!
-

*(На выгон выходит третий казак.
Бьет в колокол, кричит)*

Атаманы-молодцы,
люди честной обездоленный!
А вы не расходитесь,
не разбегайтесь досвету
искать берега удачи!
А сходитесь-собирайтесь
на зеленый луг да во единый круг
вести слушать.
А ваш берег удачи, да Некрасов сам -
брат Булавина!
Раз ударил колокол -
собрались мужики.
Два - сыны и доньки.
Три ударил - старики.
А четыре - женки!

Крестьянин

У меня был дед казак,
батя - сын казачий...

Некрасовец

У тебя был дед казак,
а ты - хрен собачий!
Коль в узду влез раба,
спину гнешь на пана...

Беспалый

- Тихо! Тих-х-хо, толпа!
Слух-х-хай атамана!

Некрасов

Истинные христиане:
нагота, босота, бурлаки
и весь подневольный люд
земли Русской,
чья доля - ярмо и стон!
Ко всем с единобратской любовью
отзываюсь
и бью поклон!

Меч закаляется огнем и стужей.
Дух человека - верой и ненавистью.
За изменческую смерть атамана

Булавина,

за всех его дру́гов павших,
за порубленных, повешенных,
потопленных отцов наших
до последнего издыхания
будем мстить лицедеям и толстосумам!

Но злой видит злое, а добрый - доброе.
Многие люди с женами и детьми -
все, в ком отвага и удаль живы,
от изгоны царя
и судей лживых
слетаются к нам, как голуби.
Милости просим в нашу общину!
Она не есть насилие,
а есть единомыслие друга и брата.
Доброта в сердце - знак в наш город.
Она есть - Бог!

Беспальный

Но всякий, переступивший его порог,
должен чтить «Заветы Игната»!
Ибо за трудным придет труднейшее!
А блеск бывает и на фальшивом камне.
(Ракрывает книгу «Заветов»)

Крестьянин

Читай, только не ересь!

Беспальный

- Книга эта, брат, не ересь!
Книга эта - не буза!
Это чаянья народа,
сотканые в словеса!
Это в будущее повесть.
Путь туда, ой - трудный!
Книга эта - наша совесть,
нашей жизни будни.

Ее главный завет:
царю не покоряться!
Но не сметь и самим
в цари обернуться!
И на Русь при царе
да не возвертаться!
Женок - не зобижать!
Ведай, кто не знает:
женщина - это мать,
корень сохраняет.
Стариков - почитать,
друг друга держаться.
Рукомеслие - знать!
С турками - не знаться!
Для женитьбы на них
заперты двери,
потому как они
сатанинской веры.
В церковь - дружно ходить.
Богу поклоняться!
Службу батюшке блюсти,
но не запираяться!
Воров - плетью учить!
Лодырей - тоже!
За измену - казнить
снятием кожи!
Помогать калекам, вдовам
тайно и явно.
Явно - Круг. Тайно - друг,
станишник поможет:
хлебом, солью, зипуном -
каждый, кто чем сможет.
Только так, чтоб рука
ближнего давала,
а берущего рука,
кто дает, не знала.
Помогай, но не обидь
помощью беднягу.
За обиду - смертно бить
плетью похвалягу!

Муж изменит али жинка -
предавать их
сра-мо-те!
Не держать в станице шинков.
Всем учится
гра-мо-те!
Всем «Заветов» слова,
как молитву, славить.
Круг - всему голова!
Круг общиной правит!

И вновь горят помещичьи усадьбы.
И в очумело аспидную рань
со всей Руси, пугая волчьи свадьбы,
бегут крестьян ватаги на Кубань*.
Трещат возы, идохнут в мыле кони.
И тело рвут шипастые кусты.
И чтобы отлепиться от погони,
младенцам бабы зажимают рты.

И те синеют, бедные, синеют
и на глазах отходят в мир иной.
И, каменя, матери седеют.
И все уносят мертвеньких
с собой.

Торопятся мирской дорогой
к БРАТСТВУ,
а волчий рык густеет за спиной.
Как труден путь!
Кто принял в нем участие,
тот причастился к вечности святой.

За поворотом - новый поворот!
А впереди...
- Куда, холоп!?
Ножи ведь!!
И сам себе я зажимаю рот,
чтоб даже в мыслях
песней не сфальшивить.

**В то время Кубань принадлежала Турции*

И сам спешу в тот город жизни дивной
испытать всесильной мудрости его.
...В падении пушинки тополиной
я слышу грохот века моего.
И у ворот
родную вижу мать.
- Иди, сынок...
Иди и мир познаешь!
Учись, сынок, другому не желать,
чего себе вовек не пожелаешь.

И я иду.
Порою окрыленный.
Порою вовсе выбившись из сил.
Но от слепых соблазнов отрешенный
учусь дерзать
у дедовских могил.
И всякий раз в немыслимом терзаньи,
когда ужасно трудно одному,
все кажется:
иду я на заданье,
на связь в страну ДОВЕРИЯ иду.

Сам на себя веду атаки часто.
Честь выношу из боя на руках.
Она в крови,
но нету выше счастья
хрустально-чистой зреть ее в руках!

Некрасов

Четверть века прошло...
Мощи леса, как старые кости
одряхлевшей груди,
греет солнце турецкой земли.

В толстых стенах уже
сам антихрист почил на погосте,
надорвавшись карать
и деяния наши хулить.
Четверть века Булавина нет...

(Рядом появляется видение Булавина)

Четверть века!!
Скоро, скоро и я
Отласкаю глазами зарю.
До скончания дней
я в холопе будил человека,
с каждой новой весной
обрывая обшлага царю.
Нет, не жалкой была
нашей силы и мужества мера,
но распалось единство:
по-разному видят Христа.
Что ни новый курень
в отчем крае -
то новая вера.
Что ни баба в раскольничьем платье -
то новый устав.

Булавин

Не тужи, Игнатий!
Мы глядели вперед
и жили не поперек -
землю русскую волею засевали.

Некрасов

Взойдут посевы ли?..
Все уходят в себя.
И ничем не заменишь пропажи.
Вместо образа - тень.
Вместо крова - щетина штыков!
И Тамбов, и Козлов -
города эти искони наши,
наши - русские,
а не прибыльщиков!

Булавин

Взойдут! Ты только непогодь сдюжай.
Людей не море топит, а лужа.

Некрасов

Слышишь, соки шумят...

Там сейчас в придонцовье,
в Запрудном,
наливается рожь.
Перепелок - руками лови!
Домовитый казак тешит чрево
изысканным блюдом,
и скудеет бывалая удаль
в казацкой крови.
Но голодный - смелее
о счастье вселенском тоскует,
весь объятый свеченьем рассвета,
как божья роса.
Невозможно одним
оком зреть
на холодную землю сырую,
а другим в одночасье -
в лазурные зреть небеса.
Стар я. Скоро умру.
Руки повод держать перестали.

*(Булавин исчез. Некрасова окружают
общинники).*

Но, родные мои, дорогие! -
все мысли о вас:
пусть просторы Руси
мы в неравном бою потеряли,
но с родимой землей
сохраните духовную связь!
Час великий пробьет -
мы свое отстоим и получим.
На Отечество наше еще снизойдет
благодать.
Ветер бьет нас в лицо,
но, сгущаясь, кошлатые тучи
убегают по звездам
с неистовым цокотом
вспять!

ЭПИЛОГ

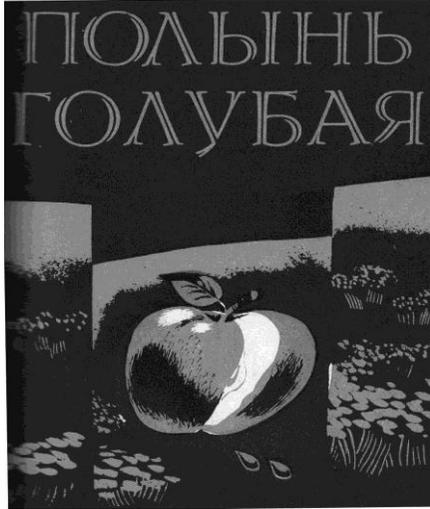
Из реки Донец
да во Дон-реку
волны катятся.
Ой, из края в край
о Булавине
слава ширится.
А стоял он, братцы,
да за вольну Русь,
за несправдливую,
спротив царя,
спротив бояр,
спротив попов,
кто без меры драл
кожу с бедного,
прожигал ее
спицей медною.
Звери алчные,
вы хотели оковать
волю русскую,
вы хотели осквернить
душу русскую.
Но народ ее
к воле славится
тягой дьявольской:
хоть изменой дави,
хоть огнем триви,
но живет в крови
бунт булавинский!

Из реки Айдар,
да в Донец-реку
волны катятся.
Ой, из края в край
О некрасовцах
слава ширится.
Ой, из дали в даль
продолжается.

А держали они, братцы,
платье царское
да за пуговицы.
Знать дрожала во дворцах
мокрой курицей.
О Булавине - слава ширится,
о Некрасове - продолжается!
Слава ширится, продолжается
от отцов к сынам
да из века в век.
От отцов, к сынам,
да из века
в век!

1975-1990гг.

**ПОЛЫНЬ
ГОЛУБАЯ**
поэма

ВСТУПЛЕНИЕ

Камыш,
у забытого поля битвы,
в осушенной пойме
свернулся в жгут.
Сегодня в затишье
воронок, рытвин
птицы гнезда спокойно
вьют.
Оплывший окоп,
как солдатский пояс,
лежит в высокой траве,
виясь.
Тихо вокруг.

Но я слышу голос
тех, кто в преданья ушел
от нас.
Кажется мне,
что у них привал,
что звучно поют они
«Ермака».
...Песней тронутая река
стирает бинты
у скал.

Молчит
в бугор вдавившийся окоп.
Косым дождем
трава слегка примята.
А из него дубки
на света сноп
глядят, шагнув
на бруствер,
как солдаты.
Рябят цветы,
что звезды в синем небе,
пропитанные свежестью насквозь.

О, как здесь много крови пролилось!
Не оттого ль так сочен
каждый стебель?
Не оттого ль горька она - полынь...
И до того такая голубая,
что лишь руками
марево раздвинь -
и обнажит рубцы
судьба людская.

Судьба бойца, каленого в боях,
пуд не один скурившего махорки.
Но через час
его убьют на зорьке.
Дружок зароет тело второпях -
цигарку прикуривший
только-только.

ГЛАВА I

1

У дружка была прическа «бобрик»,
очи - полдня ясного ясней,
черные лопатистые брови,
волевая складка меж бровей.
Выем щек над скулами
колючий,
галстук
и бостоновый пиджак.
На работе - пахарь
самый лучший.
На гулянке - первый весельчак.

Не одну дивчину
с грудью пылкой
вовлекать умел
в сердечный вальс,
не одну проходку
в шахте пыльной
засекать
на жаркий угля пласт.

Шла в спецовке девушка к
уклону-
засветились лица у парней.
- Ты возьми меня с собою,
Тоня! -
залихватски
выпалил Сергей. -
Я проведу к лебедочке
тебя, моя залеточка!

А она, неотразимо стройная,
оглянулась:
- Что же, не теряйся! -
(краешком улыбки
душу тронула). -

Так и быть, за мною телепайся!

Грохнул смех.
Сконфузился Сергей.
По щекам поплыл
румянец зыбкий:
то ль от смеха дюжего друзей,
то ль от дерзкой Тониной улыбки.

Но ему не грезилась другая.
«Все равно, - решил он, - завлеку!!»

- Буду телепаться, дорогая,
как самоспасатель на боку, -
не сказал - пропел
и подрулил
к разбитной чернявой неотроге.

Ну, теперь, трамвай подземный,
трогай!
Ветер, им дорогу окрыли!

2

Кто в шахте не был -
мало видел в жизни,
а кто не целовался - плох в любви.

Вот-вот по каске кровля камнем брызнет,
а ты стоишь и тока звон в крови.

Губами жадно
пьешь любимой губы,
припудренные угольной пылью.

И душно телу млеть
в спецовке грубой.
И негой покрывается лицо.

И столько вдруг нахлынет сразу счастья,
дурману, дрожи сладкой...

Лишь начальства
в тот миг сюда, Господь, не приведи!

Прикажет с ходу премии лишить!

- Сережа!.. Милый!!..

- Врозь и дня не жить!

И духота щемящая в груди.
И томно гладит голову рука.
Плывут в глазах,
мутнеют кровли своды.
И отпечаток древнего цветка
глядит на них свежо
с коржа породы.

Кто в шахте не был - мало взял от жизни,
а не работал - пота не видал.
Пускай в плечах - завидней всех мужик ты,
но так обдаст подземных ливней шквал,
что к черту все! - выкручивай рубашку!
Хлопком по ребрам холод оглуши.

Потом впрягайся заново в упряжку.
И день, и ночь - пока Отчизне тяжко,
мужчина ты иль женщина, - паши!
И до сих пор безудержно красивых
уклоны помнят женщин и девчат.
Того, что мужики не выносили -
они держали на своих плечах.
Не потому ль пластам, уклонам, штольням
давали их простые имена:
«Анастасия», «Софья», «Клава», «Тоня»,
- они достойны этого сполна.
...Конец упряжке! Баста!
На-гора
вези, трамвай, трудяг своих к рассвету.
Одних - к семье, к бараку у бугра,
других - к степи душистому букету.
Лети, трамвай! Работай!
Лезь из кожи!
Грудь истомилась донником до дна.
А выехали...
- Что это, Сережа?!
И - как под дых свинчаткою -
война!

3

Война.

Война.

Прохладу рупор рвет.

Прошиб мороз

цветущий ствол березы.

Еще мужья

готовятся на фронт -

у жен уже блеснули

вдовьи слезы.

Девичья ватной сделалась рука,

гаданья не закончив на ромашке.

И солнца шар

болезненно и тяжело,

блеснув лучом,

скользнул за облака.

Но у копра

в упрямом иступленье,

свой уголь в ствол

вагон не обронил.

И штреки били в том же направленье,

в том - неизменном,

что и до войны.

Война.

Война.

Прощальные гудки.

В кулак единый

все сумело сжаться.

Катает муж угрюмо желваки.

Сын отвернулся,

чтоб не разрыдаться.

Ну что ж ты медлишь,

старый военком?

Покуда крепок парень,

дай команду!

Дай раздавить

застрявший в горле ком -

бойца у нас

не хлипким видеть надо.

И военком как будто вял. Седой,
он знал предел.
- Ну, что ж... пора прощаться!

Он дал слезам на боли настояться
и задушил их в горле до одной.
«По шесть, в колонну-у, стройсь!»

Прощайте, хаты!
Играй, гармонь, «Славянку»!

Дай вам Бог,
вернуться всем:
женатым, неженатым.
Пошли!
Как пламя, пыль из-под сапог.

Куда ж ты, мой миленький,
куда ты?
Возьми-ка меня да с собой!
Ты будешь фронтовым солдатом,
а я - милосердной сестрой.
Тебя, мой миленький, поранят -
доставлю живым в лазарет.
Письмо в тыл матери отправлю,
что в войске
храбрее тебя нет.

Возьми-ка меня ты с собою!
Уважь, мой ласковый, прошу!

А я ж твою раночку обмою
и белым бинтом обвяжу.

Уважь, мой ласковый, прошу-у!

Ушли. Дрожит на взлобке
точкой слабой
последний ряд.
Всклубился гурт стрижей.
И спохватилась Тонька:
- Что ж вы, бабы?

Еще живых
оплакивать мужей?!.
И с головы сорвала
креп косынки.
И синеву вспорола ею:
- Гой-й!
А ну-ка, мать! А ну-ка, тетка Зинка!
И под гармошку топнула ногой.
А у нас во саду
два куста смородины.
Проводила я миленка
на защиту Родины!

ГЛАВА II

1

Разметала земля
узловатые в поле дороги,
словно дуб вековые
разлапые ветви свои.
Отсеки у него веер веточки -
самый убогий! -
и душа защежит,
и не так запоют соловьи.
Загуби человека -
и станет тропинка пугливей,
самой горькой травой
покроет себя навсегда.
На тропинку одну
сразу станет земля сиротливей.
Ну а что говорить,
если гибнут в огне города?
Если бурым пятном
вся расщелина в трупном запое,
но кричит корпусной,
аж мороз в телефонной трубе:

- Чтоб хватило полка
на четыре отчаянных боя,
ну а раньше, полковник,
не жди пополнения себе!

Если в самый разгар
плодородного, знойного лета,
опрокинув курган,
прямо в солнце взорвался снаряд.
И не стало нигде
медуницу ласкавшего света.
И высокие дни
чередой потянулись на спад.
Все короче они.
Все короче, короче, короче!
Неужели придется
истаять им вовсе на нет?
Этот солнцеворот,
словно рана,
в траву кровоточит,
оставляя горючий
на каждой ухабине след.

2

Третий день вперемешку с металлом дожди.
Третий день отступленья дорога.

- Если нас не прикрыть,
то в капкане мы и...
- Ясно все, командир!
Разрешите идти?
- Ну... Давай-ка простимся, Серега!
И пошел.
Засвистело над далью степной.
Застонало. Заохало в жите.
...В сорок пятом
вернутся ребята домой,
а его - в списках павших ищите!

Шрам взрывчаткой
горит на руке.
Эх, Сергей!..
Сам готовый взорваться,
не живу - прикипаю к строке,
чтобы в списках живых ты остался.

Давний тот вспоминаю отход.
Как приказ повторяю комбата:

- Все, что есть -
до последней гранаты,
сдать Сергею!
И плавнями вброд
отступить за курганы повзводно.

Дунул памяти ветер ознобный.

Мина втюкнулась в дуб,
как топор.
Отступленья друзей за плечами...
Эх, Сергей,
пуль твоих разговор
и сегодня их будит ночами.
В жилах прошлое
в скрутной пальбе,
как вода в пулемете, вскипает,
где поспешнее прочих -
герой погибает.
В жертву чаще бесстрашных
война выбирает себе.

...Лопата врезалась в суглинок.
Искру высекла,
царапнув дикий камень добела.
Роса цветка
по капле в яму вытекла.
Смерть в подреберье
дуло подвела.
Лопата врезалась...
Перед глазами встала
калитка сада, Тоня сбочь моста.

И путь на фронт -
прямой, как свист металла.
И у днепровской поймы высота.

Атака! Вновь - атака!..
- Ах, друзья!
Чужой крови
в лицо плеснулась жижа -
и не от пуль в воронку рухнул я.
Вы отошли,
чтоб стать к Берлину ближе.
Расплющив грудь
о вражьих полчищ стену,
я ваш отход
прикрыл на рубеже...
Навстречу вам
пять раз бежал из плена.
И вот - каюк!
Отбегался уже!
Лопата врезалась... - уже по пояс яма.
Последний корень срублен тополька.
В холмах мелькнула степь перед глазами
и Тонина прощальная рука,
в конторе шахтной - синяя тетрадка,
зубов холеных золотой огонь,
кто и в годину тяжкую -
за взятку
с души шахтера камень скинул - бронь*.
Кулак, хвативший дверь военкомата,
как рысака-упрямца по мордам:

- На фронт пущай!
Нет брони больше! Хватит!
Давно гоюсь в пехоту по годам.

Лопата врезалась...
- уже по шею яма.
Скорей бы смертью плюнулся свинец.
Лопата треснула и - взрыв перед глазами.
Вверх дном могила рыжая.
Конец!

ГЛАВА III

*Сама на картах погадаю,
сама себя развеселю.*

В прохладных ромашках
стрекозка качнулась,
следящих за солнцем,
где поля размах.

**Во время Великой Отечественной войны, в связи с острой нехваткой
угля в стране, на шахтеров была наложена бронь, не разрешающая
мобилизацию их на фронт.*

И только от солнца
одна отвернулась -

убитая горем
ромашка в слезах.
В сторонке от всех,
возле самой полыни
стоит она, пальцы ломая, и пьет
не солнце, которое гаснет в долине,
а солнце, которое
завтра взойдет.

СТРАДАНИЕ

К дорогам приторочены нетленные
полотна звезд в раскинувшейся мгле.

Вернулись все:
военные и пленные
и только мой
лежит в сырой земле.
Нигде его не видно и не слышно.

А мак цветет. И в поле зреет рожь.

Одна кругом.
Одной - до слез обидно.
Как на него сыночек стал похож!

Я без огня горю и вяну, вяну.
Без ветра вся качаюсь, как лоза.
Душа не льнет к вечернему баяну.
И палит всю, а мокрые глаза.

С тобою смять
травы зеленый шелк бы,
в сукно плеча по-бабьи потужить.
Пуускай без рук...
Пусть раненый - пришел бы!
Я без тебя не ведаю, как жить.

Уже вовсю
смороденник разросся,
где, замерев,
под ломкий шум куги,
еще тебя не видя у откоса,
ловила, как судьбу,
твои шаги.

Нигде тебя не слышно и не видно.
А мак цветет. И в поле зреет рожь!

Одна кругом. Одной - до слез обидно.
Как на отца сыночек стал похож!

Сырой барак тоскою вдовьей полон.
Обезобразил голод детям рты.
Сосед на части танками разодран.
Какую ж муку, милый, принял ты?

На том пикете дальнем, где впервые
мы целовались,
часто плачу я.
Печальный мой, в тягучем снов наплыве
тебя я вижу в образе ручья.
Ты о запруду бьешься лбом горячим
и стонешь, стонешь, бинт прижав к груди.
А за грядой запруды утка кричит.
И сохнут, сохнут крылья
без воды.

Шахтком меня назначил в бригадиры.
Перекисает бабья кровь-вино.
Глаза давно свинцовее, чем гири.
Встаю - темно. И спать ложусь - темно.

Грязь черней эсэсовских мундиров.
Кровля - выжидательней врага.
В шахте нету места конвоирам,
в шахте - все рабочие.
Нога
женщины в ботинке заскорузлом
в глыбу упирается. В руках
обушок крошит углицу: в-вох-х!

Он то в грудь забоя липко вгрузнет,
то отскочит, стерва, как горох.
Только слезы женщина не кажет
пленному, что, сам уже без сил,
по куску, по сколочку, по капле
вагонетку углем нагрузил.

- Ну-ка, «ганс»,
теперь ее - по штреку!..
А сама, что выжженный патрон.

Разве это можно человеку
пережить,
когда под боком - он!
Мужа кат, повязанный убийца,
пленник, искупающий вину.
Пополам готово разломиться
сердце.
- «Ганс», вагон по штреку!.. Ну!!

А вагон не слушается. Цепко
в рельсы врос. Ни с места!
«Ганс» плечом
чиркнул по железу и о сцепку
челюстью с размаху!
- Ой! Ты че?!
Подбежала. Хрупкая. Ее бы
пожалеть, голубку. А она:
- Что же ты... протопал всю Европу,
а вагон не сдвинешь? Что ж ты, а?

И в вагон спиной уперлась. Косы
под платком качнулись.
- Р-р-раз!
Кати!
В синяках спина.
И слезы, слезы.
- Милый мой Сереженька, прости!..
Прости, родной...
Прости, я ненавижу
себя за то, что жалость верх берет,
что без конца то в нем убийцу вижу,
то человека.

Вот он вновь идет!
Идет сюда! Идет!
А рудник полон
сирот и вдов,
и голод сушит рты.
Сосед на части танками разодран.

Какую ж муку, милый, принял ты?

ГЛАВА IV

1

Тихо.
Обезлюдели бугры.
Танк горелый стынет, как ворона.
Месяц боком вылез из норы -
загустевшей ночи чернозема.
Темноту прожгла ракеты нить,
вспышками огней
тревожно брызнув.
Только все ж ракете не затмить
свет звезды -
теплинку гордой жизни.

...Миновала смерть судьбу страдальца.
С тела глину скинул - жив, кажись!
Тишина свистит в четыре пальца.

К держаку
в крови пристыла кисть.
Дернул руку и - ушло сознание.

...Подобрали наши. Зябла ночь.
Пролетают годы, а страданья
из души ничем не выгнать прочь.

Свежий ветер дальнего похода
подымает пыль дорог, клуба.
Видел фронт не с тыльного он хода,
а готов на части рвать себя.
И, пройдя особые отделы,
получив «добро» идти домой,
он, минуя отчие пределы,
добровольцем в край ушел чужой.

Разве совесть факты оправдают?
Разве дуб заставишь не шуметь?
Лучше пусть на родине считают,
что в бою неравном принял смерть,
что погиб у берега крутого,
на себя замкнув напор свинца.

Найдешь ты, Тоня, друга,
но такого,
что будет верен званию бойца.

А мне... А мне, судьбу перекоряча,
и обжигаясь памяти волной,
мне ничего не надо, кроме плача
о сокровенном, выжженном войной.

Как я пройду - здоровый, целый, крепкий
по улице?... Ступлю на свой порог?..
И что отвечу матери-соседке,
что вскрикнет, затужив:
- А мой сынок!!

И в глушь ушел.
И сам в себе замкнулся.
И, словно сумрак, тайноюдохнул.

Ни разу он в душе не улыбнулся,
ни разу людям в очи не взглянул.

Шахтерил в лавах, рук не покладая.
Яд памяти работою глушил.
На соловках земли -
в камчатском крае
единой мыслью с Родиною жил.

Нос комлистый.
Щеткой борода.
У прилавка вылепился:
- Здравсте!
(Перегар сивушный прет из пасти).

- Разреши... без очереди.
- Да!?
- Право есть!..
- Возьмешь и пятым...
- Ой, ты-ы!..
Я в войну высоты брал! А кто ты?

И плечом толкнул бесстыдно резко:
- Пятым стань - жив будешь,
а жить - нет!
Продавец, чекушку! - бросил веско.

...А Сергею снова мутен свет.

Снова видит «гансов» рыжих стену
(память, как под дых приклада крюк)
часовых, побегу, карцер плена...
И бурьян, где рыл себе «каюк!»

И в себе - себя приобретаю,
встал он, как стоять когда-то мог.
Как заслон. И как передовая!
...Пол у хама вырвал из-под ног.

В очереди вздрогнули отцы.
Ахнули со страха продавцы.
Посветлели матери слезами.
Словно он -
искусанными псами,
пальцами,
зажатыми в кулак,
всею мощью вымотанных жил
из груди обугленной - сорняк
выдернул
и сердце обнажил.

А ночь все гуще, гуще и длиннее.
И журавли мутят, курлыча, свет.
И отчий край
в крови шумит большее
день ото дня,
да так, что мочи нет.
Очам простор приветно распахнулся,
и катит шепот грустных вечерниц:

- Вчерашний ветер в поле не вернулся,
не целовал заплаканных ресниц.

Терпенья нет. И нет нигде покоя.
Тоска - по Тоне.
Боль - по ковылю.
В глазах туман.
- Нет, все-таки домой я
вернусь. А там, хоть голову в петлю!

2

Остановка.
Автобус стал.
Дверцей - хлоп!
А походка робкая.
- Товарищ, скажите,
это улица Войкова?
- Да!
Не верится.

На школу бросил взор,
на террикон от снега побелелый.
Как все переиначилось с тех пор...
Как несказанно все помолодело!

Свет в отчих окнах -
самый яркий свет!
Хотел шагнуть спокойно
и не смог.
И вещмешок упал бессильно в снег,
запутав лямки - рыжий,
как бульдог.

У окон песни. Смех. Басы вздыхают.
Согнуло плечи душно пальто.
А на щеках крупинки ночи тают.
- Кто ж это там...
бедовый самый... Кто?
Сглотнул, как дерть, колючий
в горле ком.
В карманах руки места не нашли.

И вдруг... О боже!
Голос так знаком!..

« Куда ж ты, мой миленький,
куда ты?
Возьми-ка меня да с собой!
Ты будешь фронтовым солдатом,
а я - милосердной сестрой...»

И ноги сами к окнам тем пошли.

Хозяйка в шрамах угольных -
слепая,
шаги услышав, так и обмерла.
...На небе звезд рассыпанная стая,
сбежавшись,
двор зарею обожгла.
Седые слезы высветлила ярче,
в морщинах щек застрявшие, как боль.
- Неуж она?..

Неужто Тоня плачет?!
И сердце - рана!
И на рану - соль!

- Живой!
Живой!!
А я шаги-то слышу...
Так ухают,
как яблоки в саду,-
твои шаги!
Но ничего не вижу
и, кажется, с ума сейчас сойду.

Глаза-то в шахте выбило.
А встречи
я все ждала. Все верила! И вот...

Раздай, гармошка,
кожаные плечи! -
Сегодня сын твой
в армию идет.

- Ой, тропа, не стелись от порога,
а к порогу ты лучше стелись!

Живой!
Живой!
А тот, золоторябый -
он бронь твою
сумел перепродать.
Полгода побыл писарем при штабе,
вернулся - грудь прогнулась от наград.
Живой! Пришел!..
Родименький, я знала,
что ты придешь,
что сына обоймешь.
Я в снах тебя
несломленным видала...

Солдатик наш,
поглянь-ка, - весь похож...
весь на тебя:
до крошечки собрала...
повадки ни одной не утаив.
Его рубахи потные стирала,
а временами чудилось - твои.

А сын стоит,
остриженный под «ноль»,
тоскою чувств
к отцу уже рванувшись.
И вострепнулись
радость в нем и боль,
судьбы непостижимой прикоснувшись.
- Отец!..
- Сын-н-ок!!.

Баян, сильней вздохни!
Стон заглуши скорее: голос, бас ли!..

...Во всем поселке вспыхнули огни.
А у золоторябого -
погасли.

Молчит
в бугор вдавившийся окоп.
Косым дождем
трава слегка примята.
А из него - дубки
на света снопы
глядят, шагнув на бруствер,
как солдаты.

И на бугре - окоп,
и у криницы,
и у двора, где вырос я, -
он есть.

Дохнет полынь -
и проступают лица
взваливших на себя
суровый крест.

Войдя в уступ,
как пуля разрывная,
цветет тюльпан,
раскрывшийся с утра.
И тяжело так,
как будто у двора
опять зашлась пальбою огневая.

Цветы...

Цветы...
И каждый - жизнь людская,
судьба людская:
радость,
боль
и стынь.

Не оттого ль горька она - полынь
и, как мечта,
такая голубая!

КНЯЗЬ ИГОРЬ

Поэма

В. И. Подову, автору монографии
«Поход князя Игоря на половцев в 1185 году».

**Как бы кто хитр,
как бы кто умён ни был,
хоть бы птицей летал,
но суда Божия не минет.**

1

Князей воскрешённые лица...
Угрюма Лугани вода.
Здесь половцы - дети волчицы -
воздвигли свои города.

Стояли кибитки их - вежи.
С кургана спускался дозор.
И ветер под скулами - свежий.
От плётки - спирали узор.

Сижу на скале возле стана -
нарушен мой мирный покой.
И лук мастерю против хана
из вербы высокой, гнучкой.

Меня он изрядно пограбил.
Не каждый тягался с ним князь.
Он русичей землю ослабил,
великим полоном гордясь.

Нечистою силою вторгся
в просторы привольных долин.
В доверье к изменникам втёрся
и стал на всю степь - господин.

Он травит зверьём разнесчастных.
В великом холопстве гноит.
И жён, яко солнышко, красных
в шатрах своих смрадных гнобит.

О, русичи, где ваша слава,
честь гордой и мудрой красы?!
Но стелятся шлейфы кроваво
раздробленных княжеских сил.

Где подвиг не ведавших страха?
Зачнётся ли новый рассвет
Владимира-свет Мономаха,
отвага и доблесть побед?!

2

И собрались два клана, владевшие русской землёй:
Мономаховичи и Ольжичи. И сказали Мономаховичи
Ольжичам:

«Отныне мы не соперники друг другу. Мы грызёмся, а
поганые дерут с нас три шкуры. Соромно нам так жить
дальше».

И ответили Ольжичи:

«Единством спасёмся! Усмирим сатанинские нравы и
жадность ханов!»

И слились в единый кулак.

И изгнали исчадий зла от Переяславля и со всей земли
русской.

Но недолго из кубков русичей лились меды
победные.

Хитрая лиса - Кончак, улестил Святослава с Игорем, и
напали они на Мономаховичей, и была брань великая.

И дружины князя Рюрика наголову разбили поганых и
своих неверных собратьев.

И снова вместе собрались князья русские.

«Зачем нам бросать свет и идти во тьму?» - сказали они
брат брату.

В глаза якобы за одно, а за глаза - каждый сам по себе.

«Пойду на собак смрадных, - думал князь Игорь, -
преломлю копья о конец поля половецкого, изопью
шеломом Дона и достану Тмуторокани и приобшу к Руси
земли незнаемые.

И не будет никого равна и подобна мне на сем свете!»

И тайно от многих князей,
по-богатырски властные
вскочили воины Игоревы на коней,
яко львы яростные.

И забрехали лисицы бурые.
И заграяли вороны чёрные
жадно и трубно.
И заклекотали орлы сизые,
ожидая трупов.

Не токо заря - травостой взбагрянется.
А от городов ханских
и камня на камне не останется!

3

Скачет войско быстро, смело.
Князь с холопом: к боку - бок.
Даль ковылистая стелет
им под ноги нежный шёлк.

Сколько глаз окинет - степи!
Здесь начало. Где конец?
Игорь в мыслях слился с небом
и шагнул через Донец!

Бой, каким бы трудным не был -
Кончаку придут кранты!
Сатана вознёс - до неба.
Бог опустит - с высоты!

Скачет Всеволод Трубчевский -
князь по имени Буй-Тур.
Конь, как витязь, - молодецкий:
скор, и жарок, и каур.

Чуть правей - огня метатель.
Сила - сдюжит и быка.
И, как водится, - предатель
в головном ряду полка.

Ольстин.

С Игорем он рядом.
Как пришит к копыя древку.
В западню ведёт отряды,
в лапы к хану Кончаку.

Под конём не выжить стеблю.
Пыль росистая - в клубок.
Кончаки шныряют степью,
заманить хотят в «мешок».

Водят за нос. Нет терпенья.
Игорь злее стал, чем рысь.
С неба даже и затменье
говорит ему:

«Вернись!

Видишь, как тебя дурачат.
Тьма на солнце не к добру!»

Ольстин шепчет:

«Неиначе
половчаночки в яру...
Мной разведчик пойман - враг!
Развязал ему язык!
Запируем. Путь недолог.
День уже почти поник.

Там, за этим вот курганом,
заждалась победа нас.
Налетим-ка ураганом
и добра добудем, князь!

Красны девки, оксамиты,

кожухи... - всего не счесть.
Будут половцы разбиты.
Слава князю, нам же - честь!

На всю степь Кончак несносный
по-шакальи заскулит.
Нашей славы судьбоносной
заждалась река Сюурлий!»

Сладки речи. Горьки слёзы.
Полонянки хороши.
Загрузив добра в обозы,
пировали от души.

На заре... На зорьке встали:
рядом половцы, что лес!
И хоть насмерть биться стали,
гнев низвёл Господь с Небес.

И узрели князья гибель свою.
И сказали Игорю Святославовичу:
«Собрали мы на себя всю землю половецкую.
Оставил нас Господь Бог.
Но есть ещё время нам на конях уйти».
И ответил им Игорь - великий князь:
«Если поскачем - спасёмся сами,
а простых людей оставим.
И за это будет нам перед Богом неискупимый грех,
а перед Русью позор.
Мужайтесь, да не ужасайтесь.
Хотя и умрём, но живы будем!»

Рати сдвинулись, что камни.
Искры - в пламя, пламя - в кровь.
Всюду половцев капканы.
Горы срубленных голов.

Дивен бряск мечей и страшен.
Сил напор неистощён.
Нету в сече смерти краше,
коль в Руси родной крещён.

Испужался Ольстин смерти.
Скрылся, подлый, под шумок.
Бились день, второй, на третий
зашморгнул Кончак «мешок»!

В схватке яростной и смелой
был решен дружин удел.

До сих пор томят мне тело
наконечники от стрел.

4

Стрелы острые - стеною.
Враг на время отступил.
Но прихлынул вдруг волною.
Ранил князя и пленил.

Пали Игоревы стяги,
в мёртвой сжатые руке.
Озарились кровью плахи
на Каяле на реке.

Князю - плен. Руси - опала.
Распоясались - нет слов!
Вовсе радости не стало.
Звери мёртвых лижут кровь.

На хвалу хула насела.
За враждой спешит вражда.
Землю славную заела
ненасытная нужда.

5

Всюду чад и полымя.
Лютая резня.
Разоренье - полное.
В ужасе князья.

Крах всему. Падение.
Возгордился враг.

Сеет он смятение
в русских городах.

Страх. Печаль обильная
впёрлась во дворы.
И крамола сильная,
словно сель с горы.

Вторглося в уделы
тявканье лисы.
Что же ты наделал,
Игорь - сукин сын?!

Не орлом взлетел, а выпью.
Смрад. Болотная вода...
Из отцовской славы выпал,
что птенченок из гнезда.

6

До отчаянья жестоко
князь в душе себя терзал.
И как будто ненароком
к половчанкам тропку стлал.

Между веж ходил свободно -
ясный сокол на плече.
Пил кумыс. Ядрён. Дородный.
Но однажды страж рече:

«Может, это незаконно.
Только разум в ласке слаб.
Пусть бежит он из полона -
сладок он для наших баб.

Коль в сердцах безумных женских
он гнездо сумеет свить -
изнутри стан половецкий
может мигом разорить!

Хан покуда бьётся с Русью,
грады с жемчугом берёт,
мы тихонечко отпустим -

далеко ведь не уйдёт!»

И когда наступил вечер, князь Игорь Святославович-
Олегов внук - поклонился образу Божьему
и Кресту Честному:
«О, Господи, - изрёк он, -если бы ты спас меня,
недостойного!»

Поднял стену шатра крутую.
Сел на борзого коня
и пыхнул на Русь святую!

Лихо - только и видели!
Всклубился туман золой.
Отрубленной головой
Иоанна Крестителя
луна всплыла над землёй.

.....
Солнце весело светит.
Конец чумоносной мгле!
Игорь довольный едет
по русской земле.

Слава великому князю Игорю Святославовичу! -
с поклоном встречает его льстивая знать,
нечестным жребием хапнув себе больше владений.
Слава великому князю Игорю Святославовичу! -
падает ему в ноги обворованная и погорелая чернь.
От счастья плачет, рыдает.

Да, тяжело голове без плеч.
Плохо телу без головы,
а земле русской без Игоря!

7

Травой житняковою выгорел
Донецкой степи уголок.
Подобьем щита князя Игоря
бугра выпирается бок.

А дальше - родник в мочажине
пульсирует жилкой тугой,

как кровь на виске у дружины,
вступившей безвременно в бой.

В бой ради блистательной славы
и ради корысти слепой.
И жалобный плач Ярославны
стоит у меня за спиной.

И я, как на тяжкие раны,
туда устремляю свой взгляд,
где за мочажиной тюльпаны
кроваво и страшно бурлят.

Где движется ядерной лавой
на мир обнищания рать.
Предательство думать о славе.
Богатство б страны отстоять!

А плача потоки всё льются.
Трагичнее всхлипы в груди.
И надо назад оглянуться,
чтоб стало светлей впереди.

НАЧДИВ ЛЕТУЧИЙ

Героическая поэма

*Когда угаснет пыл,
Осыплет юность цвет,
Не забывай как жил
И прадед твой и дед.*

Михаил Голодный

ПРОЛОГ

У Макарова Яра дороги трудны.
Приовражья кустисто крапива покрыла.
Камни -
тучные, как кабаны,
греют гладкие спины на солнце и рыла.
И в весёлом от солнечных брызг вишняке
чернокудрый крепыш
меж деревьев шныряет.
Ртом, ни разу ещё не разбитым никем,
клей от жёстких стволов отгрызает.
И жуёт его так,
словно корочку хлеба.
что горчит
подневольным крестьянским трудом -
непокорный, ухватистый сын горшколепа,
Октября созревающий яростный гром.
И от вольно летящего мимо коня
просыпается в нём
кровь бунтарская предков.
Высекают копыта колосья огня,
разжигая костёр революции крепкий.

Бандурист

Играй, бандура, играй!
Вспоминай красного командира
Александра Пархоменко -
потомка славного Запорожской Сечи.
Всю жизнь его вспоминай!
Играй, бандура, играй!

Весёлый услышит - песню подхватит.
Услышит хмурый - развеселится.
Храбрый услышит - саблю наточит.
Играй, бандура, играй!

КАЛЕДИН. ВЕСНА 1918 ГОД.

Казаки!
Доблестные сыны России!
В эти дни
она умирает от мерзкого порождения
большевицкой силы - Соввласти!
Пролетарский Донбасс - красной чумы оплот.
Напасти!
Спасём Родину от озверевших рук!
Шашками сокрушим совдеп!
И будет у нас земля, воля и белый хлеб!
На конь, казаки!
Не посрадим чести!
(*Вместе*)
- На конь!
- На конь!
- На конь!

Ко-о-ни цокают копытами,
ломают ломкий лёд.
Отдыхают на клинках
блёстки лунной ночи.
Кони цокают.

Каледин усмирителей ведёт
на донецких горняков,
луганских рабочих.
Едет. Смугл. До баб охочий.
Сутью всей уйдя в приказ:
"От социалистской порчи
срочно вылечить Донбасс!"

Хмуρο водит рысьей бровью.
Взгляд стреляет, словно плеть:
- Благородное сословье
вечно должен уголь греть!

Эскадроны скачут чинно.
В нору скрылся хвост лисы.
Хамовитый казачина
окунает нос в усы:

1-й казак

Это ж надо - босота,
гадская икота!
На хозяев никак
не хочет работать!
Ух и пыхнем -
езде водворим порядочек!
В самом красном гнезде
помнём
ку-ро-па-то-чек!
А потом клинками косы
загребём с башкой и - шашть!
Помнят пусть, молокососы,
нашу истинную власть!

2-й казак

Пыхнуть, пыхнем. Да, брат,
чтоб не пискнуть тоненько,
коль летучий отряд
налетит Пархоменко.
Это бестия такая -
налетит, погонится.
Мал летами вроде,
а, паршивец, в пятом годе
смыкал нашу конницу.
В девятнадцать годков
он пролетарьятом...

1-й казак

Мы таких сосунков!

*(И зашёлся матом.
Дикарем зарычал:
волосатый, страшный.
И совсем одичал,
вспомнив свои пашины.)*

2-й казак

Сосунок, да не плох.
Пану чин по чину
тучность вылечить смог
вилами в бочину.

1-й казак

Слухай, ты, казачок!
Сам краснеешь вроде!
Я тебя, большевичок,
при честном народе
обелю, карапец!..

*Но тут эскадронный
подскочил:*

- Так их мать! Шахтерня бастует!

Каледин

Никого живым не брать-
тюрьмы пусть пустуют!
И у шахт воспаря,
вздув хламьё рубашек,
заиграла заря
на клавишах шашек.

Расплескала каламуть
в бурьянах росистых.
Пулей царскою в грудь
слава коммунистов.
Мёртво стало. Темно.
Но живуче слово:
*"Не наденем ярмо
живодёров снова! "*

Телеграммы

1

*Центральному Исполнительному
Комитету Советов Украины ...
Абсолютно неизбежна гибель всей революции без
быстрой победы в Донбассе...
Всё отложить в сторону, кроме Донбасса.*

Ленин

2

Луганск. Ревкому.

Сыны Красного Луганска, немедленно примите
героические меры для спасения Бассейна.
Срочно противопоставьте чёрной армии капитала -
Красную Армию рабочих!

Ц И К Советов Украины

...Рассекает жёсткий ветер
утреннюю морось.
Над заводом паровозным
стелются гудки.
И под алым стягом,
ряд за рядом строясь,
первыми чеканят
шаг большевики.
Возмужалый, рослый, жаркий
с красным бантом на груди
сам Пархоменко в кожанке
на кауrom впереди.
Люди валят из околиц -
каждый конного узнал.
Он в плечах - молотобоец,
и умом, и статью взял.
Голос громкий и весомый,
зычный. Слово, как наждак:
- Сноп несвязанный - солома!
Ну-к, сомкнём реvbатальоны
в расшибающий кулак!

Черный ус грозовой тьмью
взвихрился былинно.
Конь грызет копытом землю
горячо, картинно.
С рукояткою узорной
ходит сабля:
- Честный люд!
Разве видеть не позорно
над собой буржуев кнут?
В топках стынувших вагранка
без угля броню не льёт.
Стройсь, чтоб царская охранка
не вернулась на завод!
Ну-ка, с песней, трог-гай!

"Ты не стой, Харитина.
в степи при дороге!"

Харитина

Ой, ни что в поле
да не колышется.
Пролетарских коней
топот слышится.
Пусть грозятся грома -
чувствую удачу,
только чой-то сама
вербой гнусь и плачу.

Рабочая гвардия

Для фасона пускай
верба долу гнётся.
Ты не плач, Харитина,
суженый вернётся!
Верь дороге, что течёт
к полю, хлебом сытому.
Верь огню-когда печёт.
Волку верь - убитому!

Площадь вспучилась, вскружилась,
дружно подняла штыки.
На вагоне Ворошилов
окрыляющий полки.
Энергичный, крепко сбитый,
очи воспалённые.
Кулаки в литейном литы,
в ссылках закаленные.

Ворошилов

Славно жилистый класс
гнев пудово двинул.
Будет вольный Донбасс
Октября твердыней!

Бандурист

По-са-дил рабочий класс
репку красную - расти,
репка красная, цвети!

Не дадим тебе пропасть,
репка - праведная власть!
Ты, Пархоменко, берись,
за неё теперь борись!
Чтоб не вырвали её
ни Краснов, ни гетман,
не истыкали копьём -
поднимайсь несметно!

Своры двинулись в поля,
к репке, да к молоденькой.
Вдруг, как треснула земля
и возник -
Пархоменко!
Только меч он свой поднял -
отшатнулись бары.
В страхе брюки потеряв,
бегут, как в угаре.
Голые зады видны,
у кого добыть штаны?
Просят у Антанты
брюки и десанты.

Не дымы дымятся -
броненосцы мчатся,
танки, самолёты,
корпуса пехоты.
- Вот теперь возьмёмся,
с репкою сочтёмся!

А Пархоменко мечом
рубанул налево -
покатились головы
гонористых пэров.
Покатились головы,
зарыдали леди.
Ухойдокал пулею
сам себя Каледин.
Но пошёл в атаки
сброд продажный всякий.
И себе на горе -
атаман Григорьев.

"Лаковые сапоги,
зелёные рейтузы.
Нас попробуй-ка смоги
тронуть, краснопузый!"

А Пархоменко мечом
рубанул направо -
завертелась, как юла,
контриков орава.
Ахнув, шлёпнулся, обмяк
бузотёр пузатый.
Что, дочикался, слизняк,
путаник проклятый!
И смеётся репка,
в почве сидя крепко!

2- мужик

Он на выдумки - здоровый в агитации.
Офицеров объюлил и был таков!
Привязал к рогам коровы прокламации
и турнул её в окопы беляков!

1-мужик

Парень он во всём - душа!
Локон так и вьётся.
У него и госпожа
в шубах не сорвётся!

ИЗМЕНА

Буйному доверившись крылу,
в лозняке зима заворошилась.
Почесалась вьюга о скалу
и разгульным воем разразилась.
Черепицу крыш разволокла.
Горемык оставила без крова.
Особистом циковским вошла
к коменданту города Ростова.

Особист

Вы и есть Пархоменко?

Пархоменко

Я?... Да!

Особист

Под арест немедля, как бандита!
Вы зачем валютчиков казните
и агентов белых - без суда?
Вам снабженцы кланяются в пояс,
вы же их бросаете в тюрьму!
"Генерал Каледин" - бронепоезд-
вновь на рельсы поднят!.. Почему?

*(Кашлянул. Сощурился и пошло-
завизжал)*

Донесят - пил вино!
С женщинами путался, а после
с ними же таскался и Махно!
Высоко зашёл! Луг-ганец... Смел-лый!
Троцкого приказа не признал!
За солдат, перебежавших к белым,
знаю - комиссаров не стрелял!
Хитроум! Прохвост!
За хлеб махновцам
ящики с патронами отдал.
Сколько уложили наших хлопцев
пули те, еще не посчитал?

Ловко разворачивал он фразу,
не слова - узоры хитро вил.
В петли оборачивал и сразу
на глазах таких людей разил!..
Сорняки давали дружно всходы,
где ступал он важною ногой.
Прикрываясь именем народа,
властью упивался и собой.

Пархоменко

Что, махновец я по-твоему?

Особист

Бандит!.

Пархоменко

Изрублю! Эсэр... Иезуит!

Выхватив из ножен шашку, устремляется к наветчику. Красноармеец стремительно заслоняет его своей грудью.

Пархоменко опускает шашку.

Особист

Из-за спины красноармейца

К стенке!

За разбой извольте отвечать!

Пальчиками узкими степенно прилизал надушенную прядь.

Пархоменко

В тюрьме

Заломили. Повязали руки,
гнувшие подкову в колесо.

Участил, напряжил сердца стучи
ржавый, хищно клацнувший засов.

Время подводить борьбы итог.

Завтра жизнь,
как бомбы взрыв, растает.

Кто свой честно выполняет долг,
тот извечно шкурникам мешает.

Различить непросто в ревштрою
иноверцев шустрые портреты.

Присосалась контра к Октябрю,
мертвой хваткой хапнув партбилеты .

Да, стрелял ползучих эмиссаров.

Вместо пуль - всучил Махну дрова.

Смял приказ - и живы комиссары,
значит, революция жива!

Вспомнил путь железный
на Царицын,

караван - до сотни поездов,
в битвах закоржавевшие лица
луганчан, шахтёров...

Всех готов! Всех расцеловать!
Их дух несломный
лился сквозь свинцовую пургу.
В эшелоны весь завод патронный-
погрузив, не отдали врагу.
Вспомнил Кремль.
Как к Ленину прорвался:
"За спиной Царицын. Фронт. Братва!
Прёт беляк! А где ж боеприпасы,
те, что обещала нам Москва?"

*Ленин груз поднял бессонной ночи
и шагнул навстречу:*

"Значит, прёт!
Если вы, дружок, -
простой рабочий,
так за власть стоите - не пройдёт!"

*И рукой на кресло, что помягче,
указал:*

Садитесь здесь.
- А сам
сел на жёстком.
Вы - хозяин, значит,
саботаж чинуш прикончить
Вам!!
Да, прикончить!
С самой зорьки ранней
превращать столикий хлам в золу.
К сожаленью много вскрылось дряни
по стране. Особенно в тылу.
Глубоко, видать, гнойник насилья
скальпель революции вспорол.
Внешний враг - не вся беда России,
внутренний опасен произвол.

Пархоменко
Внутренние гады!.. Но они же
всюду Вашим именем грозят!?

Ленин чуть придвинулся поближе:

"Трусят, значит. А точней - хитрят.
И грозят. И целованьем роют
под зарёю нашей бездну зла.
Мной они не раз ещё прикроют
самые постыдные дела.

Пархоменко

С ними - околеем!

Ленин

Да, непросто
одолеть лжецов и понукал.
Нам нужны уверенная поступь,
неподкупный голос запевал.

Записка

Тов. Пархоменко, тов. Ворошилов послал Петерсу телеграмму с решением Вас освободить из-под ареста. Ставлю Вас в известность, что вчера получено извещение Южфронта о награждении Вас знаком отличия - орденом "Красного Знамени."

С. Орджоникидзе

Вышел из тюрьмы чумной походкой.
Спирт весны обжёт потоком брызг.
На боку скучающе и жёстко
маузер прядал, как будто рысь.
Будто вот-вот ринется он в драку,
чаянья народа отстоять.
Черной бурки взвившийся каракуль
превратился в крыльев благодать.

Рапорт

А. Пархоменко

С. Орджоникидзе

Прошу зачислить меня на должность по Вашему усмотрению, так как в настоящее время я не имею определённых занятий.

Приказ № 47

От 18 апреля 1920 года.

Назначить А. Я. Пархоменко начдивом 14-й
кавдивизии.

С. Орджоникидзе

КАБАК «СЕМЬ ДЕДОВ»

А в Луганске для общений
нет буржуям помещений
в разных кружевах резных.
"Семь дедов"
сойдут для них!
Семь дедов - друзья, что надо!
"Семь дедов" - душа кабак!
Будешь весел до упаду,
лишь в карман попал пятак -
"Семь дедов" спеши проведать.
Сунул в лоб монету деду -
пива кружку наливай!
Хмель шибает через край!

За Успенским
за собором
путь укатан вдоль забора:
прямоком в кабак лежит.
То в него зайдёт мужик,
то эсерик забежит,
то агентик-белячок,
то болтун-меньшевичок -
всем хватает пива, водки.
Все дерут до хрипа глотки:
те - "Трудиться не охота!
Есть сивуха - будем пить!
Буржуазов - на работы!
...или в речке утопить!"
Эти - "Смерть большевикам!"
Третьи - "Червям-кулакам
укорот пора устроить.
По-шакальи пусть завоют!"
- Пролетарская рука,
изувеч-ка слизняка!..

За Успенским за собором
путь укатан вдоль забора.
Заходи - и будь здоров!
Деревянных семь дедов
угостят, как надо.
Хмурый,
как-то дед забрёл с бандурой.
Бандурист, что вьюга бел.
Неспеша на лавку сел.
Тронул струны в изготовку.
Успокоил потасовку.
И по просьбе мужика,
что честил меньшевика,
сказку спел о земляке,
о мече в его руке:

Бандурист

По-са-дил рабочий класс
репку красную - расти,
репка красная, цвети!
Не дадим тебе пропасть,
репка - праведная власть.
Ты, Пархоменко, берись!
За неё теперь борись!
Видишь, вон чинуши
всюду бьют баклуши.
А Пархоменко с коня
спрыгнул. Ярость выгудел.
Разлетелась порохня -
лишь её и видели!
И Краснов заскулил.
А девчата спели
на мосточке у перил,
где черешни спелы:

"Молоточек. Помоги!
Не тупися, шило!
Для Лавруши сапоги
я всю ночь шила."

Кто бурьян в саду полол -
много сору выкинет.
И насквозь проколол
Вóрона Деникина!

Только в ствол подал патрон,
солнцу улыбается.
Глядь, тут Врангель фон-барон
к репке подкрадается.
Чтоб ты скис! И - в зад ему!..
Знай, лазучик, наших!
Утонул барон в Крыму,
солono хлебавши.

Телеграмма

Луганск. Ревкому. Товарищи Донецкие пролетарии!
Всенародное вам спасибо за мужество и уголь,
горящий в топках социализма!
За патроны, которыми вы снабжаете весь Южный
фронт Красной Армии!

Центральный комитет КПб Украины

...А в это время на Висле
над левым крылом Тухачевского
тучи нависли.
День остыл в траве копейкой ржавой.

Пархоменко

Не поможем, значит, предадим!
Клим, давай повернем на Варшаву!..
Сучий потрох, ты ж не контра, Клим!

Ворошилов

Всё темно, как в дуле пистолета:
гарь и пыль, и ночи каламуть.
Я готов, Лавруша, повернуть...
Я готов! Но реввоенсовета -
Троцкий - против!

Пархоменко

Чего? Чести партбилета?!

Ворошилов

Славу Тухачевскому стяжать.
Повернём - прикажет расстрелять!

Пархоменко

Что ж, на звёздах - отблеск эполетов:
Кровь умыла тысячи друзей!
Гибнут люди не за власть Советов,
а за власть удельную князей!?

Ворошилов

Не итожь. Пусть время подытожит.
Панской Польше больше не бывать.
Мать нам революция, но все же
и себя не стоит умалять.

Пархоменко

Клим, ещё успеем дотянуться,
отплатить Пилсудскому-врагу!
В окруженьи части!.. Не пробьются!
Повертай же, контра!

Ворошилов

Не могу!

Пархоменко

Уходит

Гже ж она - заветная граница меж Добром и Злом?..
Скажите, ну!
Долго ещё к солнцу не пробиться праведному
житнему зерну!

Ворошилов

Сам

Жалко. Что дьявол на скакуне.
А вострый, что сабля-вольница.
Чуть передержит себя в огне -
в своих же ножнах и сломится.

МАХНО

Там, где власть,
там нет на свете
бойких дел для мужика!
Мы за вольные Советы
без буржуев и ЧеКа!

Ночь разнуздана и мглиста,
как болото, грязная.
Подмигнула анархисту
девка безобразная:
- Толку мало в их Советах ...
срам, куда ни погляди!
Порасселись в кабинетах,
к ним без стука не входи!
А твоя дала власть волю
любить Колю
и гулять по вечерам.
Ну-ка, батько, чой ты там!?.

А Махно лохмат, как туча.
Самогон в очах дымит.
Пятый день начдив летучий
на плечах его сидит.
С фланга - вял его в болото.
Фронт - клинками раскроил...

Махно

Сорок лучших пулемётов
хапнул, сволочь, как свои.
Ну, Пархоменко! Ну, грак!..
Не житьё, а мука!
Девка, дай сюда первак!
...Вылакала, сука!

*Крикнул: маленький, да юркий.
На сукне чужая кровь.*

Все вокруг меня вы урки!
Вам бы стёкла бардаков
только бить,
да жрать, как панство...

*И понёс. В зрачках огни.
На словах крушить дворянство,
жить желая, как они.*

Марш дорогами глухими!
Мородёрствовать не сметь!
Чтобы выскользнуть сухими -
всем будёновки надеть!
Окрутить их, заморочить!
Как последних, охмурить!
На заре, а, может, ночью
на друг друга натравить!

*Утром - стрельнул из нагана.
Встал. По креслу - кулаком!*

Адьютант, скажи, в капканы
много ль влезло краснюков?

Адьютант

Сам начдив, рога ломая,
впёрся, батько...

Махно

Хлопцы, в бой!
Правда, пусть она - прямая,
но за то ей суд кривой!

...Разом хлынула измена.
Вьюга весь укрыла свет.
Снег рябит от красных лент:
то ли наши, то ли нет.
Голос в наплыве:
- Всех - в капусту!

Пархоменко

Вот вам - хрена!
Прям-мо!

Сшиблись. Гики. Гул.
Конь на кровь уже ступнул.
Свечкой стал. Но прут бандиты!
Восьмеро уже убиты.

Средний слева - пнется вспять.
Вот ещё один струхнул.
Вот и крайнему не встать.

И начдива толстозадый
рубанул дурило сзади.
Эх, кого ты рубанул!
Рубанул кого, скотина?!
Чистый вымутил исток.
Долго будет Украина
в силах чувствовать отток.
Что там "будет" - и сегодня
лишь проявит власть подлец -
и на всю страну заноет
страшной сабли той рубец.

Распоясался. Успехом
кичится стервятник.
И залился грязным смехом
скользкий подсебятник.

Харитина

Командиров пули целят метко.
Вновь за неудачею - успех.
Ты зачем, Сашко, пошёл в разведку?
Вечно было надо больше всех!

Вечно первым в гущи вражьи рвался,
как и саблю - душу наголо.

Изошло рыданием село,
где лежать порубанным остался.
Говорил: "Последний бой и - баста!
Не погибну - славно будем жить!.."

В бой пошли твои, любимый, части,
только мне безудержно тужить.
В самый возраст!..
В маковы годочки -
не укрыла, не уберегла...

Крепнут и растут твои сыночки:
два звоночка, два моих крыла.

Бандурист

Играй, бандура, играй!
Вспоминай красного командира
Александра Пархоменко -
начальника храброго,
бойца и друга.
Вербка выросла там,
где он родился.
Яблоня выросла там,
где пал он от рук бандитов.
Слава народная
вырастет над его могилой!
Играй, бандура, играй!

Ворошилов

И исключая его из списков живых,
вечно храни в бессмертном списке
геройски павших!
Проклятие вам,
убийцы и предатели рабочего класса!
Проклятие и беспощадная месть!

Эпилог

На поверке у чести и правды
с корпусами в едином строю,
точно так, как у древней Непрядвы,
у родимой Лугани стою.
Лозняки раздвигаю густые,
где губами касаясь реки,
пили воду и кони Батя,
и гвардейских частей рысаки.
Где с Патронного
просто и ярко,
с глаз снимая бессонный угар,
умывала лицо пролетарка -
в строгой юбке
гроза-комиссар.

Поправляла косу вороную
и, печалю парней разбитных,
обнимал ей фигуру тугую
верный маузер - первый жених.
Из Лугани моей кони пили.
Парни - шпоры им в рёбра
и - в бой!

...По сражённому у Острой Могилы
чую Родины
острую
боль.

И летящего вижу начдива,
вражью сыть он кроит пополам.
Вздрыблен конь его верный, ретивый,
голос рвётся из прошлого к нам:

Я тебя, словно зная, целую,
мой потомок.
Ты славно живёшь.
Но коль в жизни хоть малость солжёшь -
знай, что ты предаёшь
революцию,
павших всех за неё предаёшь.
Даже если с улыбкою куцей
льстиво глянешь хапуге в лицо,
значит, ты предаёшь
революцию,
кровь святую бесстрашных отцов.
Или слепо, с немим равнодушьем
мимо горя чужого пройдёшь -
помни,
ты предаёшь революцию,
путь в грядущее наш предаёшь!

Мир Октябрьской грозой расколот.
Пролетят эскадром года.
Всё простится:
и голод, и холод,
лишь предательство - нет!
Никогда!

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ СЧАСТЛИВЫХ СЛЕЗ

Поэтическая fuga

ПРЕЛЮДИЯ

Опять весна напомнила нелишне,
свой одевая лиственный наряд,
что два-три дня цвести осталось вишне
и лепестковый выветрится взгляд.
Пожухнет лист под солнышком палящим,
нам говоря, что гибнет не за грош,
что наше счастье только в настоящем,
а прошлое и будущее - ложь!

ПОЦЕЛУЙ-НЕЗАБУДКА

1

Туман поплыл от слезных берегов.
И догорала ночь за далью гулкой.
Свой старый след нашла я в переулке
и ужаснулась, глядя на него.
Он надо мной, несчастною, смеется,
надменный свой выпячивая взгляд.
А счастье рядом
об ухабы бьется,
как новая подкова об асфальт.

2

Вместе с прилетевшей птичьей стаей,
что гнездится в улочках кривых,
чувствую, как в сердце прорастает
чудное растение любви.
И его весеннее дыхание
нежный звук свирели издает.
Но оно без твоего вниманья
вряд ли до цветенья доживет.

Милый мой, будь ласковым и чутким,
принимая дар моей руки.
И не опускайся до рассудка,
чей мороз погубит лепестки ...

3

Набегают в небо тучи.
Ну и пусть! И ничего!
Ведь тебя согреет лучик.
Лучик сердца моего.
И о прошлом не страдая,
в душу брызнет синева -
молодая-молодая,
как апрельская трава.
Птиц весенняя забота
не нарушит нашу тишь.
Пусть иного ты полета,
но в мое гнездо летишь!

4

Заласкай! Словно стерву, побей!
Я не стану ничуть возмущаться.
Я хочу потеряться в тебе,
чтоб с тобою навеки остаться.
Обними! Истуканом не стой!
Сбрось одежды с меня, как заразу!
Словно спичек коробку, раскрой
и в себе всю сожги меня сразу!
И пускай, хоть потоп впереди! -
я усну у тебя на груди!

5

Кажется, что рук отмерзли кисти.
Вся, как лед.
Но вечностью клянусь-
дивные выбрасываю листья,
лишь в твоих объятьях окажусь.
Ничего, что сердце онемело.
Но коль встрече радуемся мы,
значит, все ж я вырваться сумела
из оцепенения зимы.

6

Долго радости запой
длился, не стихая.
То не я была с тобой,
а совсем другая.

В страсть взошла,
как на престол...
Томно смялась челка.
Звонко стукнулась о пол
не моя приколка.
И не я, не я, не я
видела, как взвился
и на краешке окна
месяц прибодрился,
как в листе закат шуршал,
штора покосилась,
и в звезде моя душа
чудно отразилась.

7

Холодный ветер по щекам сечет,
где ты спешишь аллеей многолюдной.
Есть в осени уродливый расчет;
а я хочу с тобой быть безрассудной.
Вот ожиданье изошло на нет.
И очи заслезились не от бед -
от солнышка,
что неисчерпно льется
из твоего сердечного оконца.
Еще ты рядом. Лучик на губе.
А я уже скучаю по тебе.

8

День в узорах солнечных испарин
тихо в тень душистую сошел.
Поцелуй, что вечером подарен,
утром незабудкою расцвел.
Как он откровенен, погляди!
На моей на сахарной груди!
Улыбнись. Замри.
И сладкий-сладкий
аромат любви вдохни украдкой.

9

Ты чувствуешь, как страсть в моей крови
сливается с твоим душевным током,
как нас несет течение любви
к совсем непредсказуемым протокам,
к совсем еще невиданным мирам.
Пуškai несет - не надо весел нам!
Пуškai несет - не надо и причала!
Чем перевозданней путь в Природы храм,
тем наша тайна будет величавей.

10

Пришел. Обезволил. Увел.
И в полузабытом чертоге
бутон невозможный расцвел,
восторженной полный тревоги.
О ужас! О счастье! О страх!
О жгучая жажда желанья!
На лаской разъятых устах
запретной любви полыханье.
Но я ни о чем не жалею,
мне б только с ума не сойти.
Гляжу в твои окна и млею
до кончиков самых груди.
И верю - нам радость рассвета
дана, чтоб цветенье сберечь,
чтоб стало разлук на планете
хоть чуточку меньше, чем встреч.

11

Обуглились мысли, замкнулись...
Отчаянье, словно удав.
Опять мы с тобой разминувшись,
друг к другу на миг опоздав.
И шар головы раскаленный,
от воли уже отлучен.
Я знаю теперь,
что влюбленный
на мук беспредел обречен.

Что радость на мелкие части

трошат бытовщины тиски
и что отравить море счастья
способна и капля тоски.

12

И пусть не все подвластно чудесам,
но где-то есть волшебное словечко...
Не Сатана, а Вседержитель сам
устроил нам укромное местечко,
чтоб не сплетались жадно наши руки,
а сплавливались в страстные узлы,
чтобы друг друга в тягостной разлуке
еще сильней мы чувствовать могли.

13

... И вновь на свиданье пришла.
В объятиях дрожь моя тонет.
И кажется - жизнь хороша,
а сердце и плачет и стонет.
Как будто бы кто-то незримый
толкает на ревности путь.
Любовь дарит крылья, но ими
так трудно бывает взмахнуть.

14

На нас глядит разлука, как праща.
Но, чтобы досадить ей, злополучной,
мы заберемся выше, чем
«прощай!»,
и нам не будет холодно и скучно.
И, бредя новым приступом желанья,
и именем твоим украсив сны,
нанизываем дни на вертел ожиданья -
утратой не обуглятся они.

15

Никогда никому не отдам
тех тропинок, что с небом сливались.
Центр Вселенной находится там,
где впервые с тобой целовались.

16

Себе сказала:
«Прошлое - забудь,
всем сердцем настоящее любя!»

Но в будущее страшно мне взглянуть.
А вдруг, любимый,
нету в нем тебя!

17

Сколько вокруг
Потаенно незримого!
Память, заветные чувства прославь!
Мальвы цветут
Под окном у любимого
И превращают минувшее в явь.
Взять бы, сорвать их
и в вазу поставить
в тихом укромном своем уголке.
Рядом лицо дорогое представить,
в каждом услышать «люблю» лепестке.

Милый, хороший, ну как насладиться
мне чистотой неземных твоих чар?
Каждая жилочка
в сердце лучится
дивной гирляндой бархатных чаш.

Сорван цветок ни один мной не будет -
пусть удивляют, что в май соловьи.
Но я прижму их неистовой к груди,
как поцелуи твои.

18

По саду пуржит лепестковая осыпь.
Куда ни взгляни - зелена так и прут!
Без нас отцвели вдоль аллеи абрикосы,
без нас вот и вишни уже отцветут.
Неужто совсем разминемся с мечтами
и чувства останутся зябнуть в тени?

Июль изогнется на ветках плодами,
но только не нашими будут они.

Не нашими, нет! Но я верю в удачу.
Мы сами с тобой неустанно цветем.
Пусть мир хоть на капельку
станет богаче
от таинства завязи наших плодов.

19

Вспомню все - и сладко мне до крика.
Не могу я новых встреч не ждать.
Прослыла я грешницей великой,
чтобы для тебя святою стать.

20

Поверив в доброту цветов,
всю жизнь за радостью в погоне я.
Вернись в мою судьбу и вновь
забьемся в сладкой мы агонии.
Ни в чем тебя не укорю,
лишь только душу не замызгай.
Когда ты рядом - я в раю,
а лишь уйдешь - в тоске до визга.
Мой к твоему стремится след.
Я - женщина, мне счастья хочется.
Влюбляются не с жиру, нет -
влюбляются от одиночества.

21

А встречам вовек не кончатся,
как месяцу - плыть все и плыть!
Мы будем с тобою встречаться.
Мы будем друг друга любить.
То неукротимы, то скучны,
то в полном безбрежии грез.
Мы будем с тобой неразлучны,
Как крест и распятый Христос.

ВДАЛИ ОТ БРЕДА БЫТИЯ

1

Ветла безмолвна, словно монастырь.
Откос залит пташиной свиристелью.
Где ты идешь - вздыхающий пустырь
восторженно тебе тропинку стелет.

А чернобыльник - с жадностью косит.
И стал буркун до изумленья хрупкий.
Так бесшабашной нежностью грустит,
что, сломанный, цепляется за юбку.

Пустырник к бедрам тянется, любя.
Вьюнок, и тот не прячет откровенность.
Всего минуту не видал тебя,
а убеждает таволгу,
что - вечность!

2

Я путник,
бредущий к твоему поцелую
осенней глухой дорогой.
Долог ли путь мой, не знаю.
Но только б не сбиться с него.
Повсюду ведь царствует мрак,
а солнце улыбки твоей
еще до сих пор не взошло.

3

Как бы ни была жизнь быстротечна -
жутких вмятин судьбы не минешь.
Понимаешь - свиданье не вечно,
только все-таки ты его ждешь.
День проходит тревожно и трудно.
Хоть на сердце сомненья и грусть,
разгребая, как мусорник, будни
все ж до дней золотых доберусь!

4

Я чувствую волос твоих нектар.
О, как давно я им уже дышу!
Ты - ночь моя,
Ты - самый лучший дар,
который я над всем перевозношу!
Хочу тобой наполнить каждый миг.
Хочу такую выразить сердечность,
чтоб ты в волнах тонула уст моих,
а я в тебе постиг бы - бесконечность!

5

В вечерний взгляд, как в царство, уведи!
В мечту неисполнимую былую.
Нарисуй «губнушкой» на груди
сердце
и его я зацелую.
Заласкай меня и зашепчи.
Все души тропиночки изведай,
чтобы искрой радости в ночи
мириады звезд зажглись на небе,
чтоб, какой дорогой ни пойду -
только твой лишь слышался мне голос,
чтоб в эдемском сказочном саду
в трелях птиц плескались мы по пояс!

6

Среди суетной маеты
есть остров, сияющий светом.
Как хочется верить, что ты
подумала тоже об этом.
Ты - остров. Я - остров. Молва
на нас не накличет проказы.
Ведь наши с тобой острова
людскому невидимы глазу.
Что молотом - пульс у виска.
Но как бы там ни было туго,
коль смертною станет тоска -
они доползут друг до друга!

7

Ведь об одном мечтаем я и ты.
И праздники нам кажутся ненастьем,
коль даже дольку крохотного счастья
не в силах мы урвать у суеты.
И что ни шаг, то новые преграды.
На всем!.. На всем молчания печать!
И только зачарованные взгляды
никто у нас не в силах отобрать!

8

Займищ витой окаем.
В ландыши жажда упасть.
В шепоте гибких ветвей
я зачарован стою.
Скована в теле твоём
зрелая женская страсть.
Верь, я любовью своей
цепи ее разобью.
Треск молодого костра.
Искра игриво взвилась
и над каймою бугра
с нашей звездой слилась.

9

Пусть соблазн навстречу чувствам катит.
От него не волен я свернуть.
Чтобы крыльев крепость не утратить,
выбираю буреломный путь.
Вся ты в чарах, будто бы в поверьях.
И совсем смущен я от того,
что не в силах выдержать доверья
ласкового взгляда твоего.
Не с того ли
с пролеска приветом
нам весны понятней благодать?
Не с того ли любит против ветра
птица настоящая летать!

10

Нежна. Беспредельно нежна.
Застыли на лунной полоске.
И падает свет из окна,
дробясь на отстволье березки.
Туманы стоят в стороне,
как лошади, - чуткой стеною.
И ты улыбаешься мне
и кажешься с детства родною.

11

А жизнь - подобна играм мотылька.
В какой бы ни порхали мы сторонке -
виднее нам всегда издалека,
где рай цветка,
а где сачка воронка.
Постигнем ли когда-нибудь секрет -
слиянья граней тонкую науку...
Ведь не спасает Бог от сонма бед,
а лишь свою протягивает руку.

12

Страсть сожгла отчужденья между.
Не стыдись, обнажаются ивы.
Я под их колыханьем, счастливый,
тишину твоих губ разбужу.
Разгону над тобой облака.

И в тебе, как в бутоне цветка,
утону, заколдованный жаром,
сладким-сладким упившись нектаром.
Пусть скипятся сердца во хмелю!
Так вспарим за небесные скалы,
что и чудное слово «люблю!»
нам ничтожно покажется малым.

13

О, как ты покорно тиха!
Но разве мы грешные оба?
Ведь радость не знает греха,
когда не питается злобой.
По всем бездорожьям блуждал.

Тиранил будяк меня лютой.
О, как я мучительно ждал
вот этой заветной минуты!
Уста ароматно бледны.
Волос непокорные злаки...
И груди - две дивных луны,
мерцают в мистическом мраке.

14

Вскипает в чайнике вода
и остывает в мире тленном.
Ты, как полночная звезда,
явилась в блеске неизменном,
чтоб я от радости был пьян
и, чтоб познав изнеможенье,
сиял, как сорванный стоп-кран,
застопорив в тоску движенье.

15

Еще!.. Еще меня ласкай!
Дрожишь, как летний шепот сада.
Любовь, меня не отпускай
от губ ее, и рук, и взгляда.
С ковра - рысак бежит по стенке.
И ты, поверий не тая,
такие даришь мне оттенки!..
Вдали от бреда бытия.

16

Луна полна сиянья тишины.
А рядом твой скользящий свет дыханья.
О, как боюсь я выглядеть смешным
в своем очаровательном страданье!
Касаюсь очертанья твоего...
Как полночь юга, вздрагивает кожа,
что на зарю жасминную похожа.
Улыбка - берег озера нагой.
И, как полет,
в едином светлом мраке
томленье звезд и уст твоих черта.
Созвездья даже рушатся, как замки,
и только ты и вечна, и свята!

17

Живу в преображении великом.
Мне осенью соловушка затренькал.
Во мне смешались
дикой вишни терпкость
и сладость, нестерпимая до крика,
что в райском уголке ты исторгала,
где стопка книг и стол без покрывала,
и стоптанные тапочки, и стул.
Он сломанною спинкою прильнул
к тахте
и вороху одежды нашей рад.
Где глазки... Глазки выводка котят
на нас с наивной шалостью глядят.

18

Без ласк твоих могу я омертветь, -
ты мне бросаешь зло и откровенно, -
из рук моих
возьми скорее плеть
и властвуй надо мною беспредельно!
Я на ногах не в силах устоять.
Я так с тобою быть хочу, любимый!
О, что за плечи!.. Боже, что за взгляд!
Он до безумья делает счастливой.

А я стою, сдержать не в силах стоны,
который только Бог познал в веках.
И от любви в ушах так много звона,
что весь я превращаюсь
в крыльев взмах.

19

И подголоски, и колокола
разносят хриплый ропот за излуку,
мол, лишь любовь в цветение вошла,
а ты уже оплакала разлуку.

Не плачь! Не плачь! Целуй погорячей!
Тебе вручен я, как огонь свече.

Я потому улыбчив, что есть ты -
мой посох и сияние мечты.

Чтоб дольше оставалась нежна,
и розе туча временно нужна.
Разлука пусть не кажется недугом.
Мы ближе в одиночестве друг к другу.

20

Как будто, во всем убедила,
Ушел. Попрощался не зло.
Грозу от любви отвратила.
Поверил. Опять пронесло.
С сирени синица спорхнула.
И сумрачный день потеплел.
Ты думаешь, что обманула?
Он просто тебя пожалел.
Он знает, ступив осторожно
в волшебнейших чувств благодать -
любовь обмануть невозможно,
а можно ее потерять.

21

Подернулся закат прохладой молодою.
От резвости твоей
мечтательней пространство.
Ты мною дорожишь,
но кажется порою,
что в верности твоей
сквозит непостоянство.
В дремоту тишина окутывает местность.
И всюду смех сверчков,
что треск в степи огня.
И радостно смотреть мне
на твое кокетство,
ведь в шалости ты вся
лишь только и моя.

22

А за окном дома видны,
как будто шахматные клетки.

Тоскует вечер без луны,
как плод оторванный - без ветки.
И ветреность безмолвных слов
напоена мечты дыханьем.
Из слез выпаривает соль
мороз над яблонь колыханьем.
И синевою, как росток,
родник под горкою лучится.
На месте, где алеет восток, -
ветлы обугленная птица.
И потемневший окаем
напоминает нам с тобою,
что растворимся завтра в нем,
разорванные суетою.

23

И снова улетает стая птиц
непостижимым таинствам навстречу.
Вот так любовь - не ведает границ.
Мы лишь ее полетом душу лечим.
Пусть поселились в замке на песке -
в нем так отраднo нам с тобой живется!
Волна сметет и скатится к реке,
а замок в сердце Храмом остается.

24

Бурно, откровенно и всерьез
разгорались взглядов наших свечи.
Ожерелье из счастливых слез
на твоей груди рассыпал вечер.
И восторг деля лучей обвалом,
верим вновь хорошему всему.
Если б счастье не существовало,
люди не стремились бы к нему!

25

А все ведь так произошло,
как зацветает в осень вишня.

Таким созвездием прожгло,
что я воскрес из пепелища.
Из сердца выжал порчу всю.
И пусть зима сечет осокой -
сухая ягода в лесу
вновь заалела злачным соком!

26

Скоро вот и к нам нагрянут вьюги.
Никому от них не ускользнуть.
Я хочу, чтоб мы, живя друг в друге,
возвышали жизненный наш путь,
чтобы каждый шаг,
как дождик летом,
оставлял лишь добрые дела
и судьба не омутного цвета,
а как чары глаз твои была.

27

Все на круги своя возвращается пусть!
Пережив унижения зимнего гнуса,
потому ты зацвел, можжевельника куст,
что весеннее солнце тебе улыбнулось,
И терпению бывает конец и предел.
Весь опухший от острых змеиных укусов,
потому я ослепнуть от зла не сумел,
что душою к твоей красоте прикоснулся.
И заботливый в сердце разлился уют,
переполнив победным меня откровеньем.
О любимая женщина, ты - абсолют,
поднимающий мир до вершин вдохновенья!

К О Д А

(Заключительная мысль)

Она

Любимый,
ты отнял все мысли.
И день без тебя, как год.

Мне словно ДОРОГА ЖИЗНИ,
тропа,
что к тебе ведет.

Он

Для меня ты терпением стала,
утешеньем в мятежной судьбе.
Сколько раз я угрюмый, усталый,
оживал, благодарный тебе!
И коленей касался рукою
весь, как будто в горячечном сне.
До сих пор дышит небо тобою
там, где ты торопилась ко мне.
И порою, когда одиноко,
когда сердце не может без слез,
все ищу я в подушке глубокой
водопад твоих дивных волос.

1997г.

ВСТРЕЧИ КОЛДОВСТВО

Поэма из триптихов

ТРИПТИХ - 1

1

Мчит автобус, аж дух захватило!
И приветствует - сердце, не ум,
в предвечерних туманах светило,
твои руки, и губы, и шум.
Как же?.. Как же?.. Что всё это значит?
Жизнь ещё одну расстань прошла.
И знакомимся мы на удачу
и снимаем с души удила.
И летим. А дорога опасно
виражами грозит впереди.
Я люблю тебя звонко и страстно,
с запредельной мечтою в груди.
Мы летим. И, загадочно свесясь,
верят вербы с притоками рек
только в то,
что пред молнией месяц
на колени не встанет вовек!

2

Завидной встречи колдовство
на берег нас вело безлюдный.
Я помню более всего
весь в томной неге взгляд твой чудный.
И шёпот, как листвы с дождём,
и доверительный, и скромный:
Я не привыкла к Вам ещё,
Но Вы уже такой родной мне!..

Коснулись солнечных лучей
ресницы в молодость длиною.
И глубина твоих очей
слилась с небесной глубиною.

3

Свиданья часы коротки.
Ну вот и пора расставаться.
Как хочется выть от тоски,
щекою к щеке прижиматься.
Найдётся немало причин,
чтоб всё прекратилось прощаньем.
Так лучше давай помолчим.
И нищий богат обещаньем.
И вместе постигнем без слов,
что этот, манящий до дрожи,
картаважный крик поездов
с моею картавинкой схожий.
И пусть хоть под маревом мглы,
коль годы не время итожить,
я верю, что встретимся мы,
что чувства тоска не изложет.

Ведь лёгкою дымкой паря,
для нас расцветает петуния.
И месяц ущербный не зря
стремится достичь полнолуния.

ТРИПТИХ - 2

1

Тебя не достиг мой звонок.
И света не стало в оконце.
Брожу. До того одинок,
что, кажется, грудь разорвётся.

Ладони мертвеют. Ну вот!..
Пора уже петь аллилуйя.
Но, может, и это пройдёт,
как след твоего поцелуя.

2

О, как беспредельно чиста!
Откуда такая явилась?
Не губы твои, а уста
лишь раз целовать мне случилось.
Но счастлив я, помня тот миг.
И пусть ничего не свершилось -
от губ моих скромных, земных
твоя голова закружилась.

3

Закрою глаза - ты стоишь
на жарком перроне и древнем.
Скользит драгоценное время
лучами закатными с крыш.

Всё будет не так, как у всех...
А холод дрожит за спиною.
И машешь, и машешь во след
рукой,
зацелованной мною.

ТРИПТИХ - 3

1

Плывут без дождей облака.
Жарою отравлена местность.
И нет ни письма, ни звонка.
Молчанье таит неизвестность.

А мысли стремятся вперёд -
за жёсткую грань окруженья.
Постигнет ли сердце полёт,
земное сломив притяженье?

Живу, словно сам я не свой,
с сомнения силой большою.
А где-то блуждает письмо,
как я, с нераскрытой душою.

2

Зобник синее в стерне.
Вспомнились вновь твои руки.
Если не встретишься мне,
я одичаю от скуки.

Вечера сушь. Высота
дарит иллюзий награды.
Вечно стремимся туда,
где тяжелее преграды.

3

Приснилась!
Как мало для счастья надо.
О сколько живительных сил в словах!
И так мне легко, беззаботно стало,
как будто детство моё примчало
на загорелых кривых ногах.
Приснилась!
Как будто голубки стон...
Не сердце - терзаний глыба!
Месяц запутался в тюле штор,
что яркой окраски рыба.
А за домами - закат сожгли,
похожий на белую ткань распила.
Не стало солнца,
но звёзды взошли,
когда на порог ступила.
Ступила уверенно. Твёрдо. Смело.
Как будто из глубы былых веков.
И в бездну ночную тоска осела
и скрылась за скалами облаков.

ТРИПТИХ - 4

1

Ну, где же ты, мой милый?
Волнуешь образ чей?
Тоскую я всё леточко.
Печалюсь каждый день.

Я вся, как будто веточка,
запрятанная в тень.

Всё жду тепла и радости.
Очнуться дай от сна.
Нет в мире большей сладости,
чем пить тебя до дна.

Единственный на свете,
скорее отвечай!
А если не ответишь -
от мук не отлучай.

Засыплет осень листьями
след крепких твоих ног,
и я познаю истину,
что ты - мой ангел! Бог!

2

Между нами, как стена глухая,
тяжесть расстоянья. Палит зной.
Вот и я совсем пересыхаю,
ничего не зная, что с тобой.

Неужели, милый, неужели
это шутка? Так скажи, зачем
из одной салат мы миски ели,
свет надежды лился из очей?

Может, сам ты ходишь туча-тучей,
по теченью не желая плыть...
Разбудил вулкан во мне могучий
и теперь не знаешь, как с ним быть.

Неужели в даях затерялись...
Не причалят наши корабли?
Целоваться ох как целовались,
а понять друг друга не смогли.

3

Нет вестей. И слов не надо.

Понимаю - не вернёшься.
И далёким долгим взглядом
ты навеки расстайшься.

И от слёз разбухнут веки.
Закружусь в плену раздумий.
Как непросто человеку
удержаться от безумий.

ТРИПТИХ - 5

1

Почему,
никак не дам ответа,
вся в тисках тоски проходит жизнь?
Под бурным чувством,
как под встречным ветром,
моя прогнулась память и дрожит.
И ни во что душа уже не верит.
И ни хвалы не ждёт и ни хулы.
Волною вечер выброшен на берег,
как беспризорник,
бродит у скалы.

2

Мне всё равно, ты любишь или нет,
живёшь ли мной
иль предала забвенью.
Но ты мне даришь чудо вдохновенья,
приоткрывая таинства секрет.
И не хочу, чтобы была пуста мне.
Иначе я ... Не обронив ни слова,
весь напрягусь и вместе с проводами
из сердца вырву номер телефона!

Пусть разлетятся искры, словно грязь,
с минувшей жизнью обрывая связь!

3

Приоткрыв
своей души оконце,
тех, кто любит нас,
нам видеть - лень.
Так в природе -
тянется всё к солнцу,
а само отбрасывает тень.

ТРИПТИХ - 6

1

Ну вот!.. Наконец-то! Ура! Звонок!
И радость связала обрывки фраз:
- Любимый, я не хочу, чтоб ты был одинок,
одинок, как я без тебя сейчас.

Любимый,
дорога по грани вьётся...
А след, как узор разлук.
И сердце к тебе так рвётся! -
опережает стук.

2

В излучке век твоих - персидский небосвод.
В изломе губ - татарская гордыня.
А в сердце поселилась Украина,
в которой с детства милый твой живёт.

Я не могу! Ты до того красива -
сравнить и с югом даже не берусь.
Казачки стан и дух не износила
и всю непредсказуемую Русь!

3

По стремени лодка плыла,
за ивы укрыться намерясь.

О, как ты божественно шла,
великому чувству доверясь!

Груди колыхнувшейся знак
прикрылся закатинкой света.
Казалось мне - выстрелил танк
салютом тебе
с постамента.
Я б взгляда без тёмных очков
не выдержал глаз твоих южных.
И выщелк простых каблучков
казался дороже жемчужных.
О, кроткий запальчивый миг!
О, ждущие нежности руки!..
Я б это вовек не постиг,
когда бы не тяжесть разлуки!

ТРИПТИХ - 7

1

А счастье - не обуздаешь.
Лукаво оно, как чёрт.
Где меньше всего ожидаешь,
туда оно и придёт.

2

А счастье - оно как вечность,
улыбка в твоих глазах.
Такая в нём бесконечность,
которой постичь нельзя!

3

А счастье - всегда тревога.
Волнение - каждый миг.
Такая к нему дорога,
что только лишь я постиг.

ЭПИЛОГ

Хоть, судьба, ты держишь
в чёрном теле
страсть мою - крутую, как стезя,
нет, не всё большое проглядели
полные любви мои глаза.

И не весь ещё я грустью занят.
Как не весь постигнут жизни рай.
Снова мы прощаемся до завтра.
Цокает колёсами трамвай.

Многое смешно и непонятно.
Святость пусть порой низводят в грех.
Только мне безудержно приятно
слышать вновь бубенчатый твой смех.

И покуда руки не остыли -
в чувственной пусть плещутся росе.
Если б люди жизнь не торопили,
скука бы заела их совсем.

Пусть на самом краешке предела
бьётся мысль: - Ну, что нас ждёт ещё? -
Кто-то ищет свет в конце тоннеля.
Я же - рядом вижу... хорошо!

Он из сердца твоего струится -
дорогой и вечный, как мечта.
Он - в твоих распахнутых ресницах
и в антично-сахарных устах.

Что прекрасно, то всегда мгновенно.
Лишь твой свет... - он не доступен мгле.
Светит так,
чтоб целою Вселенной
здесь меня оставить - на Земле!

1993 г.

Быть может, потому,
чтобы на столетья отразиться
в млечных звездах
чувству моему.

4

Я убедить ни в чем тебя не смог.
Но трепет все ж
пробился из-под меха,
как долгожданный
самый первый вздох
земли,
освободившейся от снега,
как в лозняке - подснежник голубой,
на нас взглянувший
искренне и мило.
Смогу ли стать
и я таким с тобой,
чтобы - пускай и поздней весной
ты лепестки души своей раскрыла?

5

Скупых надежд
опущены поводья.
Обидное молчание кругом.
Я ожидал...
Я верил в половодье.
Но все ж не вышла ты
из берегов.
Среди прогалин снежного настила
грустит сапожек милых бирюза.
На половодье
чувств твоих хватило,
когда б взглянула ты
в мои глаза.

6

За суетою - жизнь не прогляди.
- Не прогляжу! -
спокойно изрекаешь.

Вселенная скрывается в груди,
познай себя - меня тогда познаешь.

Уста к устам рванулись недвижимо.
Вот-вот и станет ясно все. Но ты,
как горизонт-беглец, непостижима:
иду к тебе и не могу дойти.

7

Этот взгляд обжигающий
явно был лишней,
как последняя стопка
на долгом пиру.
Эти губы влекут,
словно ягоды вишни,
что раскидистой кроной
пришлась ко двору.
Стопка выпита залпом.
Заедена ягодой терпкой.
Но до одури трезв я.
Ты рядом, а так далека!..
Между нами - столы
и напиток ознобисто
крепкий
и на скатерти чьи-то
громоздкие
два кулака.

8

Со мною не вся ведь еще ты.
Не вся, как у солнца весна.
Не строил я жизнь по расчету,
желаниям меры не знал.
При всех обниму тебя крепко.
Как вьон молодой оплету...
Не будешь надломленной веткой,
надломленной веткой
в цвету.

9

Я тебя в себе копил,
наливался каждой долькой.

Отстрани - время есть впереди!
Ну а если уж пить начала -
пей взахлеб
и на дно не гляди.
Пусть немеет от нежности грудь.
Пей назло вездесущим упрекам.
Что иссякнет - не бойся ничуть.
Бойся мимо пролить
ненароком.

13

Тихо тени тебя обнимали.
Колыхаясь,
пьянили всерьез.
А на серьгах
по белой эмали -
голубое томление роз.
Чародейная кроткая сила...
Жажду нежности в ней утолю.
Ты меня отрешенно спросила:
- Не боишься ли слова "люблю"?
- Не боюсь ли?
А я и не знаю
Я не знаю - не стану скрывать.
Но боюсь, понимаешь, родная,
я глаза от тебя оторвать.

14

В окно глядится вечера осколок.
Вот и его почти смахнула тьма.

- Усни родной...
ты спящий - как ребенок! -
истомно шепчешь рядом,
а сама
ладонью мне лицо ласкаешь, тая,
от внутреннего света - золотая.
А я не сплю.
Щекой твою ладонь
в себя вбираю: кроткую, земную.
Я линию судьбы на ней целую,
дарящую святительский огонь.

Упала ночь.
- Пусти! Я обрекаю
себя на муки тяжкие с тобой...
- Побудь еще!.. - И краску губ глотаю.
- Я не вольна... Пусти!.. Пора домой.
- Ну что ж - лети!
- На волю отпускаю.
А ты смежаешь крылья предо мной.

15

Подарю не розы и не лютики
белых одуванчиков букет,
чтобы ты пустила парашютики
наших чувств
в рябиновый рассвет.
Чтобы вновь нахлынувшей весной
солнышками
наперегонки
вспыхнули они,
чтоб мы с тобою
не расстались, судьбам вопреки.
Видишь,
птицы замерли в аллее.
Слышишь,
мчится яром ветра гул.
Принимай же мой букет скорее!
Дунь,
покуда ветер не подул!

16

Город спящий. Тропинка в ухабах.
Тишины беспокойная власть.
Лебеды ненавязный запах,
и в себе подавляющий страсть.
От людей ты устала скрываться.
Вся с любовью в душе, как с бедой.
Через годы ведь будешь смеяться
над казнящей себя
лебедой,
над собой - растревоженной птахой,
что боялась и шторы окна.

19

По трапу ступаешь.
- Пока! -
- Тоска в молчаливом вопросе...
Я знаю, не будет звонка
ни ныне, ни завтра, ни после.
Да много ли проку в словах!
Остынув,
растают в два счета,
как в плотных воздушных слоях
клубящийся
след
самолета.

20

Расстоянием
меня не остудишь.
Возраст - к зрелым
шагнул летам.
Даже если
под звездами будешь -
отыщу я тебя и там!

21

Уже в облаках не витаю.
Душою растрочен и пуст.
Я чувствую, что отцветаю,
как этот калиновый куст.
Глядит на него белоснежно,
плоды зарождающий сад.
И все это так неизбежно,
как мой потухающий взгляд.
Как этот дымок понизовый,
дыханьем согретый цветы,
похожий на шарф невесомый
моей отлетевшей мечты.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Блеск окна,
как блеск очей больного:
отрешенный, выпитый, нагой.
Наглухо закрыта дверь балкона,
ты уже не выйдешь на него.

Виноградом витый-перевитый,
осиян тобою он еще.
Гладкими перилами обитый,
шепотом герани окружен.

Дни проходят быстро, неминуче.
Не для нас балкон блестит, слепя.
Но не знал я счастья в жизни лучше,
чем встречать зовущую тебя.

Милая, за все, чем погрешимы,
за печаль и тайную зарю...
через что вдвоем с тобой прошли мы,
тихое - спасибо! - говорю.

1988 г.

РАСЩЕПЛЕНИЕ ВЕКА

Фарс времен перестройки и переходного периода
к «светлому» будущему.

Отате-то на сім світі/
Роблять людям люде!
Того в'яжуть, того ріжуть,
Той сам себе губить.

Т.Шевченко

ЧАСТЬ 1

Как бы нибудь, лише бы не
по-старому. Ох, собаки!
Чем вам старина та
помешала? Разве то тяжело,
что блудить не велят?..

Протопоп Аввакум.

Автор

Я почкой зеленой себя взрываю.
Я к новым понятиям в жизни рвусь.
Но в сердце моем,
как в полночном трамвае,
морозно и пусто,
и женская грусть.
Вползают в мои воспаленные уши
то ругань, то вязкий елейный мед.
И рокот толкучек удавкою душит,
падучая митингов подло трясет.
Все черство и призрачно. Стыну, как лавка
в осеннем саду, в стороне от любви.
И очередей огрубевшая ляжка
мне плечи растерла до самой крови.
И дождь о стекло,
словно грязи куски,
шлепает серо и так убого.
Из штопора выйду ль тоски
душевного едкого смога?

*На передней площадке трамвая
стоят двое рабочих и разговаривают:*

1-й рабочий

Дождь кислый,
хромой, как калека,
поля отравил на века.
Болтается жизнь человека,
подобно двери без замка.
Затюкали нас дурагоны.
Считаем, что мы - короли,
и пашем, а воры в законе -
начальство - считают рубли.

2-й рабочий

Бушуем с нужды или с жиру?
Меняем, считай, с кондачка,
кто славу,
кто честь,
кто квартиру,
кто лучшего в мире дружка.
А время не стало устойчивей.
Но стал понахрапистей блат,
остистой хребет у рабочего,
мощней захребетника зад.

1-й рабочий

Деньжата пошли дармовые,
обсосок - уже коммерсант.
Рука так и тянется дать чаевые,
а раньше тянулась бы в морду дать.

2-й рабочий

В приемной не зря ветеран кричал,
с войны сохранивший честь:
- Солдатской вдове - нет кирпича,
а секретарше - есть!

1-й рабочий

По паркам тюльпаны цвести устали.

Представляешь,
какой-то сановный сброд
из радиоактивной смертельной стали
игрушки детям делать заставил,
смердом дышать народ.

2-й рабочий

Оно и нам вклеить оплеуху нужно.
Вот пришла рекламация из коксового завода:
«В ваших вагонах угля не обнаружено -
одна порода».

1-й рабочий

Да, на работе ты не гость -
утащи хотя бы гвоздь.

2-й рабочий

Слава Богу, период гласности!
Читай: «Памятка алкашу по технике безопасности!»

1-й рабочий

Да что ты!

2-й рабочий

«Проверь исправность стакана
перед началом работы!»

Ослабла закона подпруга.
Двадцатый умаялся век.
Кто раньше считался хапугой -
предприимчивый стал человек

*На следующей остановке в трамвай вошли две
торговки.
К двери кто-то ловкий прилепил объявление такое:
«Меняю пять лет перестройки на один год застоя!»*

1-я торговка

Ох, и муж у меня -
ангел сизокрыленький!
Нынче пьет, завтра бьет,
послезавтра - миленький,
щи попросит пожирней
и любви потесней.

2-я торговка

А у меня мужа нет,
живу лишь клубникою.
С ней и радуюсь вполне,
с ней на горе мыкаю.

Рассказывает:

Ведь клубника-то, не рябинка.
С нею мне завсегда везло.
Продавала ее на рынке
по шестнадцать рублей кило.
Покупали! Куда им деться,
если запах -
хмельней вина!
Выше всякого чудодействия
организм очищает она.
Эй, касатик! Бери руками!
Попробуй!
Видишь, не зря цвела.
Под высокими парниками
не напрасно ждала тепла.
Даже дети не подкачали -
в воспитаньи явили прыть.
На вопрос:
Кем хотите быть? -
всею школою отвечали:
На усадьбах клубничку растить! -
Не спала, поливала ночки.
Урожаи снимала - ух!

Отягченные золотом мочки
Приглушили бдительный слух.

Эх, клубничка! Ты - не малина.
Что поделаешь, так пришлось:
полюбила я гражданина -
городской - оторви да брось.
Легковуху ему достала.
Жигулистый мой стал Иван.
Это после я разгадала:
в душу вился,
а лез в карман.
Это после наружу всплыли
страсти всех винтов и пружин.

Раньше девки
поэтов любили,
а сегодня - владельцев машин.

Плут Иван, да и я не промах -
от себя отвела беду.
Не обижена. Денег - прорва!
Где посеешь - везде взойду

Укатила.
Взошла - волною.
С морячком в номерах была.
Неразбавленное водою
пиво по кабакам пила.
Морячок был веселый малый,
только тоже сбежал к другой.

Я считала: моряк - бывалый!
Оказался - береговой.

*На улице Хлебной в трамвай валилась подгулявшая
блатная «мафия». У девах от румян не узнать лица
И бывший афганец, культяшкой взмахивая,
«душманшей» ее обозвал в сердцах.*

Друг афганца заиграл на гитаре, а тот запел:

В пыли ущелье, как в пурге -
кишлак в дыму пожарища.
Пишу письмо на сапоге
убитого товарища.
А пулемет скалу крошит.
Он ищет наши души.
И ротному от анаши
волчица воев в уши.
В любой момент могу я пасть
и заслужить награду.
Но орден мой штабист продаст
какому-нибудь гаду.

*Крещеный в атаках, свинцом мудоханый, кричит он,
подпивший, упрямый, злой:*

Пропахла Хлебная улица кофием,
Кофейная улица - коноплей!

*На Кофейной в трамвай вскакивает студент
с транспарантом в руке. Он только что с митинга.
На транспаранте написано:*

- Товарищи! Спасем Козодоева-демократа от
партократа!
Горбачева Мишу - На Север, в лес,
А партаппарат - на Чернобыльскую АЭС!

*Блатной выбрасывает за шиворот студента
вон из салона.*

Блатной
Дурак!

Студент
А че?

Блатной
Куй железо, пока Горбачев!

Студент

Кричит вслед уходящему трамваю:

Потому и правят бал
олухов избранцы.
Раньше сильный выживал,
а теперь - мерзавцы!
Товарищи, выберем в депутаты Козодоева!
Он - молодец! Против мафии борец!

Старичок (*покачивая головой*)

Ай-яй-я! Вот, выписался из больницы.
До чего ж гадко!

Обращаясь к рабочему

Слышь, сынок, отгадай загадку
Ходит коридором,
как персидский кот.
Перед ним профессор
поклоны кладет.
Ходит, а глазенки -
истые шпуры!
Ему и палата возле медсестры.
Телик, холодильник,
икра с балыком.
Ему и лекарства
держат под замком.
Ему и под попу
фирмовую грелку.
Ему манной каши
полную тарелку.
Его одноразовым
потчуют шприцом.
Его называют люди -
подлецом!
Его сторонятся в холле,
как заразы.
Кто он?

1-й рабочий

Важный «дядя»
из солидной базы!

Старичок

А в палате общей,
что к мочной впритык,
с порванной уретрой
под Орлом, на фронте:
- Душу обезболите! -
молит фронтовик.

Блатной

Да-а, скверно сидим, ребята!
А почему плохо лечат
того солдата?

Депутат

Экономика виновата!

Военный в штатском

Ну да! Подросток убил
за червонец
старуху ломиком,
кто виноват экономика!

Депутат

А как иначе?
Дефицит товаров порождает
дефицит человеческих качеств.

Военный в штатском

Угнали в Турцию самолет уголовники,
кто виноват - экономика!
Об удовольствиях жизни кричим толково,
а о культуре - ни слова!

Проходимец

Сами собой не рождаются злочины.
Просто на трассе к коммунизму
хватили лишку обочины.

Депутат

И занесло.

Развал экономики - вот где зло!

*Отворачиваясь от проходимца,
обнимает торговку за талию:*

Согласны со мной, не так ли?

1-я торговка

Я - согласна. Но только не обмани!

У меня на вас, паразитов, пролетарский нюх.

У меня так - сначала накорми,
а потом запрягай в плуг.

2-я торговка (рабочему)

Краски наладит на рожу.

Привередлива с лихвой.

Если даже муж хороший,
все равно - плохой.

1-й рабочий

Вот, выбился в люди и стал чужой.

В кожанке ходит. Мыслитель крупный!

Буквально вчера еще был живой,
сегодня уже - недоступный.

Проходимец

Лучше слыть, чем быть в опале.

Лучше лгать, чем жить в пыли.

Нас толкнули - мы упали.

Нас подняли - мы пошли!

Друг афганца, заглушая гомон, запел:

Я опять «закосил», загулял.

Станок мой стоит и ржавеет.

Я последние брюки сменял
на вино,

лишь оно меня греет.

Пусть посмешищем стал для людей,

опрокинутый в праведном деле -
от измены слабей и слабей
бьется сердце в хиреющем теле.
Но кричу я стране: -
Подожди! Я не весь алкоголю отдался!
Это я провожаю дожди,
от обиды большой разгулялся.

Проходимец

Назовут ли опять молодцом,
снова ль будешь в цене и в почете?..
А пока похмелись-ка винцом,
если нету успеха в работе.

Пассажиры восторженно хлопают в ладоши

Торговка

Сегодня у нас на все овации.
До чего дошли!
Выступая во Франции,
наши рок-птицы
показали публике свои ягодицы!

Старичок

Всегда спешим, чтоб только вызвать зависть,
неукротимой дикости холопы.
И норовим блеснуть, хоть голым задом,
хоть голым,
но зато на всю Европу

К гитаристу, выкаблучиваясь, подкатывает деваха

Когда я любила Леню,
то конфетки ела вволю.
А сегодня люблю Мишу
и конфет уже не вижу.

Блатной

Эх, если б не было трубы,
не было б и сажки.
Если б не было гульбы,
не было б и кражи.

Экстремист

Нам не надо колбасы.
Нам не надо масла.
Только б Ленина звезда
всегда сияла красно!

Блатной

Хватит! Были мы дружны жили,
словно в логове!

Проходимец

Нам законы не нужны!

Финансист

Кроме как - налоговые!

Военный в штатском (*священнику*)

Иронизирует.
Под цоколь веры всовывает тол.
Ишь, как пылинки с капсуля сметает!
Глаза круглы, как будто «круглый стол»,
министры за которым заседают.
Лица непостижимый овал,
не потому ли - первый в хищной стае?
Он с пьедестала Сталина свергал,
а ныне - всех, кто красть ему мешают.
Ишь, свысока взирает на низы!
Попробуй тронь - всегда на равных с веком!
Хоть мудрый, математики азы
он постигал, расстреливая зеков.
Чуть где толпа - он тут же супротив
тех, кто играть решил с народом в прятки.
А сам внедрился в кооператив
и газводою отмывает взятки.
Ему - валюта, девственные груди,
и донорская кровь,
и даже шутки,
что выдают престижнейшие люди:
фарцовщики, воры и проститутки.
Кто были правы - стали виноваты
И только он один всегда герой.

Его речей крюкастые канаты
уже народу впились под ребро.

Священник (*перекрестившись*)

Мыслей теряется стройность.
Вечно кому-то служи.
Боже, возьми мою совесть,
лютую наглость вложи!
Чтобы словами облыжными
ложь самую побороть,
чтобы глазами бесстыжими
к правде дорогу вспороть.
Боже, воздай по заслугам!
Судят все те же уста,
нет, не Варавву-бандюгу,
а Иисуса Христа!

Националист

Правильно судят! Христос - еврей!
По-коммуняческому мыслишь, узко.
Отечество не пирог-гостинец.
Если ты настоящий украинец -
убей хоть одного русского!

2-й рабочий (*националисту*)

Только кровь и на уме,
варвара преемник.
Пропадешь в сплошном дерьме,
коль развяжешь веник.

Кооператорщик-перекупщик

Он - да! А мне - на руку!
Появятся шансы.
Я наоборот -
я дерьмо пущу в оборот,
подыму финансы.

Старичок

Нет ни хлеба и ни мѳни,
зато хлопаем в ладони

Националист

Ничего! Заживем по-американски
на свои миллионы - кровные!

Военный в штатском

Не заживем.

У них миллион, добытый честным трудом,
у нас миллион - ворованный.

1-й рабочий

Да, дела, безусловно, плохи.

Но жить не скучно.

Вот, выдали на троих килограмм гороха,
сказали: - Делить поштучно.

Гитарист (девахе)

Конфетку хочешь?

Деваха

Я? Нет! Отдай старичку.

Мне б водки с соком.

И к проходимцу подходит боком.

*К середине салона протиснулся парень со значком
ВЛКСМ на лацкане. Стимульнутый наркотиком.
Красный весь. Кричит:*

Товарищи! Кореша! Черти! Чертовки!

Кто хочет посмотреть видеоклип

«Девочка, разденьтесь!»,

выходим на следующей остановке!

2-й рабочий

Не фильмы - видики!

Порнуха! Сор!

Вот обновляемся, глядеть жутко!

То дети играли в героев и медсестер,

теперь - в проституток

Старичок

Я любил пахать и выпить в меру.

Был по части женщин не простак.

Пережил и язву, и холеру,
Только демократию - никак!

Кооператорщик-перекупщик

А че волноваться, а че грустить!
И не такое увидишь, предок.
Ну, комсомол перестал патриотов растить,
ну, растлевают он малолеток.

*Басом смутил огонек в окне,
пальцем в небо ширнул, как кием.*

Подняли досуг зато в стране.
А прибыля какие!

1-я торговка

Ох, видики да прянички,
ох, доведут до лялечки!

Деваха

*(Яркая, в лучах распутной славы.
В королевы босяки сулят.
И сережки - две лисы лукавых,
мочки прокусили, как цыплят.)*

Подмигивает торговке.

Ой вы лю-ли, песенка простая.
На плечах дорожная сума.
Мы летим на юг,
но в разных стаях,
в номерах «тузов» сводить с ума.
Будем бегать Ялтою налево.
Ножкой останавливать такси.
Тормознут.
- Платите-ка!
- Мерси!
Угощайтесь нами. Ой ля-ля!

Гитарист

Поясок на бедрах светло-кремов,
поводком зажат в руках жулья.

Может, на ночь будешь королевой
местного гоп-стопа короля.

Эх, настроенье не скрывай -
Веселей подмигивай!
Женщина, что трамвай:
опоздал на один -
на другой запрыгивай!

Торговка *(поет)*

И только бармен из окна
в мои глаза глядит учтиво.
А я - одна... Совсем одна
среди большог-го коллектива!

Проходимец

Девчонки, внимание!
Один господин хороший
ищет молоденькую секс-партнершу!
Девчонки,
кто устал от советской жизни -
клюйте!
Оплата - в валюте!

Священник *(военному в штатском)*

На Млечном магистралей звездных космы,
но убежать от блуда нету сил.
Двадцатый век открыл дорогу в космос
и СПИДом человека наградил.

Афганец взъерошивает девахе челку.

Никак не дашь себе ладу -
вертлява, начесана и смела.
Ты губ меняешь помаду,
как будто кожу змея.
Глядишь издерганно.
Растеряла слух.
Улыбка плывет, что под солнцем воск.
Телу твоему нужен здоровый дух,
как облученному костный мозг.
Ждешь потасовщика, спец-фортовая.

В карманах червонцев,
что в печке жару.
Но ты для него только телка клевая,
с которой можно гульнуть на шару.

Блатной нахально отстраняет афганца плечом.

Отхлынь от нее! Слышь, а то...

Афганец
Ч-чего?

Блатной
А того, что на свет выходят - одним путем,
но разными с него уходят потом.

Афганец (*девахе язвительно*)
О, эти груди!
Мед по ним стекает.
А для кого-то, может, это яд.
Одна - ловчит.
Другая - завлекает.
А вместе - до безумья дурманят.

Залетная,
тебя увижу - обо всем забываю.
Везувием дышит навстречу грудь.
Нежность твою, как каторжник, добываю,
пробиваясь к сердцу сквозь скальный грунт
кокетства, капризов пустых, как тара,
сквозь жесты проворных и хитрых рук.
В мыслях твоих, как в карманах шарю,
в обтяжку пошитых балдежных брюк.
Залетная,
прощаюсь с тобою наскоро.
Мы разойдемся без лишних слов.
Сквозняк расщепляется
на ветер и насморок,
на лесть и коварство -
твоя любовь.

*Блатной хватает афганца за лацканы
пиджака, потом - за кадык:*

- Ты, мужик!

И схлестнулись из-за пустяка.
Нож блеснул, по-пиратски отточен.
До чего же ты, жизнь, коротка -
воробьиного крика короче!

... Шепот вместо скандала и спора.
Взгляды жесткие, что виражи.
Хоронили престижного вора,
там, где Первый обкома лежит.

Девки стройные, словно картинки,
стыли, став на почетнейший пост.
И милиция, спрятав дубинки,
проводжала его на погост.

Шли. Слеталась «орлиная» стая.
Город - палец к губам: ни гу-гу!
Все тюльпаны цветочников края
в изголовье упали к нему.

Туалетный король
в высшем свете:
- Упокой его душу! - сказал.
И в Москве на Верховном Совете
впал в минутную оторопь зал.

Надрывались на митинге глотки.
Мать стояла у гроба, бледна.
Девять дней дефицитною водкой
угощала прохожих шпана.

Священник
Творец наш, Боже!
Присоедини его душу к святым отцам.
Милость не сокруши.

О, человече,
во всех делах своих помни о конце своем
и вовеки не согреши!

Автор

Все к солнцу тянется заметно.
Все оживает на свету
И только ты, народ мой бедный
упрямо лезешь в темноту.

ЧАСТЬ II

**Довольно одного дурака,
чтобы обесславить целый
народ.**

Вольтер

Автор

Гуляет коммерция в пестрой публике:
варенки, бюстгальтеры, шашлыки.
Страна растеряла свои республики,
как нищий подвыпивший медяки.
Он их собирает рукой нетвердой.
Просит иностранца:
- подмогни, не бойсь! -
И тычется крупной разбитой мордой
в берет полинялый десантных войск.
А рядом с плаката дракон в два метра
на волны знамен помочился, гад!
И носятся черти в визжащем ветре,
и ноздри щекочет угарный смрад.
У стражей порядка - дубинки вески.
А в пистолетике - девять грамм...
Мелькают лысин лощеных блески
и соболиные шубки дам.
И машет гороскопами парень резвый.

Он за валюту любой скажет нации:
- неопределенность в поступках Девы
может повредить вашей репутации.

Вся в анекдотах пошлит стена.
В глазах гимназисток развяжней тени.
И только мать, оскорбительно холодна,
застыла в полном смятении.

*На выходе из подземного перехода к рынку парень
из музучилища перед картонным ящичком для
подавания наяривает на баяне:*

- жизнь разбилась, как тарелки,
и пошла по бартеру.
Две коммерческие девки
продают бюстгальтеры.
Секс-журналы продают.
Себя афишируют.
Может, все же кто-нибудь
их приватизирует.
Эх, сесть не встать!
Да такие задницы
можно лишь в аренду брать
без приватизации!

*Рядом, с баянистом две вертлявые гимназистки
подпевают:*

1- я гимназистка

Господа, не стройте рожи,
я к работе - с рвением!
Паспорт есть и «Запорожец»
с ручным управлением.

2- я гимназистка

А у меня!.. У меня -
осиная талия.
Меня можно брать за ручку,
локоток и далее.

Баянист

А я... А я... Люблю скуку
в клубах-шоу разгонять
пить вино, сморкаться в руку,
петь и дурочку валять.

Подмигивает мужику в прогудроненной фуфайке:

Эх, надоело мне ходить
вечно с пьяной рожей.
Я не буду больше пить,
но и меньше - тоже!

Мужик (приятельнице)

Чтоб он выскочил из брюк!
Все к нему - с охотою.
Я ж на импортный каблук
жене не заработаю.

Показывает на гимназистку.

Гляжу на стан,
в догадках роясь,
то юбка у нее иль пояс?

Приятельница

Юбка уже,
стало хуже.
Ух и обновление!
Оголило всех до жопы
новое мышление.

Мужик

Да. Но кто не хочет -
годы, как вода,
девушку увидеть
в юбке покороче,
пусть не каждый вечер,
пусть хоть иногда.

Баянист

Как живете вы бездарно, -
за «бугром» сказали, -
помощью гуманитарной
мы вас забросаем.

Забросаем! Вот вам крест!
Братцы, ну проснитесь!
Вручит вам дары «Инвест»,
только - развалитесь!

Развалились наши «братцы» -
началась истерика.
Помощь вся американцев
осталась в Америке.

1-я гимназистка

На путан отцы клюют.
В рэкет прут ребята.
Лифчиками выдают
мужикам зарплату.

Незнакомец в кожанке

Понтовая публика.
Губки - класс!
Щечки - бордовые, словно овощ.
И блеск упоительно-юрких глаз,
как безвозмездная гуманитарная помощь.

*Стройный. Похоже что коммерсант,
отрывивая закордонные яства,
гладит партнерше ядреный зад
и шепчет, как лучшему другу:*

- Баста!
За свободный рынок ляжем костями!
Да здравствуют бури и ураганы!
Свободный рынок цены скостил
на эти ножки, ножи и наганы.
Да здравствуют великородия и господа!
Сословье купцов и стриптиз вечерний!
Мешанский Союз!
Остальных всегда
ОМОН загонит в сословье черни!
Братство! Гуманность! Да будь она!..
Вечно роемся в чепухе.

*И смотрит, смотрит глазами Гришки Распутина
и видит спасенье страны - в грехе.*

Баянист *(подмигивает партнерше)*

Будут танцы.

Будут зажимансы.

Мордой о бордюру шустряков!

И с тобою будут иностранцы
фоткаться на фоне сопляков.

Партнерша

Нас чернить!

А ну не смей!

Секс - вершина грации.

Продают «Эммануэль»*
в госадминистрации.

Приятельница *(на незнакомца в кожанке)*

Да-а! Что не кошелястые,
то всегда мордастые.

Мужик

Вчера

кабачковую в сетку поставил икру я,
когда школьного друга
узрел за спиной.

- Как живешь?

Ничего. Потихоньку ворую.

Третий месяц, как с пятой сошелся женой.

Он одетый с иглолочки.

Ну, ты выбился, Мишка!

Круглый двоечник, тюха,
а стал, словно кум короля!

Улыбнись-ка разок! -

Полный рот
золотишка!

И, конечно же, полный гараж хрустала?
А чего мелочиться, едри его елки-моталки!

*«Эммануэль» - откровенно сексуальная книга.

Всюду цены такие -
не выживешь, если не вор.
Я все детство и как просопел
на промасленных старых фуфайках,
я не знал, что такое матрац и ковер.
Ну, гуд-бай!
Слава Богу, и мне подфартило.

Такдохнул перегаром,
что дождикзапрыгал крупой.
У созвездия Девы мигрень наступила,
у созвездия Дракона - запой.

Приятельница

Да уж! Весело... Весело мы живем.
Кто не хитрит, тот себя умает.
Девочка бегаёт за воробьем, думает, что поймаёт.
Нынче в универмаге
купила муляжный бублик -
хлопотновесела.
А в «уцененке» - флаги
Союза Советских Республик -
очередь заняла.
Знамя пойдёт на блузку.
Вымпел - для юбки взять.
Его продают в нагрузку
к ходкой книге «Тарзан».
Все отарзанились.
Грузчик Коля ругается,
лишниххватив «сто грамм»:
- Куда не сунуть - гимназия, колледж!
Не стало места моим школярам.
С прошлой расправились кутерьмой.
Кто в бизнесмены ушел, а кто в окопы.
Но все так же по поездам немой
предлагает сонники и гороскопы.

Мужик

Если б кто об этом смог подумать встарь
челюсть отвалилась бы у «предка».
Что ни комсомольский секретарь,
то уже - коммерческий директор

Приятельница

А ГЕНЕРАЛЬНЫЙ!.. Как он всех надул!
Блистал в речах ясней, чем символ света.
Попал на президентский стул
и расстрелял в упор страну СОВЕТОВ!

Прохожий

Да, мы научились сражаться с глупостью.
Берем неимущих, как будто хватов.
Борьба с организованной преступностью
достигла косметических результатов.

Мужик

Подались,
кто в коммерсанты, а кто в сектанты,
только бы не работать.

Приятельница

По церквям поднялся вой -
появился Бог живой!

1-й прохожий

Да ну!

Приятельница

Вот те крест!

2-й прохожий

В руках умелых
запоет и жаба.

Приятельница

Говорят, в одеждах белых
какая-то баба.

1-й прохожий

Э, да сляпает народ
из дерьма котлету!

Приятельница

В ихнем Братстве нет господ
и хозяев нету.

Баянист (*наяривает*) :
Толстым врач давал таблетки,
чтоб худели скоро.
Оказались в тех таблетках
яйца солитера.

Были - песни.
Стали - вопли.
Кто чего у нас поймет?
То ли жвачку, то ли сопли
СНГ теперь жует.

Мужик
Среди выкопанной грядки -
вновь бурьяна к нам визит.
В каждом стражнике порядка
беспорядочек сквозит.

Баянист
Властелинов голоса
слышались намедни:
- Затяните пояса
до дырочки последней!
Затянули! - Хорошо!
Будем жить без грусти.
Ну а мы свои еще
чутьочку отпустим!

Гимназистки
Отцы святые, наш простите грех.
Во благо людям да послужит мрак.
Собачья жизнь пусть сбудется для всех,
а барская - лишь только для собак!
Да неустанно будем мы молиться
в пролом в коммунистических дверях.
Пусть будет, как в Америке:
секс-жрицы,
«очистимся» с братвой на алтарях!

*Гимназисток перебывает неизвестно откуда
взявшийся, весь в белом, чернявый парень с
пронзительными глазами:*

Люди! С 1.06.93 года началось Библейское «Время
Великой Скорби». Несчастливы те, кто смотрит
цветной телевизор. Легче всего кодировать
психотропными передачами в цвете. Знайте, в вас
культивируют все качества антихриста. Готовится
новая человеческая раса - раса рабов ада!

Люди, открывайте свои сердца Марии Дэви Христос
- нашему спасителю, Утешителю, Духу Истины!

Автор

Вышел на улицу. Жутко.
Тачки с картофелем скрип.
Крутит мужик самокрутку
среди облетающих лип.
Двор у базара - громоздкий.
Серый погоста забор.
У стариков и подростков
только о ценах и спор.
Пьяница спит за киоском.
Бабка с котомкой. Ларек.
Все это тот же неброский,
с детства родной уголок.
Морось. Толкучка за хлебом.
- Больше буханки - не кланчь!

Темное низкое небо.
Каркнул кладбищенский грач.
Холодно. Холодно очень.
Господи, ну и народ!
Нищий про черные очи
под балалайку поет:

1-й нищий

Я был батальонный разведчик,
а он - писаришка штабной.
Я был за Россию ответчик,
а он спал с моею женой.

2-й нищий

Эх, столько перекокали!
Разве не прогресс?
Брежневские соколы
сели в «Мерседес»!

*Старец плачет, качается,
тянет культю к вискам.
В нем никак не кончатся
фронтовые «сто грамм».*

Эх, вы гады! Уродины!
Не прощу вам вины!
Я остался без Родины,
без великой страны!

Разрывают могилы
погодков моих
парни дьявольской силы
и привычек крутых.
Хают кости их белые.
А могил, как грибов!
И светильники делают
из их черепов.

Эх, пора благородиям
снова землю делить,
на изменниках Родины
патриотов растить!

Краснодонцы!.. Что случилось,
дорогие мои?
То враги измывались,
а сегодня - свои!

Устояв перед фрицами,
как же вас не понять!
Здесь с разбитыми лицами
в сквере тяжело стоять.

Дождь и ветра потоки,
словно взрыв синевы.
Их не в ржавчине щеки,
а в обидной крови.
Град по ранам - картечью!..
Я б прикрыл вас, сынки,
но оставил под Керчью
я свои кулаки!

Дама, словно фугасом:

- Дед, заткнись! Из-за вас
ни Бандера, ни Власов
нашей чести не спас!

И, как будто воронка
в темноте головы:
- Все б ходили в «варенках»,
если б только не вы!

*И по совести праву
встал прохожий:*

- Не дам
опошлять нашу славу,
расписная мадам!
Этих наших титанов
не удастся распять,
на колени поставить,
чтоб с подонком сравнять!

Эх, да что ж мы за люди!
Кто ты, правящий класс?
Побежденные судят
победителей нас!

1-й нищий

Рулетка. Балдежь. Казино.
Мозоли батрак лишь имеет-
Народный заступник Махно
в обманутом обществе зреет

Приятельница

Преодолеем ли невзгоды?
Жизнь новый сделала виток.
От беспорядочной свободы
мир, как осиновый листок.
И думы тянутся, что Млечный.
Неужто мир наш сотворим:
одним - поститься бесконечно,
чтоб сладкой жизнь была другим?

Мужик (*рассудительно*)

На ровном споткнулись. Пропала вера!
Кто были чужие, теперь - свои.
Вон - алкоголики,
ранние гости сквера,
сидят на лавочке, как воробьи.
Им «фиолетово» все. Им нужно
чего-нибудь слямзить,
чтоб выпить взять.
Где били когда-то фонтаны дружбы -
царствуют мусор, окурки, грязь.
Дамочка топчется в синем платье.
Губки - похожие на медуз.
Она у фарцовицков на подхвате,
шмотки носит по моде «люкс»!
Кто-то глядит на нее, снедаем
похотью.
Кто-то назвал - жульем.
Все одинаково мы страдаем.
Неодинаково лишь живем.

*Впереди, на стекле троллейбусной остановки
кричат две листовки:*

1-я листовка

Да здравствуют порядок и порядочность!
Товарищи труженики и пенсионеры,
поймите мои старания:
если вы, - доведенные до скотского состояния,
выберите меня в мэры -
всех красно-коричневых
из кормушек выкурю!

А подхалимам - моргала выколю!
Чтоб им припухать на нарах!
Ваше доверие - моя ответственность.
Слабым - защиту!
Свободу - сильным!
Побольше стране обжорных рядов!
Хлеба! Зрелищ! Портков!
«Я - Иван Мудаков!»

Мимо проходит патлач с гитарой и поет:

Коммунисты воровали,
но и нас не забывали.
А пришел капиталист -
похудели все, как глист.

Заплывает жиром сердце.
Драят замок батраки.
В привилегиях - младенцы
перед ним большевики.

Отдыхает на Канарах.
Свой имеет самолет.
А вчера лежал на нарах -
позвонки считал живот.

С паразитом колорадским
дружбу водит не тайком.
Всю страну поставил раком
перед пакостным жуком.

С депутатами хохочет.
Взгляд метнет, хоть верещи.
Подают, когда захочет,
ему девок, как борщи!

Эх, веселые дела!
Все переломалось!
Власть хорошая была -
дуракам досталась!

2-я листовка

Господин народ!
Без остановки, маршем - вперед!
Радуйся празднику!
Время великих перемен настало!
Время, которое сделает тебя - частником!
Приватизация - шаг к процветанию и
богатству!
Вера в идеалы - пережиток массы!
У нас один идеал - бегом в сберкассу,
получи ваучер и отдай нам.
И будь хоть лодырь, хоть хам -
все нипочем! Станешь - богачом!

Алкаш

Эх, широко живем!
Возьмем и пропьем
родительский дом!

Патлач с гитарой

Меняются власти и вот я
предчувствую грома раскат.
Предвыборной битвы лохмотья
на всех перекрестках пестрят.
Тот - честный.
А тот - самый лучший.
А этот - с чернотой борец.
А Родина падает с кручи
и где тут безумству конец?
И левые мучают правых.
А правые - левых грызут.
И кто из них честный и правый
избрал к процветанию путь?
А слезы не каплями - горстью
народ утирает с лица.
Предвыборной битвы охвостья
шумят и шумят без конца.

*Из подземного перехода доносятся дерзкие выкрики
гимназисток:*

- Эх, рыбки б жареной и мужчину на все тело!
- Подходи, кто посмелее!
- Да здравствуют Свобода и Демократия!

Незнакомец в кожанке

Долой Ленина из мавзолея!

Поэт

Стоит на виду у всех, как сортир!

Прохожий

Но ты же о нем на весь край трубил:

«К нему лишь только с чистыми руками.

Я счастлив тем, что рос с большевиками!»

Патлач

Эх, поэты, вы у нас -

банда многоликая.

Самый маленький из вас

целит в лоб великого.

1-й нищий

От того ничего и не мило,

что мы хлипких поэтов народ.

Грусть такая мне душу сдавила,

что уже ничего не спасет.

Партнерша

Мавзолей - сортир!

Молодец, осёл!

Теперь можно все!

2-й нищий

Все, но не всем!

Незнакомец в кожанке

Ну, «рыбки», - съем!

*Выкрики гимназисток переходят в
упоительный визг.*

Автор

Нагрянет двадцать первый век
и мы не кто-нибудь - холопы!
Уходит честный человек,
кто в шулеры, кто в землекопы.
Да, рвется праведная нить,
когда теряем честь и гордость.
Нас невозможно исцелить
усовершенствуя тлетворность.
Не зря доказано веками,
где мало дела - много слов.
Когда бежишь за облаками,
не жди попутных свежаков.

ЧАСТЬ III

*Жить было весело, да есть
было нечего.*

Сказание о крестьянском сыне.

Автор

О, новой жизни вежи роковые!
Корысть и хамство дельно правят бал.
Вошёл в кафе - слизала чаевые,
гораздо больше, чем за чай отдал.
Ошибся - касса лишку не вернула.
В душевную вогнать сумела мглу.
Цветочница - и та меня надула:
в бутон гвоздики всунула иглу,
чтобы на стебле
как-то хоть держался,
неосторожной сломанный рукой.
Цветочница,
твой образ мне казался
святым,
а ты, вот так жестоко!..
Бог с гобой!

Печёнки взял мороженой, в ней - черви!
Что ни чиновник - требует рубли.

Я не могу! Всё действует на нервы.
Купил угля - породу привезли!
Все угождают дьяволу с усердьем.
Всем только чрево главное и плоть.
Хоть строят Храмы -
нет в них милосердья,
прости меня за искренность, Господь!
Святые в рясах молятся не свято.
Властители ведут с Тобой игру.
На теле носят образ Твой из золота,
но подражают Злу,
а не Добру!

В парк вхожу.
В нём холодно и пусто.
И по голове, как сотня гирь:
меж осин столетних вместо бюста
в цоколе торчит сталистый штырь.

*Рядом - поляна, как будто трон.
На ней под осиною три кретина пьют самогон.
Жуют сухарь стыренный. Не занимать злости.
Один - обезжиренный,
у второго и третьего - одни кости.*

2-й кретин

Гоп-ца дри-ца
трали-вали.
Эх, дела амурные!
Новый памятник завалим,
чтобы стать культурнее!

3-й кретин

Всех завалили! Остался один -
Пушкину.

2-й кретин

И его в утиль!
Нету к нему доверия.

3-й кретин

Говорят, поэт...

Обезжиренный

Да, поэт. Но поэт империи.
В самом центре стоит.
Подумать жутко!...

2-й кретин

Завалим!

За него на бутылку больше дадут -
не шутка!

3-й кретин

В наше время тот без денег,
кто законченный бездельник!

Обезжиренный

Жалко. Гений. Жлобы завидуют.
Себя перед ним мелкотою видят.

2-й кретин

Гению не завидуют. Гения - ненавидят!

*Из-за куста терновника выбегает дамочка в
короткой юбке. Вид - убогий. В синяках ноги. Труссы
подтягивает.*

Дамочка

Я - девчонка хоть куда!
Сама себе нравлюсь.
Я с любым бичом в посадке
за минуту справлюсь!

2-й кретин

Вот-вот, только хахали на уме.
... Моя сука сквозонула к бухгалтеру,
когда был в тюрьме.

Прибежала с голым задом.
Состроила глазки.
И в хоромах зажила
весело, как в сказке.

3-й кретин

Мозг у женщины активен -
целит прямо в точку.
А мужчина - примитивен,
любит оболочку.

2-й кретин

И всё-таки выражу мысль я вслух,
хоть обухом по башке ударь.
Самый лучший - собака друг,
а женщина - это тварь!

Дамочка

*Сзади монументальной грудью падает
ему на плечи и трётся.*

Ладно. Ладно, мозги не парь.
Ну разве же я - тварь?

2-й кретин

Входя в возбуждение
Ух и короста. А ну-ка слезь!
Что за манера рвения...
У тебя подозрительно тяжёлый вес
и лёгкое поведение.

Грубая ты, как дерюга.
А мне нужна только ласка.
Скажу тебе так, подруга,
твоё лицо - это маска.

Надо сорвать её поскорей,
иначе душа отравится.

*Заваливает дамочку в пырей
и сам на неё наваливается*

Дамочка

Губ твоих - родник святой,
пить и не напиться.
Целый век бы под тобой
сладко шевелиться!

2-й кретин

Эх ты, жизнь моя - тонкая веточка!..
Ближе, ближе к земле ты клонишься.
Мне надеяться больше не на что -
ждать, когда ты совсем отлomiшься!

Будь ты проклята - эта любовь!
И раскосинка глаз с поволокой,
коль стаканами пьёшь мою кровь,
коль такой оказалась жестокой!

Дамочка

Ладно, не плачь. Большая любовь -
малым довольствуется.
Какой бы ни нанесла удар,
женщина - Божий цветка нектар!

Вытирает подолом юбки кретину слёзы с лица.

Чтоб печаль смолоть в муку,
надо очень мало:
не вгоняй себя в тоску,
как бы жизнь ни мяла!

Ну, расправь рожу!
У нас с мужем тоже...
Бывает денег -кучи,
но в проголодь живём.
Чем больше их получим,
тем больше их пропьём.
Ребята!.. Братцы-кролики,
за что меня судить?
Жить с мужем алкоголиком -
никак нельзя не пить!
И конь ведь спотыкается.
Вода горит в огне.
Когда страна спивается,
то как не спиться мне?

*Из середины куста, как из подводной лодки,
выныривает алкаш. Орёт во всю глотку:*

Я в стельку пьян. Плетутся еле ноги.
Сивушный хмель так луснул по глазам,
что нитка просыхающей дороги
простор пришила к белым небесам.

Мне хорошо. В карманах нету денег,
а это значит - жизнь, как пух, легка.
Иду. И мне давным-давно "до фени",
что в доме хлеба нету ни куска.

И что супруга слёзы льёт в подушку.
Пусть поскулит от матери тайком.
Я рос в краю,
где "горькую" из кружки
всем околотком пьют, как молоко.

И на отца подростком двигал грудью.
И всё мечтал, в слезах жалея мать,
что, как отец, я пьянствовать не буду,
жену не буду улицей гонять.

Но спохватился вовремя, не умно
в расцвете лет лишать себя гульбы,
когда у нас в размашистой и шумной
стране не пьют одни только столбы.

Просплюсь. Жена голодная, как галка,
расстаться хочет с жизнью растакой.
В столе - голяк. Но мусорная свалка,
она почти что рядом, под рукой!

И пусть буржуи всякие подохнут!
Пойду в кабак и снова "заторчу"!
Дорога к утру всё-таки просохнет
И я бы мог,
но только не хочу!

В отчаяньи сжимает руками голову.

Эх, не пил бы!.. Мать его ети!
Если б можно было работу найти.

3-й кретин

Была бы работа, я... зараза,
Сергею Тюленину не свернул бы вязы.
Стал разрушитель страшный,
а был слесарюга классный.

Обезжиренный

А я - инженер гипромаша
с самым солидным стажем.
С кем угодно могу поспорить -
заводы лучше не истреблять, а строить.

Падает рядом с дамочкой.

Груди - хорошие. Ножки - похуже.
Губки - потолще бы. Ротик - поуже.

Хоть со мной тайком не встречается -
для меня она наряжается!

3-й кретин

Брат, не давай очам волю -
заведут в неволю!
У дамы сердца
так много перца!..

2-й кретин

Блекнет жизнь без жажды красоты.
Хоть её в конечном счёте жалко.
Даже красивые цветы
ожидает мусорная свалка -
тления хаос.

И потому,
если счастье взвесить откровенно,
то за жизнь цепляться ни к чему,
а за радость жизни - непременно!

*К цоколю памятника подходит депутат с собакой
"Стрелкой" в окружении творческой интеллигенции.*

Депутат

По-моему тут стоял бюст Ленину?

Помощник

Ему!

Депутат

Правильно сделали, что убрали.
В корень зрю.
На его месте поставим памятник Кобзарю.
Прекрасно писал:
Солнце над краном звыса.
В поли ростэ ковбаса!..

*Смотрит на дурачащихся кретинов,
на голые ляжки дамочки:*

Вот так... Дурачась, а то рассорясь,
поставив на святости крест,
теряем стыдливость,
а значит и совесть,
а с ней - сострадание, честь.

Дамочка (увидев депутата)

Эй, представитель народных масс!
Не надо нам слать проклятья.
Ведь не идеи согреют нас,
а сладостные объятья.

3-й кретин

О, Абрам Лукич! Здравствуйте!
Скажу вам в любую погоду
от массы народной лица,
что лёд превращается в -воду,
народный избранник - в дельца!

Помощник

Ну-ну, думай, что говоришь!
Перед тобой элита!

Обезжиренный

Вы - элита?
Вы не элита - паразиты!
Сказанул. Ёшкина мать!
К власти рвутся, чтоб воровать.

Правильно говорю, подруга?

Обращается к заслуженной певице.

Чем больше брюхо, тем усадистее хапуга!
У старушки со стажем в пятьдесят лет работы
отобрал все льготы.

Дамочка

Грех большой сотворил
и не кается.
Человек без человечности
вырождается.

Певица

Мне, ребята, всё равно.
Жизнь - прокисшее вино.
Хоть жлобы, хоть клерки в зале,
только бы рукоплескали.

И вообще, я вам не подруга.
Я из депутатского круга!

Заслуженный актёр

А меня за что?.. Чуть ли ни матом!..
Я же на нищенскую живу зарплату!

2-й кретин

Голодного изображает,
а сам от сытости икает.

Поэт

*Шельмец изысканной породы.
Прославился - писал начальству оды.*

Певице, как бы оправдываясь:

И стать не в силах подлецом
и в то же время ясно:
жить с человеческим лицом
и глупо, и опасно.

Обращается к депутату

Абрам Лукич, эти кретины - фрукт, не овощ.
В поэме их протяну,
если окажете спонсорскую помощь.

Композитор

А я - в оратории.

*(Курчавистый и проворный.
Он памятник себе воздвигнул мукотворный.
Муку в мелькомбинате воровал
и посельчанам выгодно сбывал.)*

Дамочка (восторженно)

О, родимые, гляньте! Тута
и профессор пединститута!
Профессор, скажите,
правду о вас плетут,
мол в институт
липовые входят медалисты,
а дубовые выходят
все специалисты?

Профессор

Всё у нас без проволочки.
Мы не вяжем веников.
Деньги есть - клади на бочку,
будешь академиком!

2-й кретин

Да, ничего святого не осталось.
Куда ни кинь -
смятение и страх.
На дураках вчера страна держалась,
сегодня на пройдохах и ворах.

Политолог

На ворах? Чего ради!?
Кризис давно обошёл нашу страну
и зашёл сзади.

Депутат

Да, да - сзади.
Никто не в накладе.
Вымотаем все жилы,
а создадим среднюю буржуазию!
Она - экономики совесть, честь
и миллионы рабочих мест.
Не станет больше бандитских шаек
и попрошаек.
Я, как депутат,
вношу в это дело немалый вклад.
Крепни, моя Отчизна!
Вношу - бескорыстно!
У нас есть чем гордиться -
Водки столько, что можно спиться!

Дамочка

Речь милосердья - речкой льётся.
В ней презирает он корысть.
О человечестве печётся,
а ближнего готов загрызть.

3-й кретин

И нету никаких уже секретов -
повсюду правят лишь авторитеты.

Священник

Не богохульствуй, змея те в бок!
Абрам Лукич - чудодей-пророк.
Он завтракать может тут - под боком,
а обедать - в Марокко.

3-й кретин

Ой, батюшка! От скорбей ваших
дивно в очах наших.

В штреке бахнул тротил -
топором х а р и !
Поп шахту осыятил -
не будет аварий!

Обезжиренный

Себе создавая преграды,
народ наш умом не поймешь.
Открестится старой неправды
и втюрится в новую ложь.

Помощник

А ну, не паясничать!
Абрам Лукич, что взять с мужика!..
Выпейте стопочку коньяка.

Депутат

Ух и помощничек!
Во даёшь!
Уже десятую подаёшь!
И хоть я не очень молод,
но ещё силён мой молот.

Лицо лоснится. Подмигивает певиче.

Я пью мало.

2-й кретин

Да, сколько ни налей - все мало!

Помощник

Ничего, будут спокойней нервы.

Кивает в сторону кретинов.

Если б не эти стервы!..

Художник

*(Похожий на аксакала.
Создал шедевр из собственного кала.
Картина, посмотришь - сойдёшь сума:
поднос с цветами и гора дерьма.)*

Певиче

Силён на диво.

Певича

И пьёт красиво.

Художник

Такой перевернёт весь мир
У него завод по изготовлению рапир,
люкс-типография "Гордый скиф",
полсотни магазинов и мастерских.
Жена молодая. Детишек двойня.
Ну, и богатая маслобойня.
Кафе экзотическое весьма:
"...Не торопись - я сама!"
Хоть зубы кладёт на полку народ -
священник отмолит кары.
У него суточный финансовый оборот -
можно купить Канары.
После распада СССэРа -
лепший друг мэра.
А у мэра всё схвачено до конца.
Иномаркою сбил мальчика
и в момент прекратил трезвоны -
дал мешок сахара на похороны.
Скупил за бесценнок ваучеров столько,
что стал хозяином корпорации
"Леспушторга".

*Депутат, опрокинув коньяк, взял колбасы
с тарелки. Понюхал и отдал "Стрелке".*

Поэт (облизываясь)

Гарная собачка.

Помощник

Слов нету!

И машинально плеснул поэту

Поэт

Эх, с Лукичом в обнимку

коньяк попиваю.

Мыла Украина, я тэбэ кохаю!

Алкаш

Эй, ты!.. Ёшь твою вошь!

А мне нальёшь?

Священник (*угрожающе*)
Не водки вам надо, а хлеба пресного!
Скопцы вы Царства Небесного!

Депутат
Тебе с такою рожею
неположено.

Алкаш
Да, мне на то, что положено -
хрен положено!
А на тебя, борова,
ложу с прибором я!

2-й кретин
Жаднюга - трудно сыскать.
Пятак, подлец, готов занять,
чтобы десюлики не менять.

Толкает дамочку
Смотри! Смотри, Патриция!..
Да это же морда с фотографии:
"Их разыскивает милиция!"

Депутат
Милиция? Кого? Меня?
Да я вам такого задам ремня!..

*И улыбаясь тощенько,
толкает вперёд помощника.*

3-й кретин
Патриотичен по натуре.
За мной! - орёт на целый свет.
И грудью прёт на амбразуру,
на ту, где пулемёта нет.

2-й кретин
В том, кто совести не чувствует,
состраданье не ночует.

Как думаешь,
"Народа глас - глас Божий",
а мы - народ, тогда кто?

Депутат

А что - народ!
Народ - он обормот.
Ему, как кукле, нужен кукловод.

Алкаш

Ну, морда!

3-й кретин

Не морда, глянь хорошенько -
бульдог без ошейника!
Он у нас
только знает "Фу!" и "Фас!"

Алкаш

Барыни-господа, очи не мозольте.
Мы всё снесём, но стерпеть - извольте!..

2-й кретин

Нам - кукловод?
Рассужденьице странное.
А дырна не хочешь в место срамное?

Депутат

*Застыл. Потееет.
Шея от ярости багровеет*

Я - бульдог! Мне - дырна?
Нет, ребята, так не годится.
Надо определиться!

*Вырвав из рук помощника саквояж,
достал гранату и
пьяно швырнул в кубло кретинов.
Собака "Стрелка" подумала, что хозяин бросил
мячик, побежала, схватила гранату и притащила
хозяину.*

Раздался взрыв.

Обезжиренный

- Убит! - Экраны все кричат.

- Убит! Убит! - твердит печать.

Убит народный депутат,

ну а народ безумно рад.

Ну, что ж - таков наш мир.

Элита - в тесто.

А голова депутата скорей - на цоколя штырь!

Нашла достойное место.

2-й кретин

Куда ни кинься - дуют ветры,

и бродят ветренности.

Не могут люди жить без жертвы,

а кто - без жертвенности.

У всех бывает страх и шок,

но каждый знает:

у тех лишь заворот кишок,

кто пожирает.

Автор

День сущий, радугой блесни,

сбрось холода одежды.

Заждались солнечной весны

продрогшие надежды.

Сомнениями взвинчен путь,

печалями усыпан.

Дай, Боже, мне передохнуть

от думы неусыпной.

Закончился двадцатый век.

Тревоги обнажает.

Но так же мерзок человек -

друг друга унижает.

Всё правды ищет он на вкус,

как сладкий мёд, тягучей.

Никак нести не хочет груз -

венец Христа колючий.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Время строгою метой отмечено.
Вон, трамвай на кольце... Погляди,
для одних он - начало пути.
Для других - остановка конечная.

Ночь. Безмолвье.
Свежо и речисто
вдоль дороги шумят тополя.
Неподкупна, как счётчик таксиста,
день отщёлкнула совесть моя.
Прохожу мимо досок почёта.
Много лиц. Но не всем довелось
истекать до двадцатого пота,
чтобы легче Отчизне жилось.
Вон, как вымпелы, красные шеи!..
Кокон лести свивающий взгляд.
Вон, трибуны, как будто траншеи,
их и гласностью даже не взять.
Впереди с уклонистами спорит
новый лозунг.
А рядом сквозь грусть
то ли Блок, то ли сам Иисус
держит древко и в очи мне смотрит.
Говорит он:
- Усталости прах
Отряхни с себя, поздний прохожий,
и тогда обновления шаг
в своем шаге почувствовать сможешь.
Веруй в братство людей, как в мечту,
Прорастая делами в надежду,
и тогда никогда не сметут
нас с великой дороги невежды.

Ушел. Вздыбил ветер.
А со стены -
кричащий кумач плаката:

«Татуирована грудь страны
поступью бюрократа!»
Ушел и усталость с меня смахнул.
Ударили ветры в спину.
Еще я сумею...
Я к ним примкну
себя, как штык к карабину.

ЖИВАЯ КРЕПЬ

Поэма-быль

ВСТУПЛЕНИЕ

Поспевшей рожью
дышит бок бугра.
Ручей в низине
вербы привечают.
Два тополя у шахтного двора
на гибких ветках
облако качают.
Идут под ними в баню горняки.
Они из шахты вышли только-только.
Идут черны,
усталы,
широки,
касясь веток грубою спечовкой.
Глодают жадно воздух голубой.
Ладонью пот со лба стирают - жарко!
И птичий свист сквозит от ламповой
к цветами разневестившейся балке.
Глаза, что так привыкли к тьме глухой,
еще слепит
родной земли безбрежность.
У горняков
особенная нежность
к травинке, к солнцу,
к дали голубой.

I

Узлами троп
рябит холма наклон.
Росой рассветной
каждый стебель сыт.
А на холме
громадный террикон,
степным орлом
нахохлившись, сидит.

Вцепился взглядом в тучу впереди.
Суров и хмур.

Казалось, мускулистый,
слетел он с крепкой Митрия груди,
оставив шрамов след на ней
когтистый.

А Митрий мой привычную тропую
идет на смену, молча, с обушком.
Туда спешит, где каждый штрих забоя
еще с войны доподлинно знаком:
в пятнадцать лет
навальщиком работал,
посадчиком, сноровисто бутыл.
Всего себя выкручивал для фронта,
по суткам на-гора не выходил.
После войны -
опять война настала
с разрухой, мором -
жадной смерть была.
В борщ лебеды по балкам не хватало,
по хатам обескровленным - тепла.

И неспроста в натруженные руки
правительство вручало от души
тем - ордена,
другим -
отрез на брюки,
а третьим... третьим...
- Митька, покажи!
- Покаж!
- Покаж!
- Ух ты-ы!!
- Счастливчик, братцы!!
Вперяла взгляд в лощеный лист братва,
где Митьку направляли покататься
на боевом прославленном «ПО-2».
И мотор заревел и натужно, стыло.
Побежала сама под колеса трава.
То ль от слабости в теле
слегка затошнило,
то ль от радости кругом пошла голова.

Самолет от земли оторвался неслышно.
Под картавящий крик паровозных гудков.
И в себя он пришел,
когда гибкие вишни
опустили угольчики белых платков.
И чем ближе «ПО-2»
к облакам подбирался,
тем азартней глазам
открывался простор,
тем все выше над жизнью своей
поднимался
с детства - детства не видевший
юный шахтер.
Замирало в груди
то щемяще, то жутко.
А когда пронеслись над поселком опять,
от сознания, что видит полет их Анютка,
стала в скулах
мужицкая кость проступать.
- Аня!.. Аня, голубка,
- ты слышишь меня?!
Здесь прохладно, как в шахте,
и весело даже.
Высота, понимаешь, и есть глубина,
коль упрямей глядишь,
значит, видится дальше,
Сели.
- Митя!..
- Аня!..
И руки сплелись.
Столько ласки и радости в лицах!
Одолев неприступную высь,
стали чувства любовью светиться.

Самолет в стороне, словно конь,
отдыхает в траве сочнолистой.
Степь шершава кругом и бугриста,
и чиста, словно Митьки ладонь.
- Аня!
- Митя!
И кругом земля.
И дорога, дорога, дорога...

Рвы, как линии жизни, в поля
убегают упрямо и строго.
Как судьбу мне по ним предсказать?
Что она принесет и откуда?
Свадьбу - точно!
А дальше, как знать!
Все за маревом скрыто покуда.

* * *

Наливался подсолнух кургузый
жаром солнца по балочным склонам.
Молодая в соку
кукуруза
убегала к седым терриконам.
Разомлевшие груди свои
молоком переполнила сладким.
Знать, дородными будут початки.
Лето силы бунтует в крови.

Шелохнулась цветами межа -
с лепестков пыль смахнули росинки.
И задумчивый лютик, дрожа,
посветлевшей коснулся травинки.
Бойко девушка в глинец ставка
окунула упругую ногу.
И кудрявого парня слегка
окропила водой.
И дорогой
в сад помчалась.
Хохочет: - Лов-ии!!
Зреют лета соблазны в крови.
И...

СВАДЬБА

Ни к чему пустые разговоры,
у нас в Донбассе
просто пьющих нет!
Вот и сегодня
свадьба у шахтера.
Гуляй, ребята, так,
чтоб ахнул свет!

Юбочка бордовая,
сама чернобровая!..

В круг попал в шахтерках горнячок -
черный весь, одни белеют зубы.
И в стакан забулькал первачок.
Ну-ка, врежь!
И «врезал» - глянуть любо.
По привычке крякнул:
Хороша-а!
Хороша и водка, и невеста!

Каску набок сдвинул не спеша
и пошел чесать чечетку с места:

Ой, крепильщик,
в степи, в степи
выходи по балке.
Мы любовь с тобой закрепим
поцелуем жарким!

А не следи за мной, насыпщик,
отчехвощу - я така!
Ты насыпщик как насыпщик,
я люблю наваль-щи-ка!

На мостовую брызнул дождь монет.
- На счастье! - рослый выкрикул горняк.
- Но сбоку смуглый терриконщик-дед
сказал,
взглянув на скачущий пятак:
- Какое же ты счастье? Ты - медяк!
А счастье вот... красуется в жене
разумной, как у Митрия Анюта...
И мрачно вздрогнул мускул на спине,
напомнив ЗАГСа долгую минуту,
толпы на миг застывшее лицо,
когда под блеск бокалов полутусклый
вдруг у невесты выпало кольцо,
минуя Митьки палец
заскорузлый.

- Примета злая! - замер дед, как дуб, -
ведь Митрий-то забойщик,
углеруб!

Ой за садом,
да за терриконом,
ой торгуют бабы
самогоном!

В РАБОЧЕЙ НАРЯДНОЙ

Дощатый пол, в щербатых щелях весь.
На стенке вымпел. На скамейках в ряд
братва предсменный слушает наряд.
А дым такой, что хоть топор повесь.
Но горняки чадят все и чадят.
В кустах бровей ворочаются тени
от волевых начальственных речей:
- Чтоб раскатать нам славу позвончей,
нам потрудиться надо в воскресенье.
И потому, сначала так решим:
все безотказно выйдут на работу...
- Не выйду я, окурок потушив, поднялся Митрий.
Нет такой охоты!

Мгновенно зал как будто онемел.
Лишь только сзади кто-то чиркнул спичкой.
Коль высказаться Митрий захотел -
не миновать с начальством
крепкой стычки.

Раздули штаты трутней, преи не преи!..
Куда ни ткнишь - в конторе все юристы!
На должности подземных слесарей
охочие до девок футболисты!
Не выйду я!
Чего мне ВЫХОДИТЬ?
Комбайн негодный заменили б лучше.
Вчера всю смену уголь бы рубить,
мы ж простояли!
Кор-рень в твою душу!
План общий - есть!

А в лавках, что... не стало?
Выходит, кильку ешь,
а говори - сало!
Не выйду я! Зачем идти? Стоять?
Концерт в ДэКа дает артист любимый!
Желанья нету, вобщем, покрывать
беспечность вашу
днями выходными!
- Беспечность!
Ах, идол! - разверзся крик.
- Важнее концерт!
Честь участка губишь!

И от того совсем сдурел старик:
- Да я тебя!!!
Как шелковый ты будешь!

На шее задергались прутья жил.
Но Митрий был парень с ухваткой бравую
Он только топор и переложил
из левой ручищи
в правую.
Тут встал бригадир:
- Зря чего кричать,
лить воду в дырявый чайник?
Давно с беспорядком пора кончать!
Вот так-то! Решай, начальник!
Меня не за тем смертоносный вихрь
ломал и в боях, и на ребрах штрека,
чтоб нынче за лозунгом дутых цифр
не стало видать человека!

На стуле заерзал Иван-новичок...
А Митрий подумал:
Грозы не видел...
Кровля в забое дряная. Ч-черт!
Ради парнишки
придется выйти.

II

Узлами троп
рябит холма наклон.
Росой рассветной
каждый куст облит.
Где на холме громадный террикон,
туда привычно
Митрий мой спешит.
Рукой с шалфея бабочку спугнул,
и полетела вверх павлиноглазка.
Степь... Степь в цвету.
Ромашек-скромниц ласка
и ветерка пропахший ветром гул.
Лиловый от цветенья астрогала
и белый от катрана,
что есть сил
он над горой промчался, где бывало
мальчишкой Митрий
день встречать любил.
Куда к гнезду под кочкою торопко
он, в кулачке зерно к груди прижав,
спешил к птенцам
по отсыревшей тропке,
с кем окрылялся вместе
и мужал.

В ЗАБОЕ

Треть смены как не ладится работа.
Треть смены как дается план с трудом.
Не говорю о жилах,
жилы, что там -
канат сталистый рвется на живом!
Но вот резцы комбайна
вгрызлись в стену
пласта.
Стругнули бок,
а дальше вновь никак!
И, как забои, круто вздулись вены
на трудовых коряжистых руках.
Вперед, братва!

Качнулась твердь земная,
и с хряском уголь рухнул в рештаки.
Породу сапогами приминая,
пустили в ход сноровку горняки.
Ревет комбайн.
Ручьями пот по спинам.
Так в раж вошли -
подошвы почву рвут!
И если даже солнце вдруг остынет -
они свое
под звездами
зажгут!

Распалились.
Но вот угрозой
уже из-за стойки дохнул обвал.
И сгрудились все,
словно горстка матросов,
треножа подземный
девятый вал.
Стожилый - свиреп он и страшно лих
Железо в клубки корежит.
И только характер упрямый их
никак одолеть не может.

Вот Митрий,
поправив на каске свет,
прощупал им кровлю крепко.
Всегда для ребят он в крутой момент
был самой надежной крепью.
Толчок! И крутнуло комбайн в тупик.
А кровля породой дышит.
- Назад отойди, Иван...
Ученик!
Наз-зад!! -
крикнул Митрий, - слышишь?!
Но с треском,
внезапней, чем ярый гром,
вдоль тумбы скользнула глыба.
И он, новичка оттолкнув плечом,
вздохнуть не успел,
как штыба

зловещее облако
почвой волглой
по лаве в крови поползло, как страх.
Рухнула кровля!
И на-горах
орел-террикон, цепенея,
вздрагнул.

Ветер смял ковыли.
А сверчки застрочили
тот же самый мотив,
что и сутки назад.
Вентиляторы где-то в степи
забасили.

Вентиляторы... - легкие шахт.
Над копром облака
кумачовыми стали.
Проступал террикон
изваяньем орла.
И во взгляде его
проникающем в дали,
искра Митькиных будней
упрямо жила.

И под небом,
покрывшим себя кумачом,
вдруг возникший «ПО-2»
посмурнел на лету.
И блеснув, как слезою,
закатным лучом,
запредельную взял
высоту.

III

В дверях топтались молча,
всей бригадой.
Как сообщить, что мужа больше нет?
Не на Анюту - в бок
бросали взгляды,
как будто им мешал квартирный свет.
Ну а она уже звала их в зал.

- А Митя, где?
Опять в прорыве, что ли?
- Ты нас прости...
И старший замолчал.
Мозоль поскреб зачем-то на ладони.
- Он не придет...
Он вызвался без просьбы...
Он так собой стихию обуздал,
как никому из нас
не удалось бы.

- Он не...
И в горле
голос оборвался.
Обмякла. Свет качнулся нелюдим.

...А с улицы
гуляющим казался
тот свет в окне,
уютным и родным.

ЭПИЛОГ

... И снова - клеть.
Пора бригаде в путь.
Гудит канат натружено и тяжело.
Но перед тем,
как в грозный мрак шагнуть,
все по последней делают
затяжке.
Блестит на робах
пота с пылью смесь.
До одного проверены на верность.
Вот и Иван,
спасенный Митькой здесь.
Сейчас они покинут все поверхность.
Исчезнет жизнь обыденная с глаз.
Возникнет глубь,
где каждый миг не прост,
где на коленях взламывая пласт,
живут шахтеры жизнью
в полный рост!

1976 г.

БОЛЬ - ЗА ВСЕХ!

Поэма

Нельзя построить счастье
человечества ценой слез ребенка.
(Из Ф. М. Достоевского)

1

Нагрушусь, наплачусь над бедою
и уйду в теплынь родных полей.
Там очищусь, выпрямлюсь душою
на могилке матери моей.

Наберусь упорства и терпенья
и начну увереннее жить,
чтобы мировое потрясенье
не смогло с пути меня сшибить.

Горизонт покрылся гарищ палом.
Суслик «воду мутит» из норы.
Змей берет не силою, а жалом.
Бьет стервятник с неба, как с горы.

Он склевал глаза у идеала.
И мечта, что в голод мужики,
от больших оброков отошала.
Но тучней стают временщики.

Не хочу, чтоб гибло благородство,
рубль шуршал коварством и хулой,
вызывало наглый смех уродство,
ерничала зависть за спиной.

Чтобы дети старших спесь познали,
нищетою вгоняемые в грязь.
Ну а тех, кто тянет воз - хлестали,
трехэтажно лаясь и бранясь.
Нагрушусь. Наплачусь. И открыто
с плеч усталых сброшу ношу зла.
Ничего, что в кровь лицо разбито -
только бы душа была цела!

Только бы...
Но в жизни все непрочно.
Угадать попробуй вырази...
Вот и снова выпренно и склочно
святость правды строится на лжи.
Ловкие, солиднейшие дяди,
золотого отпрыски тельца,
будущее,
славы своей ради,
строят на трагедии мальчика.

Люди!.. Люди!..
Совесьть душу плавит.
Плачет сердце каждою строкой.
Ты прости нас всех,
Морозов Павлик,
в клевету поверивших легко.
Честная, завидная натура -
весь, как пламя праведной свечи.
Не отца ты предал -
самодура,
вора, казнокрада обличил!

2

С похмелья. Опухший.
Губа - крива.
Рассол хлебает ведерной дозой
хозяин Герасимовки - голова,
Сергеич Трофим Морозов.

Смотрит на мир -
репей в бороде.
Брови - собаками на переносице.
Он крепко держит село в узде.
В районе верхи с ним носятся.
Он - первый вояка в борьбе за хлеб.
Непробиваем.
Рука крепка.
У куркуля на подворье - слеп
и зорек - у бедняка.

Мздоимец, хапуга,
до баб охочий,
доверья людей предатель.
Жену избивать мог с утра до ночи -
совета сельского председатель.

Ему свои судьбы народ доверил,
а он разнуздался, надут, что квочка.
Вкус власти почувствовал
в полной мере:
- Я - советская власть,
и точка!
Казалось, и правды на свете нет.
Отец для детишек - зверь.
А старшему Паше - тринадцать лет
и он не кто-нибудь - пионер!

Не раз налетал на кулак отца:
- Маму не дам губить! -
И сбитый ударом, летел с крыльца,
готовый от боли выть.

Трофим Морозов - и Царь, и Бог!
Взятки брать не стеснялся.
Он все под себя подгробал, что мог,
пока на горяченьком не попался.

О, борзописцы!
В любой беде
найдете себе рекламу.
...И Павлик выступил на суде
за братьев своих, за маму.
За батраков и ребят-друзей,
чьи бледность снедала лица.
Кто даже своих не имел лаптей,
но очень хотел учиться.

Он смело сказал - горячо, не зло:
грудь галстука грела алость,
о том, что знало давно село,
но вслух говорить боялось.

Как в цыпках,
нахрапистая рука
почувствовала свободу.
И с вонью сивухи и табака
полезла в карман народу.
О, гуманисты! О, мыслей форс!
Порассуждать о добре - спецы.
Ну разве правду сказать - донос
о том, что порою творят отцы?!

3

Читаю архивы. В груди заныло.
Осока. Болото. Туман - ужом.
Дед Сергей и кулак Данило
перестревают ребят
с ножом.

- Ну что, собиратели клюквы?
Беден
ваш кузовок!..
И кистень под дых!
Паше - тринадцать,
а восемь - Феде.
Куда им против верзил таких!

От горя вокруг травостой пожелк.
Иного и нет решенья:
за то, что против отца пошел -
не миновать отмщенья!

За соснами вечер волчицей взвыл.
И в солнца лучей окладе
лик Божьей Матери проступил
в тайги посмурневшем взгляде.
Луна скатилась слезой в сушняк,
увиденному не рада.
И мхом на болоте покрылся мрак,
на убиенных глядя.

О, борзописцы!..
Пером, как финкой -
Павлика с Федей,
не в грудь, а в спину,
после удара в висок дубинкой,
сегодня докальваете, как скотину!

«Детоубийцам - высокий ранг!
Не преступление в них - дерзанье!»
Помои вылили на ребят
ради нравственного воспитания.

Уши заткнул.
Побледнел, что смерть.
Но слышу!.. Слышу - на стресса грани:

«Прощенье - убийцам! А детям - нет!
Павлик Морозов - опасен крайне!

Для демократии он - беда!
К мышлению новому в нем -
преграды!..»
Павлик Морозов опасен. Да!
Для тех, кто боится правды.

...Безмолвья оскал.
И ножа печать...
Вот так, бултыхаясь в мути,
нравственно можем мы одичать,
зная не желая сути.

Нас времени ветер
хлестнул свинцом,
но только давайте не лить елея.
Страшно порой обличать отцов,
судить неподсудных - еще страшнее!

Эпилог

...Рассыпана клюкwa.
Дорога. Лес –
в сгусток кровавый
слились невольню.
И Павлик стоит -
беззащитный весь.
И за всех нас ему -
очень больно!

Август 2006 г.

...И БОЛЬ В ГРУДИ - КАК БУДТО ИГЛЫ ТЁРНА

Поэма

*В. С. Сурату, чьи близкие
родственники вместе с более
чем тремя тысячами луганчан
в ноябре 1942 года были
расстреляны гитлеровцами и
сброшены в противотанковый
ров в районе Острой Могилы.*

1

Иду.
На клёнах каркают вороны.
Трамваи цокают.
Машины сыто ржут.
От стадиона «Авангарда» -
Оборонной
К Могиле Острой
стелется мой путь.
Туда, где день померкнул
в брызгах красных,
под сапогами - смялись ковыли.
И чувствую следы я тех несчастных,
что под конвоем страшным
здесь прошли.

Они во мне горят огнём пекучим.
Печальной их колоне нет конца.
И льётся дождь.
И нависают тучи.
И жуток ужас каждого лица.

И из колонны рвётся
крик молящий:
- Родная Нюся, доченьку возьми!!
- Давай!!
Рванулась.

Но удар разящий!
И Ньюся на обочине - в грязи!

И боль в груди -
как будто иглы тёрна.
От лютой безысходности дрожу.
И прохожу я с ними
путь их скорбный
и каждым мигом жизни
дорожу.

2

Дождь перестал. Как из тюремных камер,
на волю хлынул ветра гул стеной.
У рва противотанкового замер,
что вьётся в тёрны лентой роковой.

Из глубины,
отчаянный и вещий,
вошёл в меня укор немых очей.
Я чётко слышу плач детей и женщин
под градом пуль фашистских палачей.

Они стенают, молят о пощаде.
В тернинке икаждой - жгучая слеза.
Но, как оскал зверья до крови жаден,
так неумолчна нелюдей гроза.

Опал травы.
Багровый диск заката
и тот уткнулся в мергель, как слепой.
И падают старушки и девчата
И наполняют целый ров собой!

Кровь. Черепа разбитые детей.
Кормилицы в суглинке без грудей.

Стою у края. Боли многогранно,
как взрывы, в сердце властвуют моём.
И вижу я уже не кровь, а рану,
засыпанную мусора хламьём.

Торчит доски обломок суковато,
как в чью-то грудь воткнутая лопата.

А сквозь неё, сквозь свалку - лица, лица.
Колёса КРАзов их безбожно мнут.
И чувствую, как рана шевелится.
А, может, убиенные встают?!

И вопиют. И к нам взывают свято,
потомков победителей коря:

«Где не прошли и танки супостата -
прошло бездушье ваше, сыновья!

Высоты, кровью взятые и потом -
забвение готово сокрушить.
И чувство вытесняется расчётом.
И пошлость поднимается на щит.

И братства истощаются запасы,
которых столько было - не сломить!
И, как фашисты, грязным, тухлым мясом -
готовы ложью ближнего кормить.

Ворвался культ насилия и тела.
Морали свет теряется вдали.
И, словно палачи после расстрела,
считаете ограбленных рубли!

Не всем на пользу роскошь и богатство.
Свобода иногда - страшнее рабства!...».

Я накаляюсь ужаса вагранкою.
Не повторить бы лет тех роковых!
...Ложится в шрамах
ров противотанковый
венцом терновым
на чело живых.

ГОЛОСА:*Подпольщицы Гали Сериковой*

Меня казнят.
 Вонзился холод грязно
 в полунагое тело. Но тепло
 мне от того, что гибну ненаспрасно,
 а с верою в поверженное зло!

Матери с грудным ребёнком

Мы падаем под ливнями свинца.
 Уже малютки глазыньки остыли.
 О, степь родная,
 передай отцам,
 чтоб нас в житейских буднях
 не забыли!

Старика Сурата

Последний в жизни раз
 гляжу на небо.
 Прощально машет правнукам рука.
 - В своих сердцах
 растите щедрость хлеба
 и солнце не затенят облака!

В себе лелейте Сущего Христа
 и будет вечно жизнь ваша чиста!

Всех

Лежим в земле, лишённые мечты.
 Живущий,
 будь к делам хорошим рьян.
 Над нами пусть колышутся цветы,
 а не колючий властвует бурьян!

4

...Опять в ушах
и плач стоит, и вой.
О скорбь моя - Луганский Бабий Яр!!
Уразуми, о Господи, того,
кто на костях несчастных
строит рай!